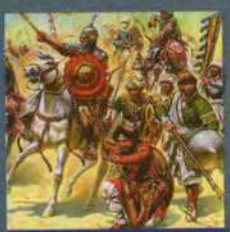

Гамильтон Гибб

ДАМАССКИЕ ХРОНИКИ КРЕСТОНОСЦЕВ

ХРОНИКИ ВОЕННЫХ СРАЖЕНИЙ

ХРОНИКИ ВОЕННЫХ СРАЖЕНИЙ

Hamilton Gibb

THE DAMASCUS CHRONICLE OF THE CRUSADES

ХРОНИКИ ВОЕННЫХ СРАЖЕНИЙ

Гамильтон Гибб

ДАМАССКИЕ ХРОНИКИ КРЕСТОНОСЦЕВ

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

УДК 94(569.4)034
ББК 63.3(0)4
Г46

Scan By Vitautus

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Хроники военных сражений»
выпускается с 2008 года

Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова

Гибб Г.
Г46 Дамасские хроники крестоносцев / Пер. с англ. Е.Б. Межевитинова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. — 253 с. — (Хроники военных сражений).

ISBN 978-5-9524-4106-4

В основу книги Г. Гибба лег манускрипт «Продолжение дамасской хроники» Ибн-Каланиси, ставший одним из первоисточников для работ всех последующих арабских историков. Автору удалось, литературно обработав хронику, сохранить последовательность и достоверность исторических событий. Материалы, представленные в манускрипте, взяты из письменных и устных источников, иногда приводятся рассказы непосредственных участников событий. Именно потому книга уникальна и представляет интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

УДК 94(569.4)034
ББК 63.3(0)4

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2009
© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2009

ISBN 978-5-9524-4106-4

ДАМАССКИЕ ХРОНИКИ КРЕСТОНОСЦЕВ

ВВЕДЕНИЕ

Дамасская хроника

Историки неоднократно отмечали отсутствие арабских летописей времен Первого крестового похода и последовавшего за ним периода, хотя и считается, что Ибн аль-Асир и более поздние арабские летописцы все же пользовались в своих работах материалами своих современников. Однако несколько лет назад в Бодлеанской библиотеке (Hunt. 125) был обнаружен один из арабских манускриптов, содержащий считавшееся потерянным «Продолжение дамасской хроники» Ибн аль-Каланиси. Это произведение часто цитировалось различными авторами, но, как считалось, охватывало период после Второго крестового похода. Однако при изучении рукописи выяснилось, что более двух третей книги посвящено истории первых шестидесяти лет Крестовых походов. Понимая, как велико ее значение, Х.Ф. Амедрос отредактировал и издал текст в 1908 году вместе с кратким изложением содержания, а также заметками и выдержками из других неопубликованных источников. Из-за отсутствия перевода находка этой хроники, похоже, прошла незамеченной для европейских историков, и поэтому выдержки из нее, представленные в данной книге, являют собой первую попытку познакомить последних с этим уникальным текстом.

В произведении практически ничего не говорится о самом авторе «Дамасской хроники». К счастью, краткое, но достаточно информативное описание его жизни можно найти как в библиографическом словаре знаменитых лю-

дей Дамаска, составленном его более молодым современником Ибн Асакиром, так и на страницах работ некоторых более поздних историков, которые обычно завершали анналы каждого года краткими некрологами, посвященными известным личностям, скончавшимся в течение него.

Хамза, сын Асада, известный как Абу Йала, принадлежал к древней и уважаемой дамасской семье, гордившейся своим происхождением от арабского племени тамимов, и носил имя аль-Каланиси (Шляпник). Как и большинство горожан высшего круга, он получил хорошее образование в области литературы, теологии и законов и поступил на государственную службу секретарем Дивана переписки или Верховного суда, где, по-видимому, дослужился до начальника (*'amid*). Кроме этого, он дважды занимал самую высокую гражданскую должность в городе — раиса, или мэра, — круг полномочий которой нам недостаточно ясен. В последующие годы этот же пост занимал его племянник (в год 548 от хиджры; с. 325 арабского текста). Он скончался в пятницу, 7-й день первого месяца раби 555 года (18 марта 1160 г.), в возрасте старше девяноста лет, а его старший брат, Мухаммад, умер незадолго до него, в январе 1145 года, в возрасте восьмидесяти четырех лет (считается, естественно, по лунным годам). Отсюда следует, что, когда Первый крестовый поход обрушился на Сирию, он был уже в зрелом возрасте и при этом, скорее всего, он не принимал никакого участия в боевых действиях, что не делает его хронику менее интересной, поскольку она представляет собой взгляд современника на злоключения крестоносцев, как их воспринимали в Дамаске, с начала Крестовых походов и вплоть до его смерти.

Не считая поэм, многие из которых он цитирует, хроника, похоже, является единственным литературным произведением Ибн аль-Каланиси. Построение и название книги «Продолжение хроники Дамаска» указывают, что она была задумана как дополнение к более ранней хронике, произведению известного историка Хилала бен аль-Мухассина аль-Саби, и начинается с момента, где та была прервана из-за смерти автора в 448 году от хиджры (1056). С другой стороны, если хроника Хилала была

универсальной по своей форме, то ее продолжение, составленное Ибн аль-Каланиси (вместе с цитатами из более раннего произведения, использованными им в качестве введения), посвящено главным образом городу Дамаску и лишь мимоходом затрагивает события в других регионах.

По всей видимости, к созданию этого произведения его подтолкнули возможности его социального положения, так как весь рассматриваемый период охватывает жизнь как его отца, так и его самого. Представленная им информация взята из письменных и устных источников, а порой даже из рассказов непосредственных участников событий. Примечательно, что автор довольно редко цитирует какие-либо документы, хотя многие его повествования основаны на изложении документальных материалов. Большинство из них, очевидно, было записано в то время, когда эти документы были получены и впоследствии изучены, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки в тексте, например частое использование настоящего времени, особенно в последних разделах. Одно из явных достоинств этого произведения — это его последовательность и точная хронологизация событий. Во всем остальном автор сам объясняет методы своей компиляции в отступлениях, датированных 540 годом от хиджры (с. 283 арабского текста):

«Я завершил рассказ о событиях, изложенных в этой хронике, разместил их по порядку, постарался избежать ошибок и необдуманных суждений, а также неаккуратного подбора материалов, которые я записал с рассказов заслуживающих доверия людей и сам тщательно проверил их достоверность вплоть до благословенного 540 года. С 535 года и до этого момента я был занят другими важными делами, которые не позволили мне провести полное исследование текущих событий для их описания в этой книге, а также определить реальность этих событий и сопутствующих им условий. Поэтому после описания событий каждого года я оставлял незаполненное место, чтобы позже внести туда рассказы о событиях, достоверность которых была проверена».

Значение «Дамасской хроники» для изучения ранней истории Крестовых походов состоит в том, что она являлась одним из первоисточников для работ всех последующих арабских историков. Ее широко цитируют Сибт ибн аль-Джаузи и Ибн аль-Асир в их общей истории, Абу Шама в его библиографическом произведении о Нур аль-Дине, а также многие другие авторы. Поскольку работы всех этих составителей были переведены и использовались современными историками Крестовых походов, лишь незначительная часть ее содержания полностью нова. Сама по себе, хроника отражает односторонний взгляд на Крестовые походы, поскольку все внимание автора было посвящено Дамаску, в связи с чем он уделяет больше внимания соседнему Иерусалимскому королевству, чем борьбе участвовавших в Крестовых походах северных стран с княжествами Алеппо и Мосула. Этот аспект Крестовых походов необходимо дополнить «Хроникой Алеппо» Камаля аль-Дина, который хотя порой и цитирует Ибн аль-Каланиси дословно, но все же основывает свой рассказ на независимых местных источниках[1].

Несмотря на это, оригинальное произведение Ибн аль-Каланиси содержит много материалов, так и не использованных последующими составителями, а также множество характерных деталей, делающих его драгоценным источником для всех будущих исследователей ранних Крестовых походов. Например, произведение дает возможность впервые проследить процесс возникновения и роста ненависти мусульман к крестоносцам, когда все возрастающее возмущение народа постепенно возобладало над междоусобицей мусульманских князей, что особо проявилось во время правления Нур аль-Дина и вылилось в яркий реванш над Саладином. Эти факты не нашли должного отражения в произведениях современников Саладина и даже Усамы ибн Мункида, который жил в более ранний период, но написал свои воспоминания лишь в конце жизни. Именно

Вероятно, основанием для истории ранних Крестовых походов Камаля аль-Дина послужил современный ему источник «История франков, пришедших в земли ислама» Хамдана бен Абд аль-Рахима из Аль-Атариба, умершего в 1159 г. (на него ссылается Ибн Муйяссар в *Annales d'Egypte*, ed. H. Masse. Cairo, 1919. P. 70, 6—7).

этот факт оправдывает включение данных подборок в записи, иначе может показаться, что в них слишком много внимания уделяется внутренней истории Дамаска и его взаимоотношениям с другими мусульманскими государствами. Более того, «Дамасская хроника» добавляет новые материалы к многочисленным эпизодам. Очень интересные моменты можно обнаружить в живописном описании осады Тира зимой 1111/12 года (с. 87—90) и изначальной деятельности «ассасинов» (с. 134 и далее). Тесные отношения, которые, как показывает Ибн аль-Каланиси, все еще существовали между Дамаском и двором Фатимидов в Египте, также позволили ему достаточно подробно рассказать о спорадических действиях египтян, направленных против крестоносцев. В последующих хрониках его тексты используются в значительном сокращении, отчего многие подробности, интересные для современного историка, теряются. Наряду с датами одна из таких упущенных деталей — это определение дней недели, что, несмотря на ошибки копиистов, имеет огромное значение для установления точной хронологии событий.

С другой стороны, «Дамасская хроника» имеет свои характерные трудности, особенно в плане языка и стиля. В подлинно дипломатической манере Ибн аль-Каланиси зачастую скрывает собственные мысли за хитросплетенными и расплывчатыми фразами, что затрудняет понимание. Для современного исследователя эти трудности усугубляет его словарь. Многие из использованных слов это сирийские слова того времени, и, хотя воспоминания Усамы ибн Мункида, единственного сирийского автора того времени, работы которого все еще представляют значительный интерес, временами проливают некоторый свет, в большинстве случаев их значение можно определить только по контексту. Ряд этих арабских слов и фраз я цитирую в сносках в надежде на то, что другие авторы смогут вернее интерпретировать их. Более того, реконструкция текста одной-единственной рукописи, как хорошо известно, представляет собой значительную сложность на всех языках, а тем более на арабском. Написания многих слов явно неправильны, и выдержки из хроники в других, более поздних текстах мало помогают в их ис-

толковании, так как большинство таких мест были просто опущены составителями. Если же в результате работы с текстом были допущены некоторые вольности, то в оправдание можно сказать, что без них он либо вообще утрачивает смысл, либо приобретает явно неверное значение, а когда такие поправки удавалось проверить, сравнив с цитатами в работах более поздних авторов, то, как правило, они оказывались вполне оправданными.

Сирия во время Первого крестового похода

Тот факт, что в значительной степени Первый крестовый поход обязан своим успехом слабости встреченного им сопротивления, признают все современные историки. Сложность политической ситуации в Сирии в конце XI века и первых десятилетий XII века, когда дело доходило до анархии, считается одним из самых важных элементов истории Крестовых походов. Это не только сделало задачу захватчиков менее сложной, чем она могла бы быть несколькими годами ранее, но также в значительной мере объясняет молчаливое непротивление сирийских князей созданию крестоносцами своих независимых владений, поскольку итоговое политическое разделение в целом происходило традиционным образом. Естественно, современному исследователю трудно полностью разобраться во всех этих обстоятельствах, особенно если он незнаком с предысторией Востока, где и разворачивалась драма Крестовых походов. Поэтому подробный анализ положения в Сирии в тот период на основе арабских источников является важным предварительным условием.

В то время в Сирии существовало шесть четко определенных сил, конфликтующих друг с другом. Это были: 1) империя Фатимидов; 2) местные арабские племена и князья; 3) племена туркмен сельджуков; 4) турецкие военные офицеры, или эмир; 5) независимые или несельджукские туркменские племена; 6) остальное население. Возможно, полезнее будет разобрать все эти элементы в отдельности, чем следовать строго хронологическому порядку.

1. Халифат Фатимидов, возникший в Северо-Западной Африке в 909 году, а в 972 году перенесший свою резиденцию в Египет, явно претендовал на религиозное лидерство в исламском мире, которое уже присвоили себе халифы Аббасиды в Багдаде. Для того чтобы править прежде всего у себя дома, им было необходимо владеть Сирией, и со времени захвата Египта они сделали это своей основной задачей, которую выполняли с помощью прежде всего войск берберов из своих африканских провинций, а затем войск турецких рабов. Однако в Сирии они постоянно встречали ожесточенное сопротивление, и не столько на религиозной почве[1], сколько из-за амбиций сирийских арабских князей, старавшихся сохранить свою независимость. В период между 1038 и 1058 годами их власть распространялась на всю Сирию (за исключением Антиохии, которой владели греки) и признавалась даже в западной Месопотамии. В последний год правления их сюзеренитет был признан даже в Багдаде, благодаря временному успеху взбунтовавшегося вассала в правительстве Аббасидов. Но с этого момента, после продолжительного экономического и военного кризиса в Египте (1062—1073), лишившего их средств для поддержания собственного могущества, их власть стала постепенно ослабевать. В конце концов в 1060 году пал Алеппо, Триполи и Тир оказались в руках местных правителей, и правители Дамаска не могли больше удерживать власть из-за развала армии, так что появление армии туркмен в Сирии в 1070 году привело к потере не только Дамаска, но и большей части Палестины (включая Иерусалим).

Несправедливость правления первого военачальника-туркмена вызвала всеобщее возмущение населения, обратившегося за помощью к Фатимидам, что не получило должной поддержки в виде эффективной военной помощи. Во внутреннюю часть страны было совершено несколько

Эзотерическая шиитская доктрина Фатимидов предназначалась лишь для «внутреннего пользования»; официальная же политика империи лишь ненамного отличалась от политики ортодоксальных суннитов, политика которых в религиозных вопросах, как правило, была наиболее толерантной. Главным вопросом здесь был политический — он заключался в праве рода Али на халифат против права рода Аббасидов.

спорадических экспедиций, но они не принесли никаких результатов. С другой стороны, египтяне все еще господствовали на море, и им удалось вернуть (1089) северные прибрежные города вплоть до Джебеля, который они удерживали до момента нашествия крестоносцев. Из рукописи Ибн аль-Каланиси явствует, что, исключая возврат Иерусалима в 1098 году и несколько экспедиций в южную Палестину во время правления великого визиря армянина аль-Афдала, военные действия Фатимидов в Сирии почти полностью ограничивались военно-морским флотом. В последующие годы армии Фатимидов стали разрушать внутренние распри, так что вскоре она стала опасной разве что для своих собственных правителей.

Вместе с тем было бы серьезной ошибкой предполагать, что влияние Фатимидов в Сирии было полностью утрачено из-за преследовавших их невзгод и все усиливающейся слабости. Из рассказов следует, что у них еще оставалось множество могущественных сторонников в главных городах и отдаленных районах, и даже сельджукские князья и их преемники считали полезным заручиться их благосклонностью. Определенный разрыв между Фатимидами и мусульманскими князьями Сирии произошел, похоже, лишь во времена Нур аль-Дина.

2. Сопротивление попыткам Фатимидов установить свое господство в Сирии в основном оказывалось шейхами полукочевых арабских племен, создававших собственные небольшие княжества либо захватывавших земли в различных частях страны. Трансиорданские и западные границы Сирийской пустыни удерживало племя тайи, являвшееся постоянной головной болью в принадлежащей им части Палестины и сыгравшее лишь незначительную роль в истории Крестовых походов. Более значимыми в политическом плане были племена Месопотамии, особенно конфедерации Укайил и Килаб. Последняя под предводительством рода Мирдаса после полувековой борьбы в Северной Сирии наконец захватила в 1060 году Алеппо, но уже в 1079 году уступила его своим соперникам Укайлидам, которые в то время поддерживали сельджуков. Но столь быстрое расширение доминиона Укай-

лидов от Алеппо до Мосула привело их к конфликту с сельджукским князем Сирии. В кратчайшие сроки они были изгнаны из Алеппо и их владений в Месопотамии и рассеяны, однако двум ветвям этого рода удалось задержаться в Калат-Габаре и Среднем Евфрате до времен Занги и Нур аль-Дина.

Но не только вождям больших племенных групп удавалось создавать свои княжества на сирийской территории. Ко времени Первого крестового похода несколько важных городов и крепостей находились в руках местных арабских правителей, которым удавалось сохранять свою независимость за счет гибкой дипломатии и раздоров между их более могущественными соседями. При падении правительства Фатимидов в 1070 году кади Тира, Ибн Аби Акил, объявил себя независимым и удерживал город до его захвата египтянами в 1089 году. Кади Триполи, Хасан ибн Аммар, восставший в том же году, был более удачлив, и Триполи оставался в руках последующих членов той же семьи до захвата города крестоносцами. В 1080 году одному из них даже удалось распространить свое правление на Джабалу, потеснив греков. Следует отметить, что ни в Тире, ни в Триполи духовный сюзеренитет халифа Фатимида не отрицался, хотя при этом правители обоих городов стремились заручиться помощью туркменских захватчиков в борьбе против него и его попыток захватить их города, а Ибн Аммар в Триполи заявлял, что имеет грамоту на владение городом от сельджукского султана в Багдаде.

Еще более примечательное арабское княжество было основано в Шейзаре в 1081 году Али ибн Мункидом, который в том году купил город и его цитадель у христианского епископа. Весьма толерантная политика в отношении подданных христиан укрепила популярность его семьи, и имена князей Шейзара можно часто встретить в анналах Северной Сирии, пока вся семья полностью не исчезла под руинами цитадели во время землетрясения 1157 года. Усама ибн Мункид, автор тех ярких «Воспоминаний», которые пролили столь много света на социальную историю периода Крестовых походов, был внуком Али.

Авантюристу гораздо меньшего масштаба, Калафу ибн Мулаибу, также удалось создать свое независимое княже-

ство. Сначала в 1082 году он был назначен укайлидским князем Алеппо управлять городом Химс, который считался буферной зоной между ним и сельджукским князем Дамаска, но в 1090 году он был изгнан оттуда, а потом и из Афамии, куда бежал в 1091 году. После нескольких лет тюремного заключения в Исфахане он удалился в Египет и в 1096 или в 1097 году вновь был пожалован властью в Афамии одним из халифов Фатимидов, которого депутация жителей города, восставших против сельджуков, просила назначить им правителя. О последующей судьбе Калафа можно узнать из перевода отрывков из манускрипта Ибн аль-Каланиси.

3. XI век стал свидетелем обширной миграции туркменских племен, широко известных как огузы, от границ азиатских степей по всей Западной Азии. Сельджуки были вождями одного из этих племен. Им удалось создать мощную армию, с помощью которой они постепенно захватили Хорасан, Персию, Ирак, Армению и Анатолию. Будучи строго ортодоксальными суннитами, они провозгласили себя аббасидскими халифами Багдада и в результате были объявлены врагами халифов Фатимидов Каира. Первые группы огузов появились в Сирии незадолго до 1070 года. В тот год один из их предводителей, Атсиз, захватил Палестину от имени сельджукского султана Алп-Арслана, который в тот же год сделал укайлидского принца Алеппо своим вассалом. В 1075 году Атсиз захватил Дамаск у командира берберского гарнизона, но в следующем году потерпел поражение при нападении на форпосты Египта — к большому удовольствию жителей Дамаска, которые ненавидели его тиранию.

Поражение Атсиза можно в определенной степени отнести за счет решения преемника Алп-Арслана, Малик-шаха, послать в 1077 году своего брата Тутуша в Сирию с армией сельджуков, пообещав им «все, что они захватят в Сирии». Тутушу не стоило большого труда захватить Дамаск и отбить Палестину у Фатимидов, но Алеппо оказал ему серьезное сопротивление. Фактически Малик-шах дважды лично вмешивался, чтобы, как это могло показаться, помочь защите Алеппо от своего брата. В первом случае

укайлидский князь попытался заключить союз с Фатимидами против Тутуша. После этого, в конце 1082 года, Малик-шах занял город, но вернул его укайлиду как своему вассалу. Два года спустя сельджукский султан Анатолии, Сулейман ибн Куталмыш, захватил Северную Сирию, вернул Антиохию и в ходе битвы убил укайлида, но ему не удалось захватить Алеппо. Впоследствии (1086) между Сулейманом и Тутушем произошел конфликт, в результате которого Сулейман был убит, а Тутуш захватил Алеппо. Малик-шах вновь отправился в поход, захватил Алеппо, Антиохию и Аль-Руху (Эдесса) и отдал их в качестве фьефов турецким военачальникам. Алеппо же вошел в долю Ак-Сонкора, отца Занги.

В течение нескольких последующих лет эти полководцы преданно поддерживали усилия Тутуша, направленные на расширение доминионов сельджуков в Сирии и низвержение укайлидов в Месопотамии и Диярбакыре. В это время Малик-шах умирает (ноябрь 1092 г.), а ему на смену в качестве султана приходит его сын Берк-Ярук. Однако Тутуш сам мечтал об имперском титуле, почему и отправился в поход на Хорасан. Но его первая попытка оказалась неудачной из-за решения Ак-Сонкора из Алеппо и нескольких его приближенных военачальников оказать поддержку Берк-Яруку, и ему пришлось вернуться в Сирию, чтобы разобраться с ними. В мае 1094 года он разбил объединенные силы Алеппо, Аль-Рухи и Мосула, казнил Ак-Сонкора и его сподвижников, захватил их города и вновь отправился в поход на Хорасан. В течение нескольких месяцев он официально назывался султаном, пока Берк-Ярук не возобновил свою борьбу и 26 февраля 1095 года разгромил его войска возле города Рей (Тегеран). Сам Тутуш погиб на поле боя от рук, как рассказывали, воинов Ак-Сонкора. Именно эта битва определила судьбу Первого крестового похода. Если бы крестоносцы встретились с объединенными силами унитарного королевства, созданного Тутушем, то историю непременно пришлось бы переписывать, но его с таким трудом созданные сирийские владения снова распались из-за соперничества его сыновей Рудвана и Дукака, а также алчности его бывших полководцев.

4. В X веке старую бюрократическую администрацию халифата и государств, образовавшихся на его руинах, постепенно сменила военизированная система правления. Правители городов и провинций выбирались из числа военных командиров или *amirs*. В большинстве случаев это были бывшие турецкие рабы, которые не только имели почти полную власть в своих фьефах, но также содержали свои собственные регулярные армии из турецких рабов. Желание объявить о своей независимости подхлестывала та деспотичная манера, в которой верховные властители обычно отдавали свои приказы, а также опасность лишиться собственности и даже быть казненным по малейшему подозрению. Восхождение на трон слабого правителя либо спор о преемнике обычно считались сигналом к распаду царства на ряд более мелких княжеств, правители которых, попросту «бароны-грабители», вели нескончаемые распри друг с другом, пока меч самого сильного из них не восстанавливал порядок. Нередко эмир отправлялся со своим войском в какой-нибудь отдаленный район, силой захватывал его и удерживал в своем владении, пока его либо низвергали, либо он получал официальную грамоту на владение.

Сельджуки не внесли никакого материального изменения в эту систему, если вообще такой термин можно тут использовать. Их собственная имперская система являлась ассоциацией разрозненных княжеств, во главе которых стояли представители рода сельджуков («князья»), каждый из которых оставался преданным главе семьи или «Великому сельджуку» в Персии и Багдаде, носившему титул «султан». От подданных тюркских правителей в качестве условия сохранения своего титула даже требовалось содержать их собственные армии. Такая организация хорошо работала при первых трех султанах, но после смерти Малик-шаха в 1092 году вновь стала проявляться старая проблема, и в различных частях империи (и главным образом в Сирии) амбиции и соперничество среди военачальников и князей привели к непрерывной войне. Как мы уже видели, Тутуш был свидетелем подъема правителей Северной Сирии, и, хотя ему временно удалось подавить это движение, после его смерти их мятежный дух вновь возобладал. После

казни Ак-Сонкора самым сильным правителем стал Яги-Сиян, назначенный правителем Антиохии примерно в 1090 году. Его владения постепенно расширились (явно благодаря Тутушу) и охватили Менбидж и Телль-Башир. С того момента, как Рудван, сын Тутуша, захватил Алеппо, Яги-Сиян стал открыто враждовать с ним, и его примеру следовали многие.

Другим фактором, способствующим появлению независимых турецких княжеств, был атабегат, характерный для сельджуков институт. Мы уже видели, что система управления сельджуков характерна тем, что каждой провинцией управляет член правящей династии. К каждому из этих князей был приставлен тюрк-военачальник, имевший звание атабек или «наставник», ответственный за военное обучение и управление их провинциями. А поскольку атабек являлся младшим родственником «царя» сельджуков, он пользовался гораздо большей властью, чем обычный военачальник. Похоже, что, по обычаю, атабек также получал в жены мать своего подопечного и отдавал ему в жены одну из своих дочерей. В соответствии с этой практикой Тутуш назначил эмира Джанах аль-Даула аль-Хусаина атабеком к своему сыну Рудвану, а эмира Захир аль-Дин Тугтегина — атабеком Дукака. После поражения и смерти Тутуша, когда Рудван захватил Алеппо и посягнул на владение Сирией, Джанах аль-Даула без каких-либо вопросов стал контролировать принадлежавшие ему территории. Дукак, второй сын Тутуша, тоже укрылся в Алеппо, но сбежал в Дамаск по тайному приглашению его правителя и установил там свое правление. В это время Тугтегин, захваченный в плен при битве у Рея, находился в Персии, но вскоре после освобождения направился в Дамаск и занял там пост атабека при содействии своей жены, матери Дукака, энергичной и сметливой княжны Сафуат аль-Мульк.

По мере ослабления солидарности сельджуков атабеки неминуемо должны были заменить династии их протеже своими собственными династиями. Но это отнюдь не означало, как того можно было ожидать, что произойдет разрыв с их сюзеренами, Великими сельджуками. Напротив, они продолжали соблюдать строгую субординацию по отношению к султанам, которые, со своей стороны,

восприняли такой ход событий на удивление мирно. Атабегат стал просто формой, и, когда, например, в 1127 году было принято решение назначить Занги в провинцию Мосул, он был официально приставлен атабеком к двум младшим сыновьям султана, которые не принимали, да этого и не предполагалось, никакого участия в управлении провинцией. Поэтому исключение Тугтегина из числа сельджукских «царей» Дамаска после смерти Дукака полностью соответствовало практике тех дней.

5. Помимо местных арабских князей, сельджуков и их атабеков, а также турецких эмиров, в Месопотамии и Диярбакыре новым элементом политической нестабильности стали огузы. Приход этих туркмен-кочевников, живших за счет разведения лошадей и грабежей, сам по себе был постоянным источником беспокойств, который еще более усиливался из-за необузданности и политических амбиций их вождей. Таким человеком был Атсиз, предшественник сельджуков в Сирии, однако силы Маликшаха и Тутуша некоторое время сдерживали их, тем более что многие их вожди служили в армиях сельджуков. Распад созданного Тутушем царства развязал им руки, и в течение двух-трех лет некоторым из них удалось создать свои собственные независимые княжества.

Из числа этих туркменских вождей наиболее известными в сирийских делах были Иль-Гази и Сукман, сыновья Ортука, туркменского офицера, которого Тутуш назначил правителем Иерусалима. Иль-Гази унаследовал титул своего отца, а его братья разбрелись в разные стороны в поисках счастья. Поначалу Сукман присоединился к Рудвану в его борьбе против Дукака и был за это пожалован владеть Маарратан-Нуманом, но после захвата Иерусалима войсками Фатимидов в 1098 году предпринял попытку обосноваться в Аль-Рухе. Впоследствии он стал владеть политически более основательным княжеством в Гисн-Кайфе, а также захватил Мардин, который, однако, в 1108 году перешел к Иль-Гази, после чего там была основана вторая династия Ортукидов. Сын Иль-Гази, Сулейман, к тому времени в Самосате уже объявил о своей независимости, еще до прихода крестоносцев. В этот период другие члены

этой семьи тоже образовали эфемерные княжества. Еще один вождь туркмен, Инал, восстал против Дукака примерно в 1096 году, захватил Амид и основал там династию, которая потом посредством брачных связей присоединилась к владениям Ортукидов Мардина.

6. В суматохе этих бесконечных распрей между соперничающими князьями, вождями и военачальниками инициативе самого народа, похоже, оставалось мало места. Если же во многих частях исламского мира, главным образом в Египте и Ираке, при решении политических вопросов народ не принимался в расчет, то в Сирии, напротив, народу удалось сохранить свое влияние, и он оказывал большое воздействие на ход событий. Сила Фатимидов, сельджуков и турецких военачальников фактически основывалась на армиях рабов, в то время как существование таких местных княжеств, как княжества Бану Мункида в Шейзаре, стало возможным только при поддержке местного населения. Даже в больших городах, особенно в Алеппо и Дамаске, влияние граждан было достаточным для того, чтобы сдерживать автократические тенденции их правителей. В общем и целом, турецкие правители опасались влияния народа, однако были склонны скорее принимать против него репрессивные меры, чем направлять в нужное русло. Естественным следствием этого стало превращение *ahdath* или вооруженных формирований граждан в недисциплинированные банды, а не в дисциплинированные войска, и при Фатимидах население Дамаска славилось своим неподчинением правителям. При защите своих домов от крестоносцев гражданское население доказало, что обладает боевыми качествами, которые при условии сильной поддержки могли оказаться более эффективными в деле сдерживания вражеского нашествия. Следует учесть, что политические распри и горести войны сказывались на городском населении не меньше, чем на беспомощных крестьянах. Сибт бен аль-Джаузи сообщает нам, что хаос, сопровождавший развал администрации Фатимидов, и неразумное правление Атсиза привели в 1075 году к таким экономическим трудностям, что население Дамаска сократилось с полумиллиона до трех тысяч. С другой стороны,

просвещенное правление и экономическая политика Ак-Сонкора привели к быстрому росту и процветанию Алеппо, а при Тугтегине Дамаск также исключительно быстро оправился от последствий предшествующего правления.

Вместе с тем в городах и богатых сельскохозяйственных угодьях Сирии сила народного движения была менее значимой, чем в гористой местности, отделявшей внутреннюю часть страны от побережья. Горные гряды Ливана и их северное продолжение, арабский Джабал-Суммак, стали не только домом для христиан маронитов, но и убежищем для смутьянов и раскольников, создававших мощные организации, способные отражать силы мусульманских князей. В течение двух столетий, предшествовавших Крестовым походам, в этих диких местах смогли обосноваться сторонники двух ответвлений секты шиитов, на ранних этапах своего развития носившей характер народного революционного движения. На севере в Джабал-Суммаке проживали нусайриты, а на юге, вокруг горы Хермон, располагались поселения их ярых врагов, даразитов или друзов. Между ними проживало большое число христиан маронитов. Место расположения этих независимых, а зачастую враждебных групп еще более осложняло связи между побережьем и внутренней частью страны, что снижало возможность совместных действий. Более того, в последнее время значительно окрепли их военные организации, что способствовало отражению набегов сельджуков, для которых, как для мусульман и создателей империи, ересь и независимость были в равной степени неприемлемы. С появлением крестоносцев они повели себя по-разному. О нусайритах мало что известно помимо того, что большое их число было истреблено франками. В своем большинстве друзы честно присоединились к мусульманам. Мароните, естественно, встали на сторону крестоносцев, а многие из них сражались в их рядах.

К моменту Первого крестового похода в Северной Сирии, помимо нусайритов и друзов, уже находилось в процессе формирования третье шиитское движение, также революционное по своему характеру. Это было знаменитое движение батинитов, раскольническое ответвление Фатимидов, приверженцы которого были широко извест-

ны как ассасины. Их общественная деятельность началась лишь несколько лет спустя, но и на этой стадии они достойны упоминания, поскольку их движение способствовало постоянной политической активности широких слоев населения и особенно мощному противлению тюркским правителям и другим местным князьям.

И наконец, население Сирии было далеко не однородным как по этническому составу, так и по языкам. Основная его часть состояла из оседлых и кочевых народов, несомненно, из арабов и арабизированных элементов, говорящих на арабском языке. Сюда же входили многочисленные местные христиане, жившие на севере и принадлежавшие к греческой, несторианской и яковитской церквям. Мароните, которые все еще в значительной степени использовали сирийский диалект, составляли, похоже, самое крупное меньшинство. Помимо них и тюркоговорящих туркменских иммигрантов, там были большие сообщества курдов и особенно армян, проживавших главным образом на севере. У подножий Тавр и по берегам Евфрата курдам и армянам удалось создать несколько феодальных поместий и даже более крупных княжеств, которые, однако, стали исчезать под набегами туркмен. В некоторых, если не во всех, северных городах армяне составляли большинство населения, и не похоже, что отношение к ним было хуже, чем к другим подданным.

Дальнейший анализ ситуации в Сирии проливает свет на события, предшествовавшие нашествию первых крестоносцев. Определяющим фактором создавшейся ситуации была вражда двух сыновей Тутуша, Рудвана и Дукака. Во время военных походов Тутуша в Месопотамию и Хорасан Рудван выполнял обязанности наместника своего отца в Сирии, а Дукак заполучил в качестве фьефа Диярбакыр. Когда пришла весть о битве при Рее, Рудван направлялся из Сирии на помощь Тутушу с военными подкреплениями, но тут же повернул в Алеппо, чтобы защитить свой наследный трон сирийского князя. Не успел он завершить начатое дело, как Дукак уже прибыл в Алеппо и, по тайному приглашению правителя Дамаска, вышел из повиновения своему брату и захватил Дамаск, сохранив при этом свои фьефы в Диярбакыре и Месопо-

тамии. Рудван, естественно, вознамерился вернуть свои права силой, и оба князя, предчувствуя неминуемость предстоящей схватки, в поисках союзников обратились прежде всего к полководцам Тутуша и туркменским вождям. Самым могущественным из них был Яги-Сиян из Антиохии, который, возможно, и поддержал бы Рудвана, если бы не сильная личная антипатия, которую он испытывал к Джанах аль-Дауле, атабеку Рудвана. По этой причине он стал союзником Дукака, которого также поддержал Иль-Гази, правитель Иерусалима. Тогда Рудван обратился за помощью к брату Иль-Гази, Сукману (в это время находившемуся в Серудже), с его туркменами, и к арабскому племени килаб.

Особенно сильно вражда их разгорелась в 1096 году, когда Рудван со своими союзниками успешно атаковал восточные владения Яги-Сияна. Дукак и Иль-Гази поспешили ему на помощь, а Рудван в их отсутствие осадил Дамаск. Его нападение отразили горожане, но Рудван успел разорить большую часть провинции перед тем, как вернулся в Антиохию. Между тем временные разногласия между Дукаком и Иль-Гази, приведшие к заключению последнего под стражу, дали Сукману возможность захватить Иерусалим. В следующем (1097) году Дукак и Яги-Сиян снова отправились в поход и захватили несколько городов в Северной Сирии. Примерно в то же время Иль-Гази вернулся в Иерусалим, а Сукман присоединился к Рудвану, и с его помощью и при поддержке сына Иль-Гази, объявившего себя правителем Самосаты, им удалось изгнать захватчиков. Вскоре после этого Рудван поссорился со своим атабеком, Джанах аль-Даулой, который со всем своим войском покинул Алеппо и захватил Химс. Яги-Сиян тут же предложил свои услуги Рудвану в качестве его атабека и отдал ему в жены свою дочь. Незамедлительно началась подготовка к походу на Химс и Дамаск. В это же время в Алеппо прибыло посольство из Египта, и Рудван, ухватившись за предоставленную возможность, предложил организовать совместный поход на Дамаск, пообещав при этом признать духовный сюзеренитет халифата Фатимидов. Однако этот план не удался из-за протеста Яги-Сияна и Сукмана, и трое союзников отправились со своими силами на

Шейзар. Именно в этот момент до них дошли вести о приближении франков к северным границам Сирии. Это сообщение смутило их, и поход был отменен, но вместо того, чтобы сплотиться перед лицом нового врага, армия распалась. Рудван поспешил обратно в Алеппо, а Яги-Сиян отправился в Антиохию, чтобы защитить город от франков. Даже в этот период Сукман, по-видимому, еще не задумывался над необходимостью защитить Сирию от крестоносцев. Он стремился лишь покорить Диярбакыр, правители которого объявили себя независимыми от Дукака. Он даже попытался уговорить Яги-Сияна и Рудвана отправиться туда, не принимая во внимание франкских захватчиков. На его уговоры никто не поддался, и тогда он отправился в поход вместе с Яги-Сияном, но потом присоединился к Рудвану. В результате Яги-Сиян остался один противостоять первому нашествию армий крестоносцев, имея лишь собственную армию и незначительную поддержку других князей, предоставленную ими в ответ на его просьбы.

Армии мусульманских государств

Тому, кто изучает историю Крестовых походов, нет смысла напоминать, что мусульманское военизированное государство давно кануло в Лету. Прежняя организация народного ополчения, когда каждый занесенный в племенные списки человек получал жалованье из общественной казны и должен был всегда быть готов отправиться в военную экспедицию, постепенно изменялась, создавались регулярные армии, и в течение IX века военная основа большинства восточных исламских государств кардинально изменилась. Ядром этих сил становились отряды платной стражи, состоящие в основном из рабов, купленных, отданных в виде дани либо унаследованных правящим князем. Эти стражники и составляли регулярную армию, стоимость которой была основной статьей расходов государства. В основном это были тюрки из Центральной Азии, а также славяне из Восточной Европы, греки и другие пленные из Анатолии, Армении и Грузии. Они были организованы в полки, один из которых выполнял функции

личной стражи и предоставлял воинов для церемониальных торжеств. Все они были конными воинами, умевшими хорошо стрелять из лука в седле. Для ближнего боя они были вооружены копьями и саблями.

Эта постоянная армия конных стражников называлась *'askar* «аскар», отдельный воин — *'askari* «аскари» или *ghulam* «гулям» («мальчик», откуда, возможно, произошло «Ангулани» из *Gesta Francorum*). У них действовала регулярная система продвижения по службе, основанная на ее продолжительности, и каждый чин отличался по каким-либо особенностям одежды. Командир полка назывался «эмир» (что часто и неправильно переводится как «князь»), а старшие офицеры или главнокомандующий — «хаджиб» («управляющий»). Командиры, как правило, выбирались из личной стражи правителя и зачастую, помимо военных обязанностей, занимали важные должности при дворе. Офицерам, которые сумели подняться до таких чинов, дозволялось и даже полагалось покупать и содержать личные войска из числа их собственных рабов, после смерти их хозяина присоединявшихся к основному аскару обычно в виде отдельного полка, который назывался по имени своего бывшего владельца.

На содержание таких частных войск главным эмирам требовались большие средства, и для этого каждому выделялись все или часть доходов с того или иного района, правителем которого он становился и за защиту которого отвечал в первую очередь. Это и есть фьеф в исламском понимании. Этот термин очень удобен и его не стоит игнорировать, однако при этом не следует упускать из виду значительное различие между такими поместьями и настоящей феодальной системой. Постепенное ослабление бюрократии, изначально контролировавшей финансовое управление имперскими провинциями и самих военных правителей, практически полностью развязало им руки в управлении их фьефами. В результате эта система привела к хроническим перегибам в управлении и постоянному соперничеству эмиров, стремившихся выжать все соки из наиболее богатых регионов. Помимо этого данная система, как мы уже заметили, служила неиссякаемым источником для восстаний и стимулом к созданию независимых кня-

жеств. Вряд ли найдется хоть немного правителей, даже довольно известных, которых бы не беспокоили подобные поползновения со стороны их эмиров. В частности слабость Сельджукского султаната и его неспособность поддержать сирийских князей в их борьбе с крестоносцами, как в начале нашествия, так и в последующие годы, можно объяснить его постоянной озабоченностью и страхом перед такого рода восстаниями во всех частях доминиона.

Численность аскаров, естественно, варьировалась в зависимости от могущества и ресурсов их хозяина. В арабских источниках не приводится никаких цифр о численности армий сирийских князей во время Первого крестового похода. Можно лишь с уверенностью сказать, что армии Рудвана и Дукака, главных князей Сирии, не могли превышать нескольких тысяч каждая, и силы менее значимых правителей были значительно меньше. 2000 *optimi milites*, которые западный источник приписывает Ягы-Сияну, вероятно, и были его аскаром. Такая низкая численность войск вызвана существованием столь мелких княжеств, как Шейзар, у правителей которых было всего по несколько сотен воинов, и, судя по высокопарным выражениям Ибн аль-Каланиси, такие войска насчитывали максимум четыре или пять тысяч человек. С другой стороны, атабеки Месопотамии обладали более сильными регулярными армиями, и этот факт объясняет ту доминирующую роль, которую они, несомненно, сыграли в последующей истории Крестовых походов.

Хотя основу аскаров составляли воины-рабы, их ряды часто пополнялись за счет подразделений наемников, в более строгом смысле слова. Полки дайламитов, уроженцев горных районов к юго-западу от Каспийского моря, можно было встретить на службе у многих князей, и армяне служили в аскарах по крайней мере Дамаска и Египта. Мы знаем, что в Сирии тоже свободные люди записывались в аскары и, как и обычные воины, получали диван или плату в виде определенной части доходов[1]. Во многих

---

[1] Например, Усама ибн Мункид, который служил последовательно в аскарах Занги (Дамаск, Египет) и Нур аль-Дина. См. также его рассказ о переговорах между Рудваном бен аль-Валахши и Муином аль-Дином Унуром.

случаях регулярные аскары князей усиливались воинами туркменских племен, конными лучниками, которых также часто называли аскарами. Когда нам говорят, что регулярная армия сельджукского султана Малик-шаха составляла четыреста тысяч человек, следует понимать, что в это число, помимо довольно большой стражи, состоявшей из рабов-тюрков (примерно сорок шесть тысяч человек), которых он содержал, входили подчинявшиеся ему туркмены. Вместе с тем, несмотря на их отвагу и хорошие боевые навыки, туркмены не являлись предсказуемыми и не обладали дисциплинированностью регулярных войск, что часто делало их просто опасными союзниками. Курдские племена тоже поставляли дополнительных конных воинов, и достаточно большое их число записывалось в регулярные аскары.

Большая часть обычных стычек между сирийскими князьями, а также между ними и крестоносцами происходила при участии одних лишь аскаров и немногочисленной обозной команды. В более важных сражениях использовалась вторая линия войск[1]. Название этих войск джунд (мн. число — аджнад) аналогично именованию старого арабского ополчения. Такая система ополчения сохранялась в Сирии и Месопотамии гораздо дольше, чем где-либо еще на Востоке, благодаря существованию арабских племенных организаций и постоянным конфликтам с Византией, однако приравнивать аджнад XI века к прежнему ополчению было бы ошибочным. Сирийские источники, однако, свидетельствуют о существовании территориальных войск типа милиции параллельно с аскарами. Военные силы более мелких арабских княжеств, друзов и других местных организаций полностью состояли из таких территориальных войск. У князей Шейзара, к примеру, был лишь небольшой аскар. Из рассказа Усамы явствует, что их аджнад состоял главным образом из арабов различных местных племен, а также из выходцев из Магриба (Северно-Западная Африка) и некоторо-

---

Сравните, например, Ибн аль-Каланиси (арабский текст), 132, 6—7: *indāfa 'ilaihim* (т. е. *al-'askariya*) *jamā' atun mina'l'-ajnadi*. Возможно, это *milites gregarii* Раймунда Ажильского.

го числа курдов[1]. Отсюда можно сделать вывод, что аджнад Дамаска и других сирийских городов, хотя бы частично, состоял из тех же самых элементов. В свою очередь, система аскаров привела к формированию сил территориального резерва, также называемых аджнад и состоявших из войск, мобилизованных не на постоянной основе, а существовавших за счет выделения земельных наделов. Такие территориальные резервы имелись в Египте в XII веке[2], но они также могли существовать и в Сирии в период начала Крестовых походов. Вопрос о том, входили ли кочевые арабские племена в состав аджнада, остается открытым. Возможно, они составляли независимый джунд, напоминающий аскар туркмен.

Воины, составлявшие аджнад, как и аскари, были всадниками, и именно это, а не различия в организации отличало их от третьей линии войск — пехотинцев. С другой стороны, аджнад не всегда состоял из лучников, воины могли сражаться с копьями и саблями. Пехота состояла из различных элементов: городские рекруты, призванные на службу крестьяне, добровольцы в поисках вещественного и духовного вознаграждения за участие в священной войне, а также приверженцы различных рас и религий. Их воинская подготовка и дисциплина, как и экипировка, зависели от случая, и, хотя храбрость этих воинов неоспорима, их военное значение, как правило, было небольшим. Участие в военных операциях сводилось в основном к таким второстепенным действиям, как строительство оборонительных сооружений, рытье подкопов во время осад, охрана лагерей и гарнизонная служба в крепостях и цитаделях.

Доспехи мусульманских рыцарей обычно состояли из кольчуги, как правило доходившей до колен, округлого шлема со щитком сзади, но без забрала, а также легкого круглого щита. Легковооруженные всадники носили вместо кольчуги короткие кожаные куртки или стеганые накидки. Во время Крестовых походов мусульмане позаимствовали у франков некоторые виды доспехов, например

---

[1] Под редакцией Ф. Хитти, 38, 13; 46, 11; 48,3 от конца; 49, 12; 70, 2 и т. д.

[2] Сравните, Ибн аль-Каланиси, с. 331, последняя строка.

забрала, наручники и т. д. Лошади, как правило, оставались незащищенными. Главным оружием мусульманских наездников были лук, копье и сабля. Сначала легкое и сравнительно короткое копье ставило их в невыгодное положение в схватке с франками, но они решили эту проблему, сначала связав два древка копий вместе[1], а затем приняв на вооружение более тяжелое копье франков. В мирное время все доспехи и оружие хранились в арсенале правителя в его цитадели под охраной самого верного офицера его аскара. Когда аскар получал приказ о готовности к походу, войскам выдавали все необходимое, что по возвращении все сдавалось обратно на хранение. Иногда аджнад тоже получали экипировку из арсенала, но, как правило, эти воины должны были иметь собственное вооружение и лошадей. Дополнительные доспехи и оружие перевозились в обозах. У пехоты также было свое вооружение: луки, сабли, кинжалы или, на крайний случай, заостренные колья, упроченные с помощью огня и используемые как метательные дротики или копья.

Во время военной кампании аскар сопровождал большой обоз, который тянули верблюды и мулы, что обычно замедляло движение войска. Подробные сведения об интендантстве отсутствуют, однако существовала некая организация по обеспечению войск провизией и фуражом, и спонтанное фуражирование, по крайней мере на дружественной территории, не поощрялось. С другой стороны, трудности адекватного обеспечения войск были причиной того, что военные кампании редко проводились зимой и даже в другие периоды года обычно ограничивались кратковременными вылазками, продолжавшимися два-три месяца. Крестоносцы, похоже, подали пример строительства специальных лагерей для ведения зимних кампаний.

Обычно при проведении атаки войска занимали позицию напротив врага, и все начиналось с дуэли лучников. Когда же враг начинал уступать, в дело вступала конница со своими копьями, и все заканчивалось рукопашной схваткой на саблях. Бросаться на еще не сломленную линию противника было не принято, так же как

---

[1] Усама, под ред. Хитти, 101, 11—12 (*An Arab-Syrian Gentlemen*, 131).

и поспешно сходиться с ним. Арабская конница придерживалась своей традиционной тактики. Она бросалась в атаку, но, не дойдя до линии противника, поворачивала и имитировала бегство, когда же противник начинал ее преследовать, конница разворачивалась в заданном пункте и атаковала врага. Крестоносцев часто критиковали за излишнюю осторожность, но при этом все боялись их «знаменитого удара». В битве пехота играла второстепенную роль, и успех схватки зависел от кавалерийского удара. Отважные всадники безжалостно рубили и брали в плен пехоту проигравшей стороны.

До нашествия крестоносцев методы фортификации и осады были довольно простыми. Как правило, сначала предпринималась попытка захватить город или крепость с первой атаки, притом неожиданно. Если это не удавалось, атакующая армия без лишних затруднений ретировалась либо осаждала опорный пункт в надежде на то, что голод заставит защитников сдаться. Главным осадным оружием была баллиста, а иногда и таран. Пример их использования был заимствован у римлян. Более эффективным методом прорыва укреплений было подведение сапы под башню или стену. В ней разводили огонь, земля проваливалась, и укрепление рушилось. Однако эти методы были мало эффективны при осаде цитадели, построенной на скалах, особенно если ее фундамент, как это можно часто видеть в Сирии, стоял на прочной античной каменной кладке. В таком случае решительный правитель мог отражать атаки неприятеля неопределенно долгое время. В значительной мере причина успеха крестоносцев заключалась в более жестких методах осады, а также зависела от прочности фортификационных сооружений.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
С 1097 ПО 1132 ГОД

Год 490 от хиджры
(19 декабря 1096 г. — 8 декабря 1097 г.)

В этом году начали прибывать сообщения о том, что неисчислимые армии франков приближаются со стороны моря от Константинополя. Сообщения шли одно за другим, передавались из уст в уста, и народ охватило беспокойство. Получив подтверждение этим слухам, князь Дауд бен Сулейман бен Куталмыш[1], чьи владения находились ближе всего, стал набирать воинов и собирать силы, готовясь к священной войне. Он также призвал столько туркмен[2], сколь мог, чтобы они оказали ему поддержку и помощь в борьбе с врагом. Большое их число присоединилось к нему вместе с аскаром[3] его брата. Уверенный в своих силах, он отправился к переправам и дорогам, по которым должны были следовать франки, и из попадавшихся ему в руки не щадил никого. После того как таким образом он истребил большое их число, франки направили против него все свои силы, разгромили его и разогнали его армию, убив и пленив многих, грабя и захватывая рабов. Потеряв большую часть своих лошадей, туркмены обратились в бегство. Царь Греции купил у франков много рабов и отпра-

---

Кылыч Арслан I, сельджукский султан Рума (Анатолия).

То есть свободные члены кочевых тюркских племен, которые мигрировали в Западную Азию, а не турки, а именно: тюркские рабы, купленные для несения военной службы.

[3] Слово «аскар» обычно означает «армия» или «военные силы» и сохранено в данном переводе, где в чисто техническом смысле означает постоянную армию конных лучников, которую содержал каждый правитель или губернатор и которая состояла главным образом из турецких, кавказских и славянских рабов и свободных людей.

вил их в Константинополь. Когда народ узнал о таком позорном поражении дела ислама, кругом воцарились страх и беспокойство. Эта битва произошла на 20-й день месяца раджаба (4 июля 1097 г.).

В середине месяца шаабана (конец июля), получив известие о приближении франков и захвате Аль-Балана, эмир Яги-Сиян, правитель Антиохии, в сопровождении эмира Сукман бен Ортука[1] и эмира Карбука (правителя Мосула) отправился со своим аскаром к Антиохии. Поспешив в Антиохию, Яги-Сиян послал своего сына аль-Малик Дукака в Дамаск, к Джанах аль-Дауле в Химс, а также во все другие города и районы с просьбой о помощи и поддержке. Он призывал их на священную войну, а сам в это время занялся укреплением обороны Антиохии, изгоняя из города христианское население. На второй день месяца шаввала (12 сентября) армии франков достигли Баграса и развернули наступление на территорию Антиохии. Те же, кто находился в крепостях и фортах поблизости от Антиохии, восстали и перебили гарнизоны. Лишь немногим удалось при этом спастись. Население Артаха поступило аналогичным образом и попросило подкрепления у франков. В месяце шаабан на западном небосклоне появилась комета, которую можно было наблюдать примерно двадцать дней, пока она не исчезла.

В это время крупное подразделение армии франков численностью примерно в тридцать тысяч человек отделилось от основного войска и отправилось грабить другие районы. На своем пути они добрались до Аль-Бары и убили там примерно пятьдесят человек. Идя на помощь Яги-Сияну, аскар Дамаска меж тем добрался до окрестностей Шейзара, и, когда это подразделение франков подошло к Аль-Бару, он стал на его защиту. После нескольких атак с той и с другой стороны, во время которых было убито достаточно франков, они вернулись к Аль-Руджу и проследовали дальше к Антиохии. В городе стала ощущаться нехватка масла, соли и других необходимых вещей, но появление множества контрабандных товаров снова снизило цены на них. Франки выкопали ров между их пози-

---

[1] Генеалогическое древо Ортукидов см. на с. 120.

циями и городом, чтобы предотвратить многочисленные вылазки армии Антиохии.

Перед своим первым походом франки заключили договор с царем греков, пообещав отдать ему первый же город, который им удастся захватить. Первым захваченным ими городом стала Никея, но в данном случае они не выполнили своего обещания и отказались передать город царю. Впоследствии им удалось захватить на своем пути несколько приграничных крепостей и горных перевалов.

Год 491 от хиджры

(9 декабря 1097 г. — 27 ноября 1098 г.)

В конце первого месяца джумаада (начало июня 1098 г.) пришло сообщение о том, что в Антиохии несколько оружейников из свиты Яги-Сияна вступили в заговор с франками с целью сдать им Антиохию. Это было вызвано несправедливостью правления и конфискациями, которые они претерпели от своего правителя. Воспользовавшись возможностью, заговорщики захватили один из бастионов города, рядом с Джабалом, который они продали франкам, и, таким образом, впустили их ночью в город. На рассвете они издали боевой клич, и Яги-Сиян вместе с многочисленными своими сторонниками попытался бежать, но никому из сопровождавших его не удалось спастись. Когда он добрался до окрестностей Арманаза, поместья возле Маарат-Масрина, он упал с лошади на землю. Один из его спутников помог ему подняться и посадил на свою лошадь, но Сиян не смог удержаться на крупе лошади и погиб, свалившись во второй раз. Что же касается Антиохии, то там несчетное количество мужчин, женщин и детей было схвачено и обращено в рабство. Около трех тысяч человек укрылись в цитадели, и лишь немногим другим Аллах даровал спасение.

В месяце шаабан (июль) пришла новость, что аль-Афдал, главнокомандующий (эмир аль-джуюш), пришел из Египта в Сирию во главе сильного аскара. Он стал лагерем у Иерусалима, где в то время находились два эмира,

Сукман и Иль-Гази, сыновья Ортука, вместе с несколькими своими родственниками, приверженцами и многочисленными тюрками, и стал посылать им письма с требованием сдать Иерусалим без боя и кровопролития. Когда же те отказались, он атаковал город, пробил баллистами брешь в стене, захватил его, и тогда Сукман сдал ему Святилище Давида[1]. Заняв город, аль-Афдал проявил снисхождение и доброту по отношению к обоим эмирам и отпустил их и их сторонников на свободу. Они прибыли в Дамаск в первые десять дней месяца шаввала (сентябрь), а аль-Афдал вернулся со своим аскаром в Египет.

В этот же год франки со всеми своими силами подошли к Маарrат-ан-Нуману, расположились там лагерем и на 29-й день месяца зу-л-хиджа (27 ноября) предприняли атаку на город, используя штурмовые башню и лестницы.

После того как в канун пятницы, 1-й день месяца раджаба (ночь с четверга 3 июня), франки захватили город Антиохию с помощью приспособлений, созданных их оружейником, армянином по имени Фируз[2], и несколько донесений подтвердили эту новость, сирийская армия собрала неисчислимые силы и направилась в провинцию Антиохии, чтобы нанести сокрушающий удар по армии франков. Они осаждали франков, пока у тех не закончились запасы продуктов, и они стали есть падаль. Однако потом, несмотря на изнеможение, франки в боевом порядке атаковали армию ислама, значительно превосходившую их по силе и численности, сломили ряды мусульман, и те разбежались. Хозяева породистых скакунов[3] были обращены в бегство, и карающий меч был занесен над головами пеших воинов, которые по зову Всевышнего отправились на священную войну, чтобы нанести роковой удар в защиту мусульман. Это произошло в четверг, на (20-й) 6-й день месяца раджаба этого года (29 июня 1098 г.).

Цитадель Иерусалима.
В тексте — Найрус.
Дословно: «коротко остриженные и быстроногие».

Год 492 от хиджры

(28 ноября 1098 г. — 16 ноября 1099 г.)

В месяце мухаррам этого года (декабрь 1098 г.) франки предприняли атаку на стены Маарrат-ан-Нумана с востока и севера. Они толкали осадную башню, пока она не приблизилась к стене города, а поскольку она была выше стены, они лишили мусульман возможности укрываться на стене. Битва продолжалась в этом месте до захода солнца на 14-й день месяца мухаррама (11 декабря), когда наконец франкам удалось подняться на стену и обратить ее защитников в бегство. До этого франки неоднократно предлагали им провести переговоры и сдать город, гарантируя жителям сохранить их жизнь и собственность, назначить (франкского) губернатора, но упрямство горожан и их преданность Аллаху не позволили им принять эти условия. Спустя час после вечерней молитвы город был захвачен, и обе стороны понесли значительные потери. Горожане разбежались по домам Аль-Маарры и стали обороняться там, но франки, пообещавшие им безопасность, обманули жителей. Они воздвигли по всему городу кресты, обложили город данью и, не выполнив ни одного своего обещания, все разграбили и потребовали от жителей выплатить такую сумму денег, какой у тех просто не было. В четверг, 17-й день месяца сафара (13 января 1099 г.), франки направились к Кафр-Табу.

После этого, в конце месяца раджаба этого года (середина июня), франки продолжили свой путь к Иерусалиму, и люди в панике разбегались при их приближении. Сначала они захватили Аль-Рамлу, когда урожай уже созрел. Затем они отправились маршем на Иерусалим, блокировали его жителей и, построив осадную башню, придвинули ее к стене города. Но тут наконец пришла новость о том, что аль-Афдал с большой армией направляется к ним на помощь из Египта, чтобы вести священную войну против франков, уничтожить их и защитить от них город. Тогда франки снова яростно атаковали город. Битва продолжалась весь день до захода солнца, после чего франки отступили, пообещав жителям снова атаковать их на следующий день. Когда же защитники спустились со стены, франки

возобновили свое наступление, взобрались на осадную башню и перебрались с нее на стену города. Защитники были отброшены, и франки штурмом взяли город. Много горожан погибло, а некоторым удалось спрятаться в храме (Давида). Евреи собрались в синагоге, но франки сожгли их там заживо. На 22-й день месяца шаабана (14 июля) этого года храм сдался франкам под гарантию безопасности, но те разорили алтарь и гробницу Авраама. Аль-Афдал наконец прибыл с египетским войском, но с опозданием, и, получив на 14-й день месяца рамазана (4 августа) подкрепление войсками Сахиля[1], которые стояли лагерем у Аскалона, стал ожидать прибытия флота с арабскими воинами по морю. В это время его атаковала многочисленная армия франков. Египетские войска были отброшены к Аскалону, а сам аль-Афдал укрылся в городе. Мечи франков жестоко поработали над мусульманами, сея смерть среди пеших воинов, добровольцев и горожан. Погибло примерно десять тысяч человек, и их лагерь был разграблен. Аль-Афдал со своими офицерами бежал в Египет, а франки осаждали Аскалон до тех пор, пока горожане не согласились незамедлительно выплатить им двадцать тысяч динар откупных. Жители уже приступили к сбору этой суммы, но в это время среди предводителей франков произошла ссора, и они отступили, не получив никаких денег. Говорят, что число убитых в этом сражении жителей Аскалона, среди которых были состоятельные люди, купцы и молодежь, не говоря уже о профессиональных воинах, по оценке очевидцев[2] составляло две тысячи семьсот человек.

Год 493 от хиджры

(17 ноября 1099 г. — 5 ноября 1100 г.)

Аль-Малик Шамс аль-Мулюк Дукак, сын Тадж аль-Даулы, отправился со своим аскаром из Дамаска к Диярбакыру, чтобы вернуть себе город, который силой захва-

---

[1] Сахиль — общее название прибрежной равнины и портовых городов, от Аскалона до Бейрута.

[2] Например, уважаемых горожан с незапятнанной репутацией, чьи свидетельства принимались в суде.

тил его правитель. Через пустыню он дошел до Аль-Рахбы, а затем вошел в Диярбакыр, где занял Майафарикин и создал там гарнизон для его защиты.

В месяце раджаб этого года (май—июнь 1100 г.) Боэмунд, король франков и правитель Антиохии, отравился к крепости Афамии (Апамея) и осадил ее. Несколько дней он оставался там, понапрасну губя свои войска, пока до него не дошли вести о прибытии в Малатию аль-Данишменда[1] с аскаром Кылыч Арслан бен Сулейман бен Куталмыша. Узнав об этом, Боэмунд вернулся в Антиохию и, собрав силы, выступил против армии мусульман. Однако Всевышний Аллах пришел на помощь мусульманам, которые убили многих его воинов, а его самого и некоторых его спутников пленили. Во второй декаде месяца сафара 494[2] года подданным Боэмунда в Антиохии были направлены гонцы с требованием сдать город.

В этом же году сообщалось о том, что в ряде мест в северных районах вода в колодцах спала, воды в резервуарах большинства крепостей стало мало, и цены на нее в таких местах поднялись.

Год 494 от хиджры

(6 ноября 1100 г. — 25 октября 1101 г.)

В этом году эмир Сукман бен Ортук собрал большое войско туркмен и в первый месяц раби (январь 1101 г.) отправился с ними на борьбу с франками к Аль-Рухе (Эдесса) и Серуджу. Он захватил Серудж, и там к нему присоединились многочисленные добровольцы. Франки тоже собрали свои силы, и, когда обе армии сошлись и мусульмане уже стали одерживать победу, отряд туркмен покинул Сукмана, а его войско дрогнуло и ретировалось. Тогда франки вновь подошли к Серуджу и захватили его,

---

Гумуштагин бен Данишменд — правящий князь Сиваса.

В тексте указан 493 год, что явно является ошибкой. 11—20-е числа месяца сафара 494 г. соответствуют 16—25 декабря 1100 г.

убивая и забирая в плен его жителей. Лишь немногим удалось спастись.

В этом же году Годфри, правитель Иерусалима, подошел к укрепленному порту Акка и попытался штурмовать его, но был убит стрелой лучника. Незадолго до этого он перестроил Яфу (Яффа) и отдал ее под начало Танкреда[1]. Когда Годфри погиб, его брат Балдуин, граф[2], правитель Аль-Рухи, отправился в Иерусалим с войском из пяти сотен рыцарей и пехотинцев. Услышав о его приближении, Шамс аль-Мулюк Дукак собрал свои силы и выступил против него вместе с эмиром Джанах аль-Даулой, правителем Химса. Их войска встретились недалеко от порта Бейрут. Джанах аль-Даула направил против него свой аскар, победил его и убил некоторых его товарищей[3].

В этом году франки атаковали и захватили Хайфу на морском побережье, Арсуф капитулировал, и они изгнали жителей из города. Кроме этого, в конце месяца раджаба (конец мая) они с помощью генуэзцев захватили Кесарию, вырезали ее население и полностью разграбили город.

В месяце шаабан этого года (июнь 1101 г.) кади Ибн Сулайхи, провозгласивший себя повелителем укрепленного порта Джабала, написал атабеку[4] Захир аль-Дину письмо с просьбой прислать ему достойного офицера, которого он мог бы назначить командиром крепости Джабала. Сам же он намеревался отправиться со всем своим имуществом в Дамаск, откуда его должны были проводить в Багдад с эскортом, гарантирующим безопасность, охрану и почтительное отношение. Атабек согласился на

Танкри.

Baghdawīn al-Qomis.

По тексту трудно судить, какая из сторон вышла победительницей.

[4] Эмир Тутегин был в это время атабеком (регентом и главнокомандующим) аль-Малик Дукака в Дамаске. По системе сельджуков титул султана присваивался главе каждой родословной линии; сельджукские князья вассалы назывались князьями (малик), а полководцы, не являвшиеся сельджуками, пользовавшиеся большой властью от имени последних, получали звание атабека (наставника).

его предложение, пообещал выполнить все условия и назначил правителем порта своего сына эмира Тадж аль-Мулюка Бури. В это время князь Шамс аль-Мулюк Дукак отсутствовал в Дамаске. Он находился Диярбакыре, но в 1-й день месяца шаввала (30 июля) вернулся и вошел в Дамаск. По просьбе Ибн Сулайхи договоренность была подтверждена, и Тадж аль-Мулюк вместе со своим обозом отправился в Джабалу и принял там правление.

Ибн Сулайхи отправился в путь и прибыл в Дамаск в сопровождении всех своих приверженцев, с вещами и товарами, багажом и животными, всеми своими деньгами, движимой собственностью и добром. Его приняли с почестями и всячески развлекали. Пробыв несколько дней в Дамаске, он в сопровождении усиленного конвоя отправился в Багдад со всем своим добром. Случилось так, что после его прибытия кто-то рассказал султану Багдада[1] о всех его богатствах, после чего тот его ограбил, и все его добро оказалось в руках султана.

Что же касается Тадж аль-Мулюка, то когда он захватил крепость Джабала и укрепился там вместе со своими последователями, они стали плохо относиться к народу, вели себя жестоко, нарушали принятые обычаи справедливости и равенства. Тогда горожане направили жалобу на такое поведение правителя, сетуя на обрушившуюся на них беду, кади Фахр аль-Мульку Абу Али Аммар бен Мухаммад бен Аммару, который захватил укрепленный порт Тарабулюс (Триполи), объясняя это близостью Тарабулюса к их городу. Он обещал помочь им решить эту проблему и послал туда значительные силы из своего аскара, которые вошли в город и, объединившись с местным населением против турок, победили и выгнали их из города. Они захватили Тадж аль-Мулюка и отвезли его в Тарабулюс, где Фахр аль-Мульк принял его с почестями, любезно отнесся к нему и отправил его обратно в Дамаск вместе с письмом к своему отцу, в котором объяснил положение дел и попросил прощения за то, что произошло.

В этом же году эмир Саад аль-Даула, известный как аль-Кавамиси, прибыл с большой армией из Египта и

---

[1] Сельджук Берк-Ярук, сын Малик-шаха, или, возможно, его брат Гийас аль-Дин Мухаммад, правитель Багдада.

добрался до Аскалона в начале месяца рамазана (начало июля), чтобы продолжить священную войну против франков. Он оставался там до месяца зу-л-хиджа (начинается с 27 сентября), после чего выступил из Аскалона. Ему навстречу вышли тысяча рыцарей и десять тысяч пехотинцев-франков. Когда обе армии сошлись в битве, правый и левый фланги мусульман дрогнули и обратились в бегство, но командир Саад аль-Даула продолжал держать центр со своим небольшим аскаром. Франки наступали на него, но он удерживал свою позицию, и тут провидение отвернулось от него, его лошадь споткнулась, он упал на землю и тут же погиб смертью мученика (да будет милостив к нему Аллах). Тогда мусульмане, призывая друг друга отомстить за эту утрату, повернулись против франков и, сражаясь не щадя жизни, отогнали врагов обратно в Яфу, беспощадно убивая, захватывая в плен и грабя. Таким образом, дело было решено в пользу мусульман, в рядах которых были лишь незначительные потери.

Год 495 от хиджры

(26 октября 1101 г. — 14 октября 1102 г.)

В этом году непрерывно поступали сообщения о том, что народы Хорасана, Ирака и Сирии постоянно ссорились и воевали друг с другом, ненавидели и боялись друг друга, так как их правители уделяли мало внимания народу и не выполняли свои функции из-за разногласий и взаимной вражды.

Также в этот год граф Аль-Рухи[1], командир франков, прибыл со своим проклятым войском к укрепленному порту Бейрут и разбил возле него лагерь, надеясь захватить город. Он оставался там долгое время, атакуя и осаждая его, но этим планам не суждено было сбыться, и тогда он снял осаду и ушел.

От Фахр аль-Мульк ибн Аммара, правителя Тарабулюса, приходили письма с просьбами о помощи, необ-

[1] *Qomis ar-Ruha*, т. е. Балдуин I.

ходимой для отражения нападения сына Сен-Жилля[1], который подошел к Тарабулюсу с армией франков. Правитель просил прислать аскар Дамаска. Его просьба была удовлетворена, и аскар отправился к нему на помощь. К делу также был привлечен Джанах аль-Даула, правитель Химса, который тоже прибыл со своим аскаром. Обе армии объединились и крупными силами отправились к Антартусу (Тортоза). Франки спешно выступили им навстречу со своими войском и рекрутами, и две армии встретились там в битве. Армия мусульман дрогнула перед армией неверных, неся большие потери. Уцелевшим удалось укрыться в Дамаске и Химсе на 23-й день второго месяца джумаада (14 апреля 1102 г.), понеся значительные потери.

В этом году из Египта на помощь правителям Сахиля в те укрепленные порты, которые еще оставались в их руках, прибыли армии для борьбы с осадившими их войсками франков. Войска прибыли к Аскалону в месяце раджаб (апрель—май), и, когда Балдуин, король Иерусалима, узнал об их приближении, он выступил против них с силами франков, насчитывавшими примерно семьсот рыцарей и пехотинцев, отборных воинов. С этими войсками он атаковал египетскую армию, но Аллаху было угодно отдать победу над ним египтянам, которые убили почти всех рыцарей и пехотинцев. Вместе с тремя своими приверженцами Балдуин сам бежал в Рамлу. Египтяне преследовали и окружили его, но, переодевшись, он усыпил их бдительность и сбежал в Яфу, улизнув от преследователей. Во время погони он спрятался в зарослях камыша, и, когда их запалили, огонь оставил отметину на его теле, но Балдуину все же удалось спастись, и он добрался до Яфы. Его спутников зарубили саблями, а всех его людей, захваченных в Рамле, убили или взяли в плен и отвезли в Египет в конце месяца раджаба. В это время прибыло примерно сорок франкских судов, наполненных людьми и товарами, но, как сообщалось, они попали в шторм, их разбросали переменчивые ветра, большинство из них погибло, и лишь некоторым удалось спастись.

---

[1] Ибн Санджил.

Год 496 от хиджры

(15 октября 1102 г. — 4 октября 1103 г.)

В этом году князь Шамс аль-Мулюк Дукак и атабек Захир аль-Дин вышли из Дамаска со своим аскаром, подошли к Аль-Рахбе, разбили там лагерь и осадили жителей, отрезав им все пути доставки провизии. Блокада вызвала такой голод, что правителю города пришлось просить пощады для себя и для жителей. Им была обещана безопасность, и город сдался князю после ожесточенной и долгой битвы во второй месяц джумаада (март 1103 г.). Князь расположил там свой гарнизон и назначил его командиром надежного офицера. Решив все вопросы с жителями города, он отправился назад в Дамаск в пятницу, в 22-й день того же месяца (3 апреля).

В этом году также пришли новости из Химса о том, что его правитель, эмир, атабек Джанах аль-Даула Хусаин, спустившись из цитадели в мечеть для пятничной молитвы в сопровождении своих главных офицеров, при полном вооружении и заняв в соответствии с обычаем свое место для молитвы, подвергся нападению трех персов, принадлежавших к батинитам. Их сопровождал шейх, которому они были верны и повиновались[1]. Все были одеты очень скромно. По сигналу шейха они набросились на эмира с ножами и зарезали его и его офицеров. В этот момент в мечети находились десять суфитов, персов и других людей. Всех их заподозрили в заговоре и незамедлительно казнили, несмотря на их непричастность. Это событие очень взволновало население Химса, и все люди тут же в панике разбежались. Большинство тюрков из числа местного населения бежали в Дамаск, и все погрузилось в хаос. Тогда население города направило князю Шамс аль-Мулюку в Дамаск послание с просьбой прислать им офицера для наведения порядка в городе и его защиты до того, как эти новости дойдут до франков, алчно желающих завладеть их городом.

---

[1] В написании Сибт бен аль-Джавзи (*R.H.C.* III, 526) «они начали молиться за него и увещевать его», в редакции Jewett (4, 1) «и расспрашивать его».

Тогда князь Шамс аль-Мулюк и атабек Захир аль-Дин вышли со своим аскаром из Дамаска, подошли к Химсу, захватили город и заняли его цитадель. В то же время к Химсу подошли и франки, стали лагерем у Аль-Растаны[1], чтобы окружить и отрезать город, но, узнав, что произошло, некоторое время держались на значительном удалении и в конце концов отступили.

Человек, известный под именем аль-Хаким аль-Мунаджим Батини[2], из окружения князя Фахр аль-Мулюк Рудвана, правителя Алеппо, первым стал проповедовать учение батинии в Алеппо и в Сирии, и именно он подослал трех человек, чтобы убить Джанах аль-Даулу в Химсе. Сообщение о его смерти пришло через четырнадцать дней после этого события.

После того как Шамс аль-Мулюк учредил в Химсе гарнизон, навел порядок в городе и вернулся в Дамаск в 1-й день месяца рамазана (8 июня), египетские армии пришли по суше из Египта, а по морю прибыл флот под командованием Шарафа, сына аль-Афдала Шахиншаха, который написал письмо с просьбой о том, чтобы аскар Дама́ска был послан ему в помощь для ведения священной войны и спасения мусульманских городов и их населения. Он получил положительный ответ, однако самому выступлению армии воспрепятствовали определенные обстоятельства, связанные с некоторыми происшествиями. Прибывший флот атаковал Яфу в конце месяца шаввала (закончился 5 августа), но через несколько дней как флот, так и войска рассредоточились по всему побережью. Цены на побережье резко возросли, продуктов стало не хватать, но корабли доставили достаточно зерна, и цены вновь упали. Вместе с тем франки непрерывно атаковали их.

В месяце зу-л-каада этого года (август) из разных источников стали поступать сообщения о том, что Кылыч Арслан бен Сулейман бен Куталмыш вышел из земли Рум

Древняя Аретуза, расположенная на полпути между Хамой и Химсом.

[2] Аль-Хаким аль-Мунаджим — дословно врач-астролог. Батиния, или эзотерическая секта, — экстремальное направление секты шиитов, широко известной в Европе как ассасины.

(Анатолия) в поход против Антиохии и достиг окрестностей Марааша. Между ним и эмиром аль-Данишмендом, правителем Малатии, вышла ссора, в результате которой ему потребовалось обратить свои силы против него и жестоко наказать. Когда он вернулся, разгромив армию аль-Данишменда и предав мечу его воинов, он, по рассказам очевидцев, прибыл в Сирию и направил своих посланников в Алеппо с просьбой к торговцам обеспечить его аскар провизией и всем необходимым для войска и рекрутов. Народ был этим очень доволен и радостно рассказывал об этом событии.

Год 497 от хиджры

(5 октября 1103 г. — 22 сентября 1104 г.)

В месяце раджаб этого года (начинается с 30 марта) стали поступать сообщения о прибытии флота франков из их страны, груженного купцами, войсками и к тому же паломниками, который бросил якоря в Аль-Ладхикии (Лаодикия). Рассказывали, что Сен-Жилль, который в то время осаждал Тарабулюс, призвал их помочь ему захватить город. Они откликнулись на его просьбу, присоединились к нему и осадили город, но через несколько дней сражений отступили. Тогда франки направились к укрепленному порту Джебель, осадили его, атаковали и добились капитуляции города, но, овладев им, они не выполнили своих обещаний, данных населению, а забрали все, лишив горожан собственности и денег посредством наказаний и различных пыток.

Пришли сообщения, что эмиры Сукман бен Ортук и Джакармаш, правитель Мосула, объединили свои силы и торжественно обещали друг другу вести священную войну против франков, врагов Аллаха, отдавая для этого все свои силы и средства. В начале месяца шаабана (начался 29 апреля) они разбили лагерь у Рас Аина. А в это время Боэмунд и Танкред отправились со своими войсками из района Антиохии к Аль-Рухе, чтобы помочь своему пра-

вителю в борьбе против этих двух эмиров. Когда они приблизились к мусульманской армии, которая в это время атаковала Аль-Руху, две эти силы приготовились к столкновению. Битва произошла на 9-й день месяца шаабана (7 мая). Аллах даровал победу мусульманам, и те обратили врага в бегство, нанеся ему огромные потери. Их число составляло десять тысяч конных и пеших воинов, не считая обозы и лагерную команду. Боэмунду и Танкреду с небольшим числом последователей удалось спастись. Это была большая и невиданная ранее победа мусульман, которые смогли напугать франков, уменьшить их численность и возможности к нападению, в то время как сердца мусульман воспылали храбростью и наполнились жаждой победы в войне за веру против еретиков. Народ бурно обсуждал эту радостную весть о победе над франками, верил в их уничтожение и в то, что удача отвернулась от них.

В этот же месяц пришли новости о том, что Балдуин, король франков и правитель Иерусалима, прибыл со своей армией к укрепленному порту Акка по морю и по суше, а пришедшие вместе с ним генуэзские корабли захватили порт Джебель. Всего в деле участвовало более девяноста кораблей. Они осадили город со всех сторон и непрерывно атаковали его, пока его командир и гарнизон больше не могли сопротивляться, а у населения не хватало сил противостоять врагу, захватившему город силой оружия. Командующий городом эмир Захр аль-Даула Банна Джуюши заблаговременно оставил город, объясняя это невозможностью защитить его и остановить франков. Отчаявшись дождаться прибытия подкрепления или помощи, он направил франкам прошение о помиловании его самого и горожан. После захвата города он продолжил свое бегство, пока не прибыл в Дамаск. По прибытии в город в четверг, в 28-й день месяца шаабана (26 мая), он был сердечно принят атабеком Захир аль-Дином. Шамс аль-Мулюк Дукак и атабек Захир аль-Дин приказали относиться к нему с почтением, чтобы он воспрянул духом и телом. Он оставался в Дамаске до тех пор, пока не пришло время возвращаться в Египет, и тогда он отправился в обратный путь. Благопо-

лучно добравшись, он попросил прощения за свое поражение. Извинения были приняты, хотя поначалу его обвиняли и всячески осуждали его поступки.

В этом году князь Шамс аль-Мулюк Дукак, сын султана Тадж аль-Даула Тутуша, правитель Дамаска, серьезно заболел нарушением пищеварения, в результате чего ему пришлось отправиться в Иллат аль-Дакк, где он и пребывал, постоянно теряя силы. Когда же он оказался на грани смерти и все надежды на выздоровление иссякли, его мать, Хатун Сафуат аль-Мульк[1], стала умолять его составить завещание, выразив в нем свою волю, дабы княжество и дети не остались на распутье. И тогда он повелел после своей смерти назначить правителем Дамаска, а также наставником своего младшего сына Тутуш бен Дукак бен Тадж аль-Даулы до достижения им зрелого возраста атабека Захир аль-Дина (Тугтегина), обязав его при этом дать принцу хорошее воспитание. Сделав все распоряжения, он отправился в мир иной на милость Аллаха на 12-й день месяца рамазана этого года (8 июня 1104 г.).

Незадолго до этих событий атабек Захир аль-Дин мучился болезнью, которая почти довела его до смерти, но по воле Аллаха его здоровье восстановилось, и он поправился. Тогда он занялся умиротворением войск и гражданского населения, проводя доброжелательную политику, учитывал нужды эмиров и государственных служащих. Он щедро раздавал из своей казны почетные одежды, дары и подарки, даровал саны и титулы. Он вел себя в соответствии с канонами веры[2], внушал страх злодеям и нарушителям законов и щедро награждал преданных и добропорядочных граждан. Населению пришлось по сердцу его благородство, и ему удалось привлечь на свою сторону колеблющихся благодаря заботливому вниманию и чистосердечию. Таким образом, он полностью контролировал ситуацию, и население единодушно ему повиновалось.

Тадж аль-Даула, отец Дукака, отдал ее в жены Захир аль-Дину.

Дословно: «он направлял [людей] к добру и удерживал [их] от неверных поступков» — фраза из Корана, ставшая в данном случае стереотипом.

Перед смертью аль-Малик Шамс аль-Мулюк отослал своего брата аль-Малик Ирташа[1], сына султана Тадж аль-Даулы, в замок Баальбек, где тот томился в заключении под надзором коменданта замка Фахр аль-Даула Гумуштагин аль-Таджи, вольника его отца. Атабек Захир аль-Дин счел своим долгом перед сыновьями Тадж аль-Даулы приказать этому вольнику освободить Ирташа и отправить его в Дамаск. По его прибытии Захир аль-Дин вышел ему навстречу, принял его со всеми почестями и назначил на пост его брата Шамс аль-Мулюка. Он отдал приказы эмирам, офицерам и войскам подчиняться приказам князя, преданно служить ему и посадил его на трон княжества в субботу, в 24-й день месяца зу-л-хиджа 497 года (17 сентября 1104 г.). Таким образом, он уладил все дела, пользуясь доверием своего народа.

Однако, по предрасположению судьбы, которого нельзя избежать или предотвратить, появились люди, которых не устраивало такое положение дел, и заговорщики постарались изменить его, настроив князя Мухия аль-Дин Ирташа против атабека Захир аль-Дина и Хатун Сафуат аль-Мульк, матери Шамс аль-Мулюка. Его матери удалось заронить в его душе страх перед этими двумя людьми и заставить его поверить в то, что они могут плести против него интриги с целью убийства. Фактически же ситуация была в корне противоположной тому, что рассказывали ему наветчики. В результате он стал бояться этих людей, и, когда ему сказали, что лучше оставить город и княжество Дамаска и вернуться в Баальбек, в то время как его сторонники и воины присоединятся к нему там, он тайно оставил город в месяце сафар 498 года (начался 23 октября 1104 г.). Айтегин Халебский, правитель Бусры, тоже отправился туда в силу заключенного между ними договора и учитывая опасность ситуации. Они начали опустошать район Хаурана и обратились к Балдуину, королю франков, с просьбой о помощи. Более того, они отправились к нему и оставались там некоторое время среди франков, уговаривая их отправиться в поход против Дамаска и разграбить его окрестности. Но эти интриги не

[1] В более поздних источниках известен как Бекташ.

принесли никакого результата, желаемое не было достигнуто, и, отчаявшись получить помощь для выполнении своих планов, они разочаровались и отправились вместе через пустыню в Аль-Рахбу. После их ухода положение Захир аль-Дина упрочилось, и, оставшись единственным правителем, он стал полностью контролировать все дела. В результате такого разумного правления Дамаск и его зависимые территории стали процветать и обогащаться. В это же время по велению Аллаха скончался Тутуш, сын царя Шамс аль-Мулюк Дукака, о котором говорилось выше. Так случилось, что в то время цены были низкими, урожай обильным, и люди с удовольствием возделывали земли как внутри, так и за пределами Дамаска благодаря добродетельному и мудрому правлению Захир аль-Дина, воцарившейся справедливости и отсутствию угнетения.

В этом же году пришло сообщение из Тарабулюса о том, что Фахр аль-Мульк ибн Аммар, его правитель, вышел со своим аскаром и городскими ополченцами и отправился к крепости, которую построил Сен-Жилль, чтобы противостоять им. Они атаковали крепость неожиданно для ее гарнизона и убили ее защитников. Крепость была разграблена, предана огню и сровнена с землей. Захватив большое количество оружия, денег, серебра и других трофеев, Фахр аль-Мульк благополучно вернулся в Тарабулюс со всем награбленным добром на 19-й день месяца зу-л-хиджа (12 сентября). Говорили также, что Боэмунд, правитель Антиохии, сел на корабль и отправился к франкам, чтобы просить у них помощи и подкрепления в борьбе против мусульман Сирии. Пробыв в их стране некоторое время, он отправился назад в Антиохию.

Год 498 от хиджры

(23 сентября 1104 г. — 12 сентября 1105 г.)

В этом году атабек Захир аль-Дин серьезно заболел. Болезнь все обострялась и никак не проходила. Он опасался, что она окажется фатальной, и поэтому беспокоился о своей семье, своих детях, воинах и подданных, если что-нибудь случится с ним. Более того, от Фахр аль-

Мульк ибн Аммара из Тарабулюса постоянно прибывали письма и гонцы с просьбами о помощи и подкреплении для борьбы с франками, которые осаждали его город. Он просил как можно скорей прислать побольше войск, чтобы помочь горю и развеять страхи. В это время эмир Сукман бен Ортук и эмир Джакармаш, правитель Мосула, заключили союз для ведения священной войны против политеистов и оказания помощи мусульманам, и, когда Захир аль-Дин серьезно заболел, у него появилась идея пригласить эмира Сукман бен Ортука в Дамаск с аскаром, чтобы назначить его своим преемником и вверить ему защиту города. Одновременно с этим Сукман получил письма от Ибн Аммара с просьбой безотлагательно прислать ему помощь, за которую тот обещал хорошо заплатить. Ознакомившись с письмами, Сукман принял предложенные ему условия. Проведя быструю подготовку, он отправился не в Дамаск, а, не останавливаясь ни днем ни ночью, поспешил вперед, переправился через Евфрат, преследуя цель принести возмездие франкам. Когда он прибыл в Аль-Кариатан и новости о его походе дошли до атабека, офицеры и приверженцы Захир аль-Дина стали намекать ему на опрометчивость его решения призвать Сукмана, которое он принял, не посоветовавшись ни с кем. В конце концов он стал опасаться за последствия своих действий. Ему говорили: «Когда эмир Сукман бен Ортук окажется в Дамаске и лишит тебя власти над городом, что будет с тобой и с нами? Разве ты не знаешь о судьбе Атсиза и о том, что с ним произошло, когда он призвал султана Тадж аль-Даулу, сына Алп-Арслана, и отдал ему Дамаск? Тот тут же вознамерился его уничтожить и не пощадил ни его самого, ни его семью». Тогда Захир аль-Дин осознал свою ошибку и горько пожалел о своей неосмотрительности, и душевные страдания лишь усугубили его телесный недуг. Когда же он и его офицеры обдумывали, что им предпринять в отношении Сукмана и как его встретить по прибытии[1], из Аль-Кариатана пришло сообщение о том, что сразу же после прибытия туда

Очевидно это значение фразы «*tadbīr bihi hālahu*», но ее прочтение вызывает трудности; у Асира написано — «*bi'ayyi hilatin yaruddunahu*».

со своим аскаром и устройства лагеря Сукман тяжело заболел и, закончив отмеренные ему судьбою дни, вознесся на милость Аллаха. Его офицеры решили незамедлительно переправить тело покойного восвояси и сделали это. Атабека так обрадовало это событие, что волею судьбы он тут же стал поправляться. Слава Тому, кто своею мудростью дарует жизни Своим созданиям и Своею властью определяет ход событий. Они отправились в провинцию Аль-Джазира (Месопотамия), и это произошло в начале месяца сафара этого года (конец октября).

В этом году также пришло сообщение о кончине Сен-Жилля, предводителя франков, во время осады крепости Тарабулюс на 4-й день первого месяца джумаада (22 июня 1105 г.) после заключения перемирия между ним и Фахр аль-Мульк ибн Аммаром, правителем Тарабулюса. По этому договору окрестности Тарабулюса отходили Сен-Жиллю, но при условии, что он не будет чинить препятствий снабжению города и доступу в него путешественников.

В 1-й день месяца шаабана (18 апреля) атабек Захир аль-Дин отправился со своим аскаром к Баальбеку и стал там лагерем, так как был недоволен его правителем, вольноотпущенником Гумуштагином аль-Таджи. До него дошли вести о некоторых его поступках, которые он не одобрял. Когда Захир аль-Дин взял его в осаду, Гумуштагин догадался о его планах и послал ему свои заверения в верноподданстве и уважении, отрицая все обвинения, выдвинутые клеветниками, поклявшись в своей невиновности и готовности выполнять все свои обязательства. Тогда Захир аль-Дин снял обвинения, вернул ему свою благосклонность, подтвердил его власть и приказал придворным сдерживать их недоброжелательность по отношению к нему. Затем он отправился дальше, в район Химса, достиг Рафании и разбил там лагерь. Большое войско из Джабал-Бахры присоединилось к нему, и они вместе атаковали Рафанию, неожиданно для населения и гарнизона города, убив всех, кто находился в городе, в его зависимых территориях и в замке, построенном франками над городом. Все, что могло гореть в замке и вокруг

него, было сожжено, а сам замок разрушен. Укрепления Рафании также были захвачены, их защитники убиты, после чего аскар вернулся в Химс.

В месяце раджаб (март—апрель) князь Фахр аль-Мулюк Рудван, правитель Алеппо, собрав большое войско, вознамерился направиться к Тарабулюсу на помощь Фахр аль-Мульк ибн Аммару в борьбе против осадивших его франков. Армяне в замке Артах сдались ему, так как страдали из-за несправедливости и тирании со стороны франков. Узнав об этом, Танкред вышел из Антиохии и отправился к Артаху, чтобы вернуть его. Он собрал всех франков, которые находились на его территории, осадил замок, двинулся со своей армией против Фахр аль-Мулюка и выбил его оттуда. Тогда для ведения священной войны Фахр аль-Мулюк собрал все возможные войска и рекрутов из провинции Алеппо, а также молодых горожан[1]. И вот две армии сошлись в битве. Пехота мусульман долго держалась, но конница была разбита наголову, и все пехотинцы погибли. Спаслись лишь те, кому это было уготовано Аллахом. После того как остатки армии добрались до Алеппо, были подсчитаны потери среди конных и пеших воинов, которые составили примерно три тысячи душ. Когда эта новость дошла до мусульман в Артахе, они все бежали. После этого франки направились к Алеппо, население города в панике бежало, а оставшихся ограбили и забрали в полон. Это произошло на 3-й день месяца шаабана (20 апреля), и народ Сирии[2] после спокойного и мирного периода почувствовал беспокойство и страх.

В этом же году из Египта прибыла большая армия, числом более десяти тысяч конных и пеших воинов, под командованием эмира Шарафа аль-Маали, сына аль-Афдала.

Al-'ahdāth al-halabīyīn. Трудно определить точное значение *al ahdāth*, которое в общем можно отнести к молодым мужчинам, подмастерьям, или даже к городским нищим. С другой стороны, как явствует из некоторых отрывков (например, с. 125), похоже, что имелась в виду некая военная организация, и в таких случаях этот термин переводится как «вооруженные группы» или «вооруженные люди».

[2] *Shām*, обычно относится к самому Дамаску. Ибн аль-Каланиси обозначает этим словом район, простирающийся от Баальбека до Алеппо.

Атабеку Захир аль-Дину были направлены письма с просьбой оказать помощь и поддержку в священной войне против неверных, однако он не смог откликнуться на эту просьбу, так как определенные обстоятельства не позволили ему это сделать. Он со своим войском направился к Бусре и разбил там лагерь, намереваясь обложить город, так как князь Ирташ бен Тадж ад-Даула и Айтегин из Алеппо, находясь в городе, вели переговоры с франками, суть которых уже была известна. Затем он изменил свои планы, решив, что самым разумным будет присоединиться к египетской армии в священной войне. Тогда он отправился туда и стал лагерем в предместьях Аскалона, рядом с египтянами. Узнав об этом, франки собрали армию и тоже направились к Аскалону. На 14-й день месяца зу-л-хиджа (27 августа) этого года обе армии сошлись в битве, и франки одержали победу над мусульманами, убили правителя Аскалона и захватили в плен нескольких его командиров. Египетский аскар укрылся в Аскалоне, а аскар Дамаска — в Бусре. Рассказывали, что число убитых мусульман примерно равнялось числу убитых франков. Вернувшись со своим аскаром в Бусру, Захир аль-Дин обнаружил, что князь Ирташ и Айтегин из Алеппо, лишившись поддержки франков, отправились в Аль-Рахбу, где и оставались некоторое время перед тем, как расстаться.

Год 499 от хиджры

(13 сентября 1105 г. — 1 сентября 1106 г.)

В этом году франки отправились к Саваду Тиверии[1] и начали строительство замка Алаль между Савадом и Аль-Батанией[2]. Это был один из тех замков, которые считаются неприступными. Когда атабек Захир аль-Дин прознал про их намерения, он решил помешать этому строительству, так как, если укрепление будет построено, с ним уже трудно будет справиться. Отправившись туда вместе со своим аскаром, он атаковал франков, когда

Обрабатываемые земли в районе Верхнего Иордана.

Район между Иорданом и Хауараном (современный Аджлун), со столицей в Атараа (Дараа).

они[1] даже не догадывались о нависшей над ними угрозе, и вырезал всех до последнего человека. Захватив замок со всеми материалами, животными и имуществом франков, которые находились в нем, он в воскресенье, в 14-й день второго месяца раби (24 декабря), вернулся в Дамаск с головами убитых, с плененными франками и огромными, захваченными у них трофеями.

В этот же месяц на небе появилась комета, хвост которой напоминал радугу и тянулся с востока до середины неба. Днем, а потом и несколько ночей ее можно было видеть возле солнца, пока комета не скрылась вовсе.

На 26-й день первого месяца джумаада (3 февраля 1106 г.) пришло сообщение об убийстве Калаф бен Мулаиба[2], правителя Афамии, членами секты батиния, посланными из Алеппо человеком по имени Абу Тахир, персидским мастером золотых дел, который занял в секте место умершего аль-Хаким аль-Мунаджима Батини. Его эмиссары действовали в сговоре с одним из их миссионеров, известным как Абул-Фат из Сармина, проживавшим в Афамии. Он договорился с горожанами, которые проделали дыру в стене города, через которую убийцы добрались до правителя. Заметив их приближение, он достойно предстал перед лицом смерти, и тогда один из них набросился на него и всадил кинжал ему в живот. Правитель бросился в башню, чтобы добраться до одной из комнат гарема, но другой убийца нанес ему второй удар, и через несколько минут тот скончался. Криком с башни убийцы объявили о своей преданности аль-Малик Рудвану. Сыновья убитого вместе с другими людьми спустились со стены, но сектанты вступили с ними в схватку и убили несколько человек. Сыну правителя, Мусбиху бен Калаф бен Мулаибу, удалось спастись, и он скрылся в Шейзаре, где пребывал несколько дней, пока ему не разрешили покинуть город. После этого события Танкред пришел к Афамии с целью захватить город. С ним был брат Абул-Фата из Сармина, миссионер и его пленник. Он потребовал от батинитов установленный выкуп и, получив плату, удалился.

Следует читать *hum* вместо *huwa*.

Араб из племени килаб, назначенный правителем Афамии Фатимидом халифом Египта в 489 г. (1096).

В этом же году Кылыч Арслан бен Сулейман бен Куталмыш пришел с большим войском к Аль-Рухе и разбил лагерь вблизи города. Офицеры Джакармаша, занимавшие Харран, предложили ему занять город, что он и сделал. Жители встретили его с ликованием, готовые принять участие в священной войне, но после короткого пребывания там он заболел, и болезнь заставила его вернуться в Малатию, но его офицеры остались в Харране.

По сообщениям, Мусбих бен Мулаибу, которому удалось спастись при нападении в Афамии, нашел убежище у Танкреда, правителя Антиохии, и стал уговаривать его вернуться в Афамию и захватить город, учитывая нехватку в нем провизии. В результате Танкред отправился туда, разбил лагерь и осадил город, который в конце концов капитулировал на 13-й день месяца мухаррама 500 года (14 сентября 1106 г.). Когда же батинит Абул-Фат из Сармина попал к нему в руки, Танкред предал его мучительной смерти, а золотых дел мастера Абу Тахира и его сообщников увел с собой в полон, но при этом не выполнил условий капитуляции. Запасы продовольствия в Афамии закончились, а пленники оставались в его руках, пока не заплатили ему выкуп[1]. Тогда он отпустил их, и они вернулись в Алеппо.

Год 500 от хиджры

(2 сентября 1106 г. — 21 августа 1107 г.)

В этом году разорительные набеги франков на районы Савада, Хаурана и Джабал-Ауфа значительно усилились. Когда об этом стало известно, а население этих мест направило прошение атабеку Захир аль-Дину, он собрал свой аскар, получил подкрепление от туркмен, отправился в Савад и разбил там лагерь вместе с ними. Незадолго до этого эмир Изз аль-Мульк, правитель Тира, покинул город со своим аскаром и отправился в поход на замок Тибнин, рас-

[1] В тексте: «им», т. е. франкам, если это не ошибка.

положенный на территории франков, атаковал его предместья, разграбил их и убил всех жителей. Когда Балдуин, король франков, узнал об этом, он выступил против них из Тиверии. Атабек напал на замок неподалеку от Тиверии, в котором находились рыцари франков, захватил его, убил всех, кто там был, а затем вернулся в Аль-Мадан[1]. Франки развернулись, чтобы встретить его, но при их приближении его аскар спешно ретировался в район Зурра[2]. Разведчики обеих армий встретились и постарались провести подготовку к битве двух армий. Моральный дух мусульман был высок. На следующий день аскар сел в седла, приготовившись вступить в битву, и отправился к лагерю франков, но там обнаружилось, что те уже снялись с места и отступают к Тиверии, откуда ушли в Акку. Тогда Захир аль-Дин повел свой аскар обратно в Дамаск.

В этот год (сельджукид) султан Гийас аль-Дунйа вал-Дин Мухаммад, сын Малик-шаха, получил ряд писем от атабека Захир аль-Дина и Фахр аль-Мульк ибн Аммара, правителя Тарабулюса, с рассказами о бесчинствах франков на его земле, об их захватах крепостей и замков в Сирии и на побережье, об убийствах мусульман и осаде порта Тарабулюс. Они просили его о помощи и подкреплении, умоляли прийти для спасения населения. Узнав о таком положении дел, султан приказал эмиру Джавали Сакаваху вместе с одним из главных командиров его аскара выступить в поход с крупным отрядом тюрок, отдав ему в качестве фьефа Аль-Рахбу и районы Евфрата. Одновременно он написал в Багдад и эмиру Сайф аль-Даула Садака бен Мазияду[3] и Джакармашу, правителю Мосула, повелев им помочь ему деньгами и войсками для ведения священной войны, сделав для этого все возможное. Оба правителя с неудовольствием восприняли этот приказ. Эмир, встре-

---

Согласно Гийому Тирскому, Аль-Мадан — это равнина к востоку от слияния Иордана и Ярмука.

[2] В Хауране.

[3] С а д а к а (правил 1086—1107) — вождь арабского племени мазияд и основатель независимой династии Нижнего Ирака со столицей в Аль-Хилле, построенной в 1101 г. Он и его сын Дубайс (1107—1134) вели непрестанную партизанскую войну с сельджуками, правителями Багдада, и их грабительские набеги на Багдад и его окрестности стали знаменитыми сражениями.

тив сопротивление со стороны Ибн Мазияда, отправился в Мосул, чтобы потребовать от Джакармаша то, что султан пообещал ему. Однако Джакармаш не торопился помогать ему, и тогда он атаковал форт Аль-Синн[1], разграбил его, и к нему присоединилось большое число (добровольцев). Джакармаш вышел на битву с ним, но Джавали Сакавах захватил и уничтожил его аскар. Его сын бежал в Мосул и удерживал город, а Джавали Сакавах последовал за ним, казнил его отца Джакармаша и отослал его голову в Мосул. Узнав об этом, его сын направил Кылыч Арслан бен Куталмышу просьбу прийти к нему на помощь из Малатии, пообещав сдать ему город со всеми окрестностями. Джакармаш собирал большие доходы с Джазиры и Мосула и был весьма популярен среди своих подданных, которые одобряли его справедливое правление на всех его территориях. Поэтому, когда Кылыч Арслан ознакомился с содержанием письма, написанного сыном Джакармаша, он согласился выполнить его просьбу, направился к нему и прибыл со своим аскаром к Насибину. Сын Джакармаша, вызванный им из Мосула, присоединился к Кылыч Арслану, и тогда Кылыч Арслан вошел в Насибин, поскольку с ним была лишь часть аскара, другая же его часть оставалась в Анатолии и помогала царю Константинополя в борьбе с франками. Когда аскар Кылыч Арслана приблизился к аскару Джавали Сакаваха и авангарды обеих армий сошлись в битве, одно из подразделений Кылыч Арслана победило один из отрядов Джавали Сакаваха, убив одних и захватив в плен других. Тогда Джавали всеми своими силами атаковал армию Кылыча, так как знал, что его противник отозвал вторую часть своего войска из Анатолии, а с ним сейчас находилась лишь меньшая его часть. Он отправился в район Хабура, подошел к Аль-Рахбе, разбил там лагерь и осадил город. В это же время он написал Мухаммаду, который управлял городом от имени князя Шамс аль-Мулюк Дукака, правителя Дамаска, и у которого гостил князь Ирташ бен Тадж ад-Даула, бежавший из Дамаска после смерти своего брата, князя Дукака, и потребовал от него сдать город, однако тот не обратил внимания

[1] На слиянии Нижнего Заба и Тигра.

на его письмо и разочаровал его своим ответом. Некоторое время Джавали продолжал оставаться там, удерживая город в осаде.

Теперь к нему присоединился эмир Наджм аль-Дин иль-Гази бен Ортук с большим аскаром туркмен, а он послал просьбу помочь ему атаковать город князю Фахр аль-Мулюк Рудвану, который присоединился к нему со своим аскаром, предварительно заключив перемирие с Танкредом, повелителем Антиохии. Однако, когда он оставил Алеппо, а Жослен, правитель Телль-Башира, прознал о его отсутствии в городе, он совершил ряд набегов на районы Алеппо по всем направлениям. Джавали оставался на своих позициях у города Аль-Рахба с начала месяца раджаба (начался 26 февраля 1107 г.) до 22-го дня месяца рамазана (17 апреля). Когда воды Евфрата, как обычно, поднялись, войска Джавали, сев в лодки, подплыли к стенам города и вступили в сговор с группой горожан. Но совместно им ничего не удалось сделать, и тогда войска атаковали стену, захватили город и разграбили его, конфисковав добро многих его жителей и пытками заставив других показать, где скрыты их сокровища. Через некоторое время Джавали приказал прекратить грабеж города и пообещал горожанам безопасность и возможность вернуться в их жилища. Цитадель сдалась ему через пять дней, на 28-й день месяца рамазана (23 мая). Тогда Джавали назначил правителем города Мухаммада, который поклялся ему в верности, но через несколько дней арестовал его, так как узнал кое-что, что вызвало его недовольство, и заточил его в цитадель. Князь Ирташ тоже стал подданным Савада и больше не мог действовать самостоятельно. Однако Мухаммад, правитель, еще до этого послал письмо Кылыч Арслан бен Сулейману с просьбой прийти к нему на помощь и защитить город от Джавали. Поэтому впоследствии Кылыч Арслан подошел со своим аскаром к Аль-Рахбе, но, узнав о захвате города, повернул назад и остановился у Аль-Шамсанийи, не пожелав вступить в схватку с Джавали. А в это время Джавали выступил в поход и после остановки у Максина намеревался продолжить свой путь в провинцию Мосул. С ним находился Фахр аль-Мулюк Рудван, и, по воле слу-

чая, они встретились с аскаром Кылыча, и тогда два войска сошлись в битве в четверг, 19-й день месяца шаввала (13 июня).

Была середина лета, стояла ужасная жара, земля трескалась, и обе стороны потеряли множество лошадей. Аскар Кылыч Арслана атаковал аскар Джавали. Джавали нашел Кылыч Арслана в суматохе битвы и нанес ему несколько ударов саблей, которые тому не повредили. Аскар Кылыч Арслана был уничтожен, а правитель Амид покинул его во время битвы вместе с правителем Майафарикина, и остатки войска бежали. Сабельные удары уничтожили силы Кылыч Арслана, а сам Кылыч во время схватки упал в воды Кабура, исчез в воде, и больше его не видели. Через несколько дней его мертвое тело нашли. Джавали вернулся в Мосул, и князь Фахр аль-Мулюк Рудван в страхе покинул его и вернулся в Алеппо. Джавали схватил Наджм аль-Дин иль-Гази бен Ортука и потребовал вернуть деньги, которые тот потратил на туркмен, но потом они договорились, и вместо этого он согласился принять сумму денег, причитавшуюся ему. Джавали взял у него заложников как гарантию выплаты назначенной суммы, и после этого иль-Гази продолжал поставлять их ему[1].

До этих событий Кылыч Арслан послал одного из своих главных военачальников в Анатолию с большим войском туркмен, чтобы помочь царю Константинополя в его борьбе против Боэмунда и тех франков, которые вместе с ним направлялись в Сирию. Эти войска шли на соединение с царем греков и греческими армиями, которые он собрал. Когда противоборствующие войска набрали полную силу, они построили свои ряды и начали битву. Победа была на стороне греков, а франки потерпели позорное поражение, и большая их часть погибла или попала в плен. Уцелевшие остатки войска разбились на мелкие группы и бежали обратно в свою страну. Тюркские войска Кылыч Арслана тоже отправились по домам после

---

[1] В тексте: *aqāma lahu bihā*, вероятно: «Джавали удерживал их как гарантию его хорошего поведения», или (заменив *qāma* на *aqāma*) «иль-Гази выплатил ему указанную сумму».

того, как он устроил в их честь торжественный пир, наградил их почетными одеждами и распределил среди них трофеи.

Когда Джавали Сакавах вернулся из[1] Аль-Рахбы и стал лагерем у Мосула, он направил послание жителям и гарнизону города, которые, не имея возможности оборониться против него или не подпускать его близко, сдались ему после того, как получили от него гарантию безопасности для всех, кто находился в стенах города. Сын Кылыча укрывался в городе, и Джавали схватил его и отправил к султану Мухаммаду (сельджуку), у которого тот и оставался, пока не сбежал из лагеря в начале 503 года (начался 31 июля 1109 г.) и отправился назад в княжество своего отца в Анатолии. Рассказывают, что по прибытии туда он организовал заговор против сына своего дяди и, убив его, прочно обосновался в княжестве, в своих владениях[2].

В этом году эмир туркмен аль-Испахбад прибыл в Дамаск из своей провинции. Захир аль-Дин принял его с почестями, проявлял гостеприимство и отдал ему в качестве уделов Вади-Муса (Петра), Моаб, Аль-Шарат, Аль-Джибаль и Балку, и тот отправился в эти районы со своим аскаром. Франки уже проникли в эти части страны и убивали, брали в плен и грабили все, к чему могли приложить руки. Когда Испахбад прибыл туда, он обнаружил, что местное население находится в нищете и страхе после всех страданий, которые люди претерпели от франков. Он расположился там, но франки, узнав о его появлении, отправились в поход против него через пустыню и устроили лагерь напротив того места, где Испахбад сам стоял лагерем. Франки не трогали его, пока не представилась возможность, и тогда неожиданно атаковали Испахбада, и он бежал с большей частью своего аскара. Остатки его войска разбежались, и франки завладели его обозом. Испахбад прибыл к Айн-аль-Катибе в районе Хаурана в то время, когда аскар Дамаска стоял там лаге-

---

[1] Следует читать *min* вместо *'ilā*.

[2] Этот отрывок, по всей видимости, относится к Малик-шаху (500—510), которого Кылыч оставил управлять Мосулом, когда сам выступил против Джавали (Ибн аль-Асир, X, 297).

рем. Захир аль-Дин принял его, выразил сожаление по поводу его потерь и того, что с ним произошло, после чего одарил его так, чтобы компенсировать его потери[1].

Год 501 от хиджры

(22 августа 1107 г. — 10 августа 1108 г.)

В этом году Балдуин, король франков, собрал остатки своей проклятой армии и отправился к порту Тир. Он разбил лагерь неподалеку от города и начал строительство своего собственного замка в предместьях Телль-аль-Машука. Он оставался там месяц, после чего правитель города заплатил ему семь тысяч динаров откупных, которые тот взял и ушел.

В этом же году султан Гийас аль-Дунйа вал-Дин Мухаммад (победив и казнив Садака бен Мазияда[2]), устроив все дела в Аль-Хиллахе, отправился назад в Исфахан в начале месяца (шаввала)[3]. Перед этим он поручил эмиру Мавдуду отправиться с аскаром к Мосулу, осадить и захватить город. Тогда Мавдуд вместе со своей армией отправился к Мосулу и разбил перед городом лагерь. Джавали, повелитель города, изгнал большую часть населения, а его войска бесчинствовали и вели себя жестоко. Поэтому сам он отправился в Аль-Рахбу, а одному из своих офицеров, которому полностью доверял, повелел оставаться в Мосуле и защищать город. Аскар султана уже некоторое время стоял перед городом, когда семь горожан решили помочь сдаче города и открыли одни из ворот, через которые Мавдуд и вошел в город. Он учинил кровавую резню среди войск Джавали, но помиловал гарнизон цитадели и отправил их и все, что было с ними, султану.

В месяце шаабан этого года (начался 16 марта) положение Фахр аль-Мульк ибн Аммара в Тарабулюсе стало критическим в результате осады города франками. Он уже долгое время ожидал поддержки, рассылая послания с

Ибн аль-Асир (X, 318) относит возвращение Испахбада Сабаву из Дамаска в Аль-Ирак к следующему году (501).

[2] См. с. 56.

[3] В тексте месяц не указан, и дата взята у Ибн аль-Асира, X, 318.

просьбой о помощи. Тогда он отправил в Дамаск эмиру Ортук бен Абд аль-Рассаку, одному из эмиров города, просьбу посетить его, чтобы вместе обсудить его замыслы. Эмир согласился и, получив дозволение Захир аль-Дина, отправился к нему. А в это время Фахр аль-Мульк покинул Тарабулюс по суше примерно с пятьюстами конными и пешими воинами, взяв с собой ценные дары для султана, когда он посетит его в Багдаде. Когда Ортук добрался до него и они встретились, между ними было решено, что Фахр аль-Мульк отправится вместе с ним в Дамаск. Таким образом, он направился в Дамаск и был размещен в Мардж-Баб-аль-Хадиде (луг у Железных ворот) за стенами города. Захир аль-Дин выказывал ему всяческое уважение и почтение, а его эмиры и военачальники подарили ему столько лошадей, мулов, верблюдов и других даров, сколько было в их возможностях.

Оборону Тарабулюса в свое отсутствие Фахр аль-Мульк поручил Абу л-Манакибу, сыну своего дяди, а также главным офицерам своего войска и стражи[1], выплатив им полугодовое жалованье и получив клятву верности и преданности. Однако его кузен восстал против него и объявил о своей преданности аль-Афдалу, сыну Амир аль-Джуюша, в Египте. Когда Фахр аль-Мульк об этом узнал, он послал приказ своим офицерам арестовать его и заточить в замок Аль-Хаваби. Приказ был выполнен, и Фахр аль-Мульк продолжил путь в Багдад вместе с Тадж аль-Мулюком Бури, сыном атабека Захир аль-Дина. Атабек узнал, что при дворе султана его ненавистники старались подорвать его авторитет с помощью коварной клеветы, навредить ему и настроить султана против него. Поэтому он послал вместе со своим сыном многочисленные подарки и ценные дары, такие как лошади, богатые убранства и другие ценные вещи, достойные султана. Визирем к нему он назначил Абу л-Наджм Хибат-Аллах бен Мухаммада бен Бади, который служил старшим счетоводом мустауфи у султана-мученика Тадж аль-Даулы. Он предоставил этому человеку полную власть над принцем и назначил своим посланником к тому человеку, к которому его послал. Путешествие

[1] Ghilman, рабы, т. е. члены турецкого аскара или стражи.

началось на 8-й день месяца рамазана 501 года (21 апреля 1108 г.). Когда они прибыли в Багдад, султан принял Фахр аль-Мулька с такими почестями и уважением, о которых тот и не смел мечтать. Султан приказал нескольким великим эмирам отправиться с ним и помочь ему подкреплением в борьбе против захватчиков его города, заслуженно наказать их и изгнать. Он повелел аскару, который отправлялся с ним, ненадолго остановиться у Мосула, отобрать город у Джавали Сакаваха, а затем продолжить поход к Тарабулюсу. В результате этого и произошли события, о которых говорилось выше. В это время Фахр аль-Мульк оставался при (дворе) султана, пока не кончилось его терпение, и тогда он вернулся в Дамаск в середине месяца мухаррама 502 года (конец августа 1108 г.).

Что же касается Тадж аль-Мулюка, сына Захир аль-Дина, по делам которого он был послан, то все закончилось к его большому удовлетворению, и он получил от султана лестные блага как для своего отца, так и для себя. Получив в дар прекрасные одежды от халифа и от султана, он вернулся в Дамаск, куда прибыл в конце месяца зу-л-хиджа этого года (начало августа 1108 г.).

Вернувшись в Дамаск, Фахр аль-Мульк ибн Аммар оставался там несколько дней, а затем вышел из города с конницей, выделенной ему из аскара Дамаска, и своей собственной кавалерией. [Он отправился маршем к порту Джабала][1], вошел в него, и жители города поклялись ему в своей преданности. Население Тарабулюса направило аль-Афдалу в Египет просьбу прислать им по морю правителя вместе с кораблем зерна и провизии, чтобы он принял управление их городом. В ответ на эту просьбу к ним в качестве правителя от имени аль-Афдала прибыл Шафар аль-Даула, сын Абу Тайиба, и привез им запасы зерна. Прибыв в город и устроившись в нем, он арестовал всех смутьянов и офицеров Фахр аль-Мульк ибн Аммара, вместе с их имуществом, запасами и добром, и отправил их всех по морю в Египет.

В этом же году атабек Захир аль-Дин отправился ночью со своим аскаром к Тиверии и, разделив войско на две ча-

[1] В печатном тексте этих слов нет.

сти, послал одну часть в Палестину, а со второй совершил рейд на Тиверию. Правитель города, по имени Гервазий[1], один из предводителей франков, известный рыцарством, храбростью, благородством и доблестью в бою, человек уровня короля Балдуина в руководстве франков, вышел ему навстречу со своими соратниками по оружию. Когда они сошлись в битве, турецкая конница окружила его и его воинов, и большинство из них погибло. Сам Гервазий и несколько его товарищей попали в плен, и их отправили в Дамаск. Некоторые из них были отданы в подарок султану, а сам Гервазий и несколько плененных вместе с ним сотоварищей предложили за свое освобождение денежный выкуп, но атабек не принял его и казнил их.

В этом году Балдуин вместе со своей проклятой армией франков отправился к Сидону, обложил город с суши и с моря и построил деревянную осадную башню для штурма города. На защиту города прибыл египетский флот и одержал победу как над генуэзским флотом, так и над сухопутными войсками. А когда до франков дошли сведения о приближении аскара Дамаска, направлявшегося на защиту Сидона, они отступили и отправились назад в свои владения.

Год 502 от хиджры

(11 августа 1108 г. — 30 июля 1109 г.)

В этот год правитель Арки направил атабеку Захир аль-Дину прошение о помощи в отражении атак франков и о направлении к нему офицера, который мог бы принять управление городом. Тогда Захир аль-Дин послал туда одного из своих верных офицеров, который принял на себя управление городом и оставался его правителем в ожидании прибытия аскара и выполнения Захир аль-Дином своего обещания вознаградить его и удостоить почетной одежды. Но в это время сильный снегопад и дожди не позволили аскару вовремя дойти до Арки, в городе стала ощущаться нехватка продовольствия, снабжение

[1] *Jarfās.*

было отрезано, и франки поспешно осадили его. Когда Захир аль-Дин подошел к городу, он обнаружил, что франки уже захватили его, а у него не хватало сил самостоятельно изгнать их. Тогда он вернулся к замку Аль-Акма[1], разбил возле него лагерь и начал атаковать. Узнав об этом, франки вышли против него с тремястами рыцарями, чтобы пополнить гарнизон Аль-Акмы, и ночью присоединились к нему. Учитывая усиление гарнизона и его высокий боевой дух, атабек предпочел ретироваться и ушел как побежденный. Воодушевившись этим, франки отправились в погоню за его аскаром и захватили много лошадей и других животных в качестве трофеев. Войско рассеялось по лесам и горам и добралось до Химса обессиленным, хотя никаких боевых действий и не было. После этого франки вернулись назад к Арке. Запасы города к тому времени были исчерпаны, и он капитулировал.

В месяце шаабан этого года (6 марта — 3 апреля 1109 г.) Раймунд[2], сын Сен-Жилля, ранее осаждавший Тарабулюс, прибыл из земель франков по морю с шестьюдесятью кораблями, полными франков и генуэзцев, и разбил свой лагерь перед Тарабулюсом. Между ним и де Серданье[3], сыном сестры Сен-Жилля, возникли разногласия, и Танкред, правитель Антиохии, пришел на поддержку Серданье. Король Балдуин, правитель Иерусалима, тоже пришел со своей армией и восстановил мир между ними. Де Серданье отправился назад в Арку, но, повстречав по дороге в полях какого-то франка, вознамерился ударить его, но этот франк сам ударил и убил его. Когда об этом узнал Раймунд, сын Сен-Жилля, он послал одного из своих офицеров захватить Арку. Тогда франки со всеми своими силами направились к Тарабулюсу, осадили город и атаковали его население с 1-го дня месяца шаввала (4 мая) до 11-го дня месяца зу-л-хиджа (12 июля) этого года. Они воздвигли осадные башни у стен города, и, когда его население собственными глазами увидело армию противника, оно сильно опечали-

---

Возможно, это современный Акун, расположенный в предгорьях Ливана, в 32 км на юго-запад от Химса и в 9 км на юго-восток от Кубайата.

[2] *Raimand*, т. е. Бертран, сын Раймунда.

[3] *Al-Sardānī*.

лось, осознав свою участь. Боевой дух жителей упал, кругом царило всеобщее отчаяние, вызванное задержкой египетского флота, который должен был по морю доставить в город продовольствие и подкрепление, но трюмы кораблей опустели, дул встречный ветер, и, по велению Аллаха, произошло так, как должно было произойти. Франки атаковали город со своих осадных башен и силой оружия захватили его в понедельник, на 11-й день месяца зу-л-хиджа (12 июля) этого года. Они разграбили все, что могли, пленили мужчин и забрали в рабство женщин и детей. Количество трофеев, попавших в их руки, товаров из лавок и складов, книг из учебных заведений и частных библиотек не поддается исчислению. Правителя города и часть его войска, попросивших пощады еще до захвата города, помиловали, и после захвата они были отпущены и прибыли в Дамаск несколькими днями позже. С населением же города обошлись очень жестоко, деньги горожан и зарытые ими ценности были конфискованы, и люди остались в крайней нужде и горе.

По договору франков с генуэзцами треть города со всем награбленным там добром отходила генуэзцам, а две трети — Раймунду, сыну Сен-Жилля. Часть самых ценных трофеев была выделена для короля Балдуина, чем он остался весьма доволен. Между тем Танкред, не получив того, на что рассчитывал, когда поддерживал Серданье, ушел и затем атаковал и захватил Булуньяс[1], пообещав населению безопасность, в месяце шаввал (май) этого года. После этого он атаковал порт Джабалы[2], в котором проживал Фахр аль-Мульк ибн Аммар. Город обладал лишь скудными запасами продовольствия, и франки удерживали город и его обитателей в осаде непрерывно до пятницы, 22-го дня месяца зу-л-хиджа (23 июля), а потом пообещали жителям неприкосновенность, и те, согласившись на их требования, капитулировали. Фахр аль-Мульк ибн Аммар беспрепятственно покинул город, хотя Танкред и пообещал отнестись к нему благосклонно и отдать ему город в качестве фьефа.

---

[1] В тексте: Банияс. Булуньяс (Баланея) находился на побережье, в почти 20 км от Джабалы.

[2] В тексте: Джебель.

Немногим позже прибыл египетский флот. Что касается числа людей и кораблей, груза оснащения и провизии, египтяне никогда еще раньше не направляли такой большой флот для защиты Тарабулюса, чтобы обеспечить город достаточным количеством провианта, людей и денег на целый год, а также для оказания помощи населению и укрепления прибрежных городов, принадлежащих Египту. Флот прибыл в Тир на восьмой день после захвата Тарабулюса и не смог выполнить свою задачу из-за беды, обрушившейся на его жителей. Некоторое время флот находился у берегов, распределяя привезенные запасы по различным районам. Население Тира, Сидона и Бейрута старалось задержать его, сообщая о своем скорбном положении и неспособности противостоять франкам, но флот не мог остаться и, когда подул попутный ветер, поднял якоря.

В месяце шаввал (май) этого года пришли сообщения о том, что эмир Сукман аль-Кутби[1] после нескольких месяцев осады Майафарикина заставил город капитулировать после того, как запасы продовольствия в нем закончились и жители начали голодать.

В этом же году Боэмунд, правитель Антиохии, вернулся из земель франков обратно в свое королевство с огромным воинством. Он остановился неподалеку от Константинополя, и царь города выступил против него с большим войском туркмен из приграничных к нему территорий. Они сражались несколько дней, и царь старался разъединить их любыми способами, пока они сами не разбежались по всей территории. Боэмунд заключил с царем мир, тот принял его и его спутников, и Боэмунд выказал ему должное уважение[2]. Таким образом, Аллах, слава Ему, отвел их от нас и отвлек их ярость от ислама.

---

[1] Он был турецким военачальником из числа сельджуков, который в 1100 г. захватил Ахлат, один из главных городов Армении, на западном берегу озера Ван, у его прежних курдских правителей. В это время Майафарикин (Мартирополис) принадлежал независимому атабеку Кумарташу.

[2] Дословно: «прошел по его ковру».

В этом году король Балдуин направил несколько посольств Захир аль-Дину с предложением мира и дружественных отношений. Они заключили договор, по которому Савад и Джабал-Ауф должны были быть поделены на три части. Одна треть отходила туркам, а две трети — франкам и крестьянам. В подписанном ими договоре были изложены все эти условия.

Когда франки заняли Джабалу, Фахр аль-Мульк ибн Аммар покинул город и отправился в Шейзар, правитель которого, султан бен Али бен аль-Мукаллад бен Мункид аль-Кинани, принял его и его спутников с почестями и предложил ему остаться с ним. Но он не принял приглашения и отправился в Дамаск, чтобы присоединиться к атабеку Захир аль-Дину, который принял его, выделил ему резиденцию и подарил ему город Аль-Забдани с его окрестностями в качестве фьефа в месяце мухаррам 503 года (август 1109 г.).

Год 503 от хиджры

(31 июля 1109 г. — 19 июля 1110 г.)

После того как франки закончили с Тарабулюсом, захватили его и наладили дела города и его окрестностей, они отправились в поход на Рафанию. Узнав об их намерениях, Захир аль-Дин тоже направился в Рафанию со своим аскаром, чтобы защитить город, и разбил свой лагерь у Химса для противостояния врагам. Франки не смогли осадить или захватить город, и между ними и Захир аль-Дином началась переписка и переговоры, в результате которых обе стороны мирно договорились о контроле над территориями и установили мирные отношения. По условиям договора одна треть производства Бекаа (Келесирия), а также крепости Аль-Мунайтиру и Ибн-Аккара[1] отошли франкам, которые прекратили грабить и разорять эти провинции и прилежащие к ним территории. Замки Мазиаф[2], Хизн-аль-Туфан и Хизн-аль-Акрад

---

[1] По всей видимости, Ибн-Аккар — это Хизн-Аккар, к северу от Тарабулюса.

[2] В тексте: Мазият.

тоже вошли в условия договора, и их население теперь будет ежегодно платить определенную откупную плату франкам. Некоторое время франки соблюдали эти договоренности, но уже в скором времени снова стали заниматься обычным для себя разбоем и разорением.

В первый месяц джумаада этого года (начался 26 ноября) из Аль-Ирака пришли новости о прибытии в Багдад султана Гийас аль-Дунйа вал-Дина[1] Мухаммада, сына Малик-шаха, и о том, что он рассылает во все районы письма, объявляя о своем твердом намерении продолжить священную войну. Сообщалось также, что он отдал приказ атабеку Захир аль-Дину не предпринимать никаких действий до того времени, пока в Сирию не придут его войска. Тогда он присоединится к ним и примет командование, поскольку именно он направил бесчисленное количество просьб о помощи и поддержке в борьбе против неверных. Но на пути осуществления этих планов возникли определенные трудности и различные препятствия к осуществлению намеченной цели. Когда же время ожидания затянулось и наглость неверных возросла из-за медлительности армий султана, рвение Захир аль-Дина в поддержку дела ислама и его тюркская решительность заставили его лично совершить поездку в Багдад, чтобы выказать почтение наследнику Пророка, халифу аль-Мустазхиру, его величеству султану Гийас аль-Дунйа вал-Дину, предстать перед ними лично и сообщить о горестях мусульман в их владениях, о захвате городов, убийствах мужчин и порабощении женщин и детей, а также о коварных замыслах врагов захватить провинции Аль-Джазира и Аль-Ирака. Подготовившись к путешествию, он взял с собой Фахр аль-Мулька ибн Аммара, правителя Тарабулюса, и своих личных офицеров, а также все, чем располагал, — арабских скакунов, египетские раритеты, драгоценности и дорогие подарки, соответствующие высокому уровню предстоящей встречи, и отправился в путь по пустыне через Аль-Самава. Своим наместником в Дамаске он оставил своего сына, Тадж аль-Мулюка Бури, повелев ему постоянно быть начеку, крепить оборону, защищать (его доминионы), хорошо от-

[1] В печатном тексте по ошибке указан Рукн аль-Дунйа вал-Дин.

носиться к подданным, лицемерить с франками и поддерживать с ними дружественные отношения, пока он не вернется. Но вскоре после отъезда, когда Захир аль-Дин достиг расположенной в пустыне долины Вади-л-Миях (Водная долина), он получил распространенное в Багдаде паникерами сообщение о том, что султан поручил управление Сирией неким эмирам, имена которых уже стали известны. Это сообщение так его обеспокоило, что он отменил свое путешествие и поручил Фахр аль-Мульку ибн Аммару и нескольким своим верным офицерам направиться в Багдад со всеми дарами и ценностями, которые были с ним, и там от его лица постараться исправить ситуацию, вынудившую его прервать путешествие. Фахр аль-Мульк добрался до Багдада, доставил все дары, был радушно принят и выслушал слова сожаления по поводу того, что атабек вернулся, не завершив своего путешествия, не предстал самолично и не осуществил свои планы из-за беспочвенных слухов, распространяемых паникерами. (Из Багдада) пришло несколько писем благодарственного характера и с выражением поддержки, а также с извинениями за такие вводящие в заблуждение слухи.

Возвращаясь из Вади-л-Мияха, атабек Захир аль-Дин получил информацию о том, что вольноотпущенник Гумуштагин аль-Таджи, правитель Баальбека, общался с франками, пытался установить с ними мирные отношения и склонял их совершить набеги на прйграничные районы, а также послал своего брата, вольноотпущенника Байтагина аль-Таджи, к султану, чтобы путем клеветы и интриг посеять вражду и раздоры[1].

Когда Захир аль-Дин узнал об этом и о миссии Байтагина, он приказал воинам своего аскара перекрыть все дороги, по которым тот неминуемо должен был проехать, и привести посланца к нему, но о Байтагине он больше никогда ничего не услышал. Сам же Захир аль-Дин со своим аскаром свернул с дороги (в Баальбек) и одновременно послал приказ своему сыну Тадж аль-Мулюку направиться с его аскаром к Баальбеку и стать возле него лагерем. Тадж аль-Мулюк поспешил выполнить приказ,

[1] То есть настроить султана против Захир аль-Дина.

подошел к замку и разбил там свой лагерь, когда жители и стража того не ожидали. После этого он написал вольноотпущеннику письмо с призывом вспомнить о верноподданстве и сдать ему замок, предупредив о возможных последствиях его неповиновения и противления. Если же он продолжит упорствовать, это непременно закончится кровопролитием. Но, несмотря на строгость этого предупреждения и ультиматума, Гумуштагин отверг их и отказался смириться и повиноваться. Вскоре сам Захир аль-Дин пришел со своим аскаром и пехотой, которую сумел собрать, и выстроил свои войска в боевой порядок перед Баальбеком. Он расставил катапульты и начал сооружать боевую машину для пролома стен, ища слабые места в обороне и возможность для атаки. Часть войска и городской стражи перешла к нему, и он благосклонно одарил их одеждами. Затем Захир аль-Дин атаковал стену крепости, убив много ее защитников. Когда горожане увидели, с какой яростью он их атаковал и как решительно был настроен продолжать осаду, они решили сдаться ему. Стараясь исправить свою ошибку, вольноотпущенник пообещал сдать город и крепость при условии надежных гарантий его безопасности и выделения ему конкретного фьефа. Он предложил, чтобы один из командиров прибыл к нему и обсудил с ним решение проблемы при условии благополучного исхода для него самого. Тогда Захир аль-Дин послал к нему эмира Балташа, учитывая его положение в правительстве. Договоренность была достигнута на предложенных вольноотпущенником условиях, он сдал Захир аль-Дину город и цитадель, которая считалась неприступной крепостью удивительной конструкции, и вышел к нему. Атабек, неизменно следуя своей привычке миловать тех, кто причинял ему зло и восставал против него, отдал ему вместо Баальбека крепость Шархад, также славившуюся своей мощью и неприступностью, и оставил вольноотпущеннику его собственность и поместья, которых его лишил, и...[1] в Дамаск. Атабек Захир аль-Дин отдал город Баальбек в правление своему сыну Тадж аль-Мулюку Бури, расположил там гарнизон под командованием

[1] В тексте отсутствует слово, возможно, «отослал его».

надежных офицеров и наладил все дела. Осада города продолжалась тридцать пять дней, после чего тот сдался на 22-й день месяца рамазана 503 года (14 апреля 1110 г.). Захир аль-Дин отдал приказ освободить жителей Баальбека от тяжелых податей и заплатить часть их налога на землю, вернул им собственность, которой они несправедливо были лишены в прошлом, за что люди благословляли его и со всех сторон осыпали благодарностями. После этого он вернулся в Дамаск, где узнал новость о возвращении султана из Багдада в Исфахан в месяце шаввал этого года (начался 23 апреля).

Пришла новость о кончине эмира Ибрагима (сына) Янала (Инал), правителя Амиса. Он был известен своим дурным поведением, люди считали его тираном, и поэтому большое число жителей покинуло его город из-за постоянного угнетения и несправедливостей. Поэтому после его смерти люди вздохнули с облегчением и с надеждой на лучшую жизнь. Трон унаследовал его сын[1], человек более правильный и гуманный по сравнению с отцом.

Также в этом году Танкред вышел из Антиохии со своим войском и своим проклятым сбродом и, направившись к границам Сирии[2], захватил Тарсус и ближайшие территории, изгнал оттуда представителей короля греков и вернулся в Антиохию. Затем он отправился в поход к Шейзару и, разграбив его территории, обложил население данью в десять тысяч динар, которые были ему незамедлительно выплачены. После этого он взял осадой Хизаль-Акрад, жители которого сдались ему, и отправился дальше к Арке. В это время король Балдуин и сын Сен-Жилля осадили порт Бейрут с земли и с моря. Затем Танкред вернулся в Антиохию, а Жослен[3], повелитель Телль-Башира, отправился к порту Бейрут, чтобы помочь франкам взять город, и попросил у них поддержки в борьбе против аскара эмира Мавдуда[4], который атаковал Аль-Руху. Франки начали строить осадную башню у стен Бей-

---

Саад аль-Даула Айкалди (Айджилди) или Иль-Алди.

Силиция и районы на границе с Анатолией.

Jūsalīn.

Мавдуд, сын Алтунташа и племянник Кирбука, прошлого турецкого правителя Мосула (см. с. 61). Он не был братом султана Мухаммада (Гийас аль-Дунйа вал-Дин).

рута, но, когда они завершили ее сооружение, башня была разрушена камнями из катапульт и стала бесполезной. Тогда они приступили к строительству еще одной башни, а сын Сен-Жилля соорудил третью башню. В это время девятнадцать боевых кораблей египетского флота прибыли по морю, победили корабли франков и, захватив несколько из них, вошли в Бейрут с грузом. Этот успех воодушевил население города. Король Балдуин направил в Аль-Сувайдию просьбу о помощи генуэзцам, которые находились там со своими кораблями, и сорок их кораблей с множеством воинов пришли к Бейруту в ответ на его призыв. И в пятницу, 21-й день месяца шаввала (13 мая), франки атаковали по суше и по морю всеми своими силами. Они подвели к стенам города две штурмовые башни и отчаянно сражались. Командир египетского флота погиб вместе с большим числом воинов-мусульман. Никогда раньше или позже франкам не приходилось участвовать в такой отчаянной битве. Осознав свою неминуемую гибель, народ города дрогнул. В конце дня франки предприняли атаку на город и захватили его силой оружия. Правитель города попытался бежать с частью своего войска, но его поймали и привели к франкам, казнившим его вместе с его спутниками, и забрали все добро, которое он пытался увезти с собой. Город был разграблен, его жители захвачены в плен или отданы в рабство, а все их имущество конфисковано. Вскоре после этого три сотни всадников прибыли из Египта на помощь Бейруту, но, когда они достигли провинции Иордан[1], небольшое подразделение франков встретило их с боем, и египтяне ретировались в горы, а многие из них исчезли. Когда все дела Бейрута были приведены в порядок, король Балдуин ушел вместе с франками, разбил лагерь у порта Сидон и направил жителям требование сдать город. Они попросили у него передышку на условленное время, и он предоставил им ее, обязав их ежегодно уплачивать ему сумму в шесть тысяч динар, в то время как их прошлая подать составляла лишь две тысячи. После этого он отправился в Иерусалим, чтобы совершить паломничество.

---

[1] Провинция Урдунн включает в себя большую часть Самарии и Галилеи, помимо долины Иордана.

На 8-й день месяца зу-л-каада этого года (29 мая) на небе с востока показалась комета, хвост которой простирался на юг. Ее было видно до конца месяца зу-л-хиджа (середина июля), а затем комета исчезла.

В этом году также султан Гийас аль-Дунйа вал-Дин написал эмиру Сукману аль-Кутби, повелителю Армении и Майафарикина, а также эмиру Шарафу аль-Дину Мавдуду, правителю Мосула, приказ с требованием выйти с их войсками на священную войну против франков и защиту территорий Мосула. Собрав свои войска и набрав рекрутов, они вышли в поход и остановились у Джазирах Бани Нумаира, пока правители всех окрестных районов не присоединились к ним с большим войском добровольцев. К ним также присоединился эмир Наджм аль-Дин иль-Гази, сын Ортука, с большим войском туркмен, и мусульманские армии набрали такую силу, которой все франки, вместе взятые, не могли противостоять. Они приняли единодушное решение начать священную войну походом на Аль-Руху и блокадой города, пока Аллах не поможет им захватить город, учитывая его силу и неприступность. Подойдя к крепости со всеми своими силами, они разбили перед ней лагерь между 10-м и 20-м днями месяца шаввала (3—12 мая) и окружили ее со всех сторон кольцом, перекрыв все входы и выходы. В городе закончился провиант, и его жители оказались на грани голодной смерти. Осада города продолжалась долгое время, и цены на продукты стали необыкновенно высоки. Когда франки узнали о таком положении дел, они стали собирать свои силы, призывать рекрутов, готовить оружие и предпринимать меры для обороны города. Благодаря такой ситуации между ними восстановилось единство. Танкред, правитель Антиохии, сын Сен-Жилля, правитель Тарабулюса, и король Балдуин, а также правители различных провинций франков собрались вместе и заключили торжественное соглашение поддерживать друг друга, упорно сражаться и решительно противостоять всем трудностям. Когда такое единодушие между ними было достигнуто, они отправились со всеми своими войсками к Аль-Рухе. Когда же новость об этом вместе с сообщением о соглашении, достигнутом между франками, дошла до атабека Захир аль-Дина, он со своим

аскаром вышел из Дамаска и стал лагерем у Саламии. Ему сообщили, что франки на своем пути атаковали Рафанию, а когда они стали лагерем перед городом, его правитель, эмир Шамс аль-Кавасс, произвел вылазку со своей кавалерией и убил многих франков. Когда Захир аль-Дин прибыл в свой лагерь у Саламии, к нему присоединилось большое количество воинов (волонтеров), прибывших из различных частей Сирии. По сообщениям, франки достигли Евфрата и готовились переправиться через реку в направлении[1] Аль-Рухи. Атабек тут же отправился в путь в район Аль-Ракки и Калат-Габара. Переправившись через Евфрат, он несколько помедлил, дожидаясь новостей о франках, пока не узнал, что они решили не переправляться через реку, учитывая расположение эскадронов и поисковых разъездов армии ислама на всей этой территории и всех дорогах, ведущих к реке.

Когда мусульмане узнали, что франки уже находятся поблизости, они решили предоставить им свободный проход, чтобы потом атаковать их на открытой местности к востоку от Евфрата. Для этого они отошли от Аль-Рухи в конце месяца зу-л-хиджа (заканчивается 19 июля) и разбили лагерь на земле Харран с намерением обмануть противника и заманить его в ловушку. Ранее Харраном владел эмир Мавдуд, но потом он отдал эту территорию Наджм аль-Дину иль-Гази, сыну Ортука. Мусульмане воздерживались от нападения на франков, пока те не подойдут поближе, а к ним не присоединится аскар Дамаска. Однако франки разгадали цель такого маневра и поняли, что мусульмане действуют сообща. Тогда они обеспокоились и, предчувствуя беду и поражение, повернули назад и стали в панике отступать по своим собственным следам вдоль берега Евфрата. Получив информацию о таком передвижении противника, мусульмане выступили в поход им вдогонку, и главным образом их конница перехватила врагов, когда их командиры только что переправились через реку. Транспортные обозы франков стали трофеями мусульман, которые уничтожили огромное число их сторонников, убивая их, захватывая в плен и топя в Евфрате.

[1] «В направлении» — это предположительный вариант редактора текста.

Руки мусульман были связаны огромным количеством трофеев, добычи, пленников и животных, и поэтому они не смогли переправиться через реку и догнать остатки армии франков. Они вернулись к Аль-Рухе, чтобы продолжить осаду города. Франки эвакуировали из города всех беспомощных горожан, оставили там для обороны лишь гарнизон армян, снабдив их, чтобы укрепить гарнизон, всевозможными припасами, оставшимися от уходящей армии. Правитель города, Балдуин Маленький[1], тоже покинул город и ушел вместе с отступающими франками. Армия ислама несколько дней оставалась у Евфрата, разбив лагерь напротив них, а затем отправилась продолжать осаду Аль-Рухи. Узнав об отступлении врага, атабек Захир аль-Дин вернулся в свои владения, чтобы защитить их от франков, предварительно выслав большую часть своего войска из лагеря на помощь осаждавшим Аль-Руху. Сам он вернулся в Дамаск, а часть его аскара, посланного в Аль-Руху, оставалась там до тех пор, пока осаждавшая город армия не покинула его территорию. Тогда войскам было разрешено вернуться домой, где их встретили почестями и дарами.

Частый обмен посланниками между атабеком Захир аль-Дином и эмиром Шараф аль-Дин Мавдудом привел к укреплению их дружбы и товарищеских отношений в достижении единой цели. Когда из-за яростного сопротивления города пребывание армии ислама у Аль-Рухи затянулось, запасы продовольствия стали иссякать, так что необходимость вынудила ее отступить и рассредоточиться, предварительно оставив одно из своих подразделений в Харране для периодических набегов на Аль-Руху. Наджм аль-Дин иль-Гази затаил обиду на Сукмана аль-Кутби из-за старой ссоры, которая разгорелась вновь, и поэтому оставил Харран и отправился в Мардин. Тогда Сукман схватил сына его брата Балака и отвез его в цепях в свой город. После того как армии мусульман отошли от Аль-Рухи, его правитель, Балдуин Маленький, вернулся и снова вошел в город, несмотря на то что на его границах постоянно продолжались стычки.

---

[1] *Baghdawin al-ru'aiyis*, дословно — «разбойник».

Князь Фахр аль-Мулюк Рудван, правитель Алеппо, узнав о поражении франков, отправился в районы Алеппо и освободил их от франков, а также совершил набег на провинцию Антиохия, где захватил большие трофеи, но, услышав о возвращении франков, вернулся в Алеппо. Вскоре после этого франки прибыли опять и разграбили часть провинции Алеппо, убив и полонив огромное число людей. На обратном пути Танкред осадил Аль-Атариб и захватил город после длительной блокады в конце месяца джумаада этого года[1]. Он пощадил гарнизон города, и кто пожелал, смог остаться, не пожелавшие же ушли. После этого между князем Фахр аль-Мулюк Рудваном и Танкредом был заключен договор о дружбе на том условии, что князь будет ежегодно платить ему из доходов Алеппо дань в размере двадцати тысяч динар и десяти лошадей, а также освободит пленников. На этой основе и был заключен мир.

В этом же году король Балдуин, правитель Иерусалима, прибыл в район Баальбека с целью разграбить его и опустошить район Бекаа. Переписка по этому поводу продолжалась между ним и атабеком Захир аль-Дином, пока между ними не была достигнута договоренность о мире и о том, что одна треть товаров Бекаа должна принадлежать франкам, а две трети — мусульманам и крестьянам. На этих условиях они подписали договор в месяце сафар этого года[2], и Балдуин отправился назад в свою провинцию, захватив награбленное в Баальбеке и Бекаа. Все это добро осталось в его руках и в руках его воинов.

В этом году стали поступать сообщения о прибытии одного из королей франков по морю с шестьюдесятью кораблями, полными воинов, с целью совершить паломничество и напасть на земли ислама. Он направился в Иерусалим, а когда Балдуин вышел, чтобы встретить его, они договорились вместе атаковать исламские земли. По возвращении из Иерусалима они разбили лагерь у укрепленного порта Сидон на 3-й день второго месяца раби

Явная ошибка: «следующего года», т. е. во второй месяц джумаада 504 г. (15 декабря 1110 г. — 12 января 1111 г.).

[2] Начался 30 августа 1109 г., но, возможно, опять же в месяце сафар 504 г. (начался 19 августа 1110 г.).

504 года (19 октября 1110 г.) и блокировали его с земли и с моря. В это время египетский флот располагался в порту Тир и не мог прийти на помощь Сидону. Франки изготовили штурмовую башню и стали продвигать ее к городу, закрыв виноградными лозами, циновками и сырыми шкурами волов для защиты от ракет и греческого огня. Завершив создание такой хитроумной конструкции, они начали двигать ее вперед с интервалами в несколько дней на талях и колесах, установленных под башней. В день наступления они придвинули башню поближе к стене города и поместили в нее запасы воды и уксуса для защиты от огня и боевых машин. Когда это увидели защитники Сидона, они дрогнули сердцем, испугавшись повторения несчастья, которое произошло в Бейруте. Кади и несколько знатных граждан города были посланы к франкам просить у Балдуина гарантий безопасности. Он согласился выполнить их просьбу и пообещал также безопасность для войск, которые находились в городе, обещал сохранить их жизнь и их собственность и позволить всем желающим покинуть город и отправиться в Дамаск. Когда Балдуин поклялся выполнить эти условия, правитель и главный управляющий города вместе со всеми войсками, стражей и большим количеством горожан покинули город и отправились в Дамаск на 20-й день (первого) месяца джумаада 504 года (4 декабря 1110 г.). Осада города продолжалась сорок семь дней. Учредив в городе гарнизон и наладив все дела, Балдуин вернулся в Иерусалим, но вскоре снова вернулся в Сидон и потребовал от тех, кто там остался, выкуп, превышавший двадцать тысяч динар. Таким образом, он лишил людей собственности, забрал все их вещи и конфисковал все имущество у тех, у кого еще хоть что-то оставалось.

Год 504 от хиджры

(20 июля 1110 г. — 9 июля 1111 г.)

В этом году сообщалось о том, что путешествующие торговцы, устав от длительного бездействия и лишившись терпения, отправились из Туниса, Дамиетты и

Мисра[1] с большим количеством товаров и денег. Египетский флот не смог выйти в море, но они взяли на себя всю ответственность за риск и подняли паруса. По пути их атаковали корабли франков, захватили их, а товары и деньги на сумму больше ста тысяч динар оказались в руках захватчиков, которые держали торговцев в плену и пытали их, пока те не откупились, отдав все, что у них еще оставалось в Дамаске и других местах.

Вернувшись из Сидона, Балдуин отправился в поход на Аскалон и атаковал его. Правитель города Шамс аль-Килафа вступил с ним в переговоры, и они заключили сделку, по условиям которой после получения определенной денежной суммы от правителя города Балдуин должен был отойти и не атаковать Аскалон. Шамс аль-Килафа предпочел откупиться, чтобы не воевать. Ради сохранения мира и безопасности путешественников он обязал людей Тира собрать семь тысяч динар, которые следовало выплатить в течение года и трех месяцев. Когда в месяце шаввал (12 апреля — 10 мая) весть об этом дошла до аль-Афдала, правителя Египта, он не одобрил таких действий и, скрывая от своих соратников затаенную злость, оснастил сильный аскар, чтобы отправить его в Аскалон под командованием правителя, который должен был заместить Шамс аль-Килафу. Когда войско приблизилось к Аскалону и Шамс аль-Килафа узнал о цели его прибытия, он взбунтовался против аль-Афдала и, подняв флаг восстания, поставил под него все регулярные войска, которые находились под его командованием. Его действия основывались на страхе. Он знал, что по наущению аль-Афдала войска могут повернуться против него (аль-Афдал осуждал некоторые его действия и поэтому затаил на него злобу). Он также вел переписку с Балдуином в надежде на его дружбу и помощь людьми и провизией и поэтому пригрозил, что в случае опасности сдаст город Балдуину и возьмет у него компенсацию за это. Узнав, что дело принимает именно такой оборот, аль-Афдал испугался и, чтобы развеять его подозрения, лицемерно

М и с р — название, которое обычно употреблялось для Фостата, сейчас старый Каир. Современный Каир, основанный в 969 г., в то время ограничивался королевскими пригородами.

пообещал отписать ему Аскалон в качестве фьефа. Он также обещал оставить ему его фьеф в Египте и прекратить все посягательства на его собственность в виде лошадей, имущества и построек, находящихся в Египте. Опасаясь горожан, Шамс аль-Килафа призвал войско армян, разместил его в городе, и такое положение дел сохранялось до конца 504 года. Горожане негодовали по поводу его поступка, и однажды подразделение кутама[1] напало на него, когда он ехал верхом, в результате чего он был ранен. Шамс аль-Килафа поспешил к себе домой, но они преследовали его, предали смерти и разграбили дом и собственность, а также дома нескольких уважаемых горожан[2] и простых людей. Сообщение об этом было доведено до сведения главного почтмейстера[3], который тут же поспешил в город. Жители подчинились его власти и направили голову Шамс аль-Килафы в Египет аль-Афдалу вместе с полным отчетом о его деяниях. Аль-Афдал обрадовался этой новости и наградил тех, кто принес ему хорошую весть, но приказал взять под стражу и осудить его убийц за то, что они разграбили его дом, имущество и собственность горожан. Почтмейстер арестовал нескольких горожан и отправил их в Египет, где по прибытии они были заточены в тюрьму.

В первый месяц джумаада этого года (15 ноября — 14 декабря) султан Гийас аль-Дунйа вал-Дин Мухаммад, сын Малик-шаха, прибыл в Багдад из Хамадхана. Там он получил письма от посланцев из Сирии с отчетом о положении дел и действиях франков после их возвращения с Евфрата, о горе, постигшем Сидон и Аль-Атариб, а также районы Алеппо. В первую пятницу месяца шаабана (17 февраля 1111 г.) некий хашимид шариф[4] из Алеппо с группой суфитов, торговцев и теологов пришли в мечеть султана просить о помощи. Они прогнали проповедника с кафедры, разломали ее на куски, плача и рыдая о горестях, свалившихся на ислам по вине фран-

---

К у т а м а — берберские войска Фатимидов, халифов Египта. Дословно: «свидетелей», см. с. 49.

Sāhib al-Sayyārah.

Sharīf (мн. число — *asharāf*) потомок Мухаммада по линии от его дочери Фатимы, жены Али, либо более общо — потомок клана Мухаммада, Бану Хашима.

ков, об убийствах людей и захвате в рабство женщин и детей. Они не дали людям совершить молитву, и тогда, чтобы успокоить их, собравшиеся и их лидеры пообещали суфитам от лица султана направить армии для отмщения франкам и неверным за горести ислама. В следующую пятницу они снова собрались, отправились в мечеть халифа и повторили все свои действия, плач и рыдания, мольбы о помощи и поминания погибших. Вскоре после этого принцесса, дочь султана и жена халифа, прибыла в Багдад из Исфахана с таким блеском и с таким огромным количеством украшений, денег, посуды, карет и вьючных животных всех видов, мебели, различных восхитительных нарядов, слуг, стражи, рабынь и спутниц, что невозможно описать словами. Ее прибытие совпало по времени с этими мольбами о помощи, и поэтому спокойствие города и радость горожан по поводу ее прибытия были испорчены. Халиф аль-Мустазхир Биллах, командующий правоверными, возмутился произошедшим и решил найти того, кто был инициатором этих событий, чтобы наказать его по заслугам. Султан же не позволил ему сделать это, простил людям такое поведение и повелел эмирам и командирам вернуться к делам управления и начать подготовку к священной войне против неверных, против врагов Аллаха.

Во второй месяц джумаада этого года (15 декабря — 12 января) посланец греческого тирана[1] прибыл с подарками, драгоценностями и письмами, с целью организовать нападение на франков, достойно наказать их, сообща изгнать их из этих территорий, относиться к ним без жалости и добиться их максимального уничтожения до того, как они смогут прочно обосноваться на своих угрожающих позициях и угроза с их стороны станет бесконтрольной. Он заявил, что не позволил им проходить через его доминионы в земли мусульман, начал против них войну, но если их посягательства на земли ислама будут сопровождаться непрерывным прибытием все новых армий и подкреплений, то обстоятельства заставят его договорить-

---

Здесь и в некоторых других местах в арабском тексте используется не слово *malik* (царь), а *mutamallilk*, дословно «якобы царь» или «царь-самозванец». Причина такого различия не ясна.

ся с ними, предоставить им свободный проход и помощь в достижении целей. В заключение он в самых резких выражениях уговаривал предпринять совместные действия в борьбе против франков и изгнать их из этих земель.

В этом же году король Балдуин, правитель Иерусалима, нарушил свое соглашение с атабеком и отписал сыну Сен-Жилля, правителю Тарабулюса, призывая его прийти вместе с армией и присоединиться к нему у Тиверии. Собрав свои силы, он выступил в направлении Иерусалима, чтобы осуществить задуманное, но по дороге его одолела болезнь, мучившая его несколько дней, а выздоровев, он решил, что в этих местах ему больше делать нечего. Узнав о его намерениях, атабек Захир аль-Дин выступил со своим аскаром и разбил лагерь в местечке под названием Раас-аль-Ма, откуда продолжил путь в Леях. Франки отправились за ним в Аль-Санамейн, но атабек распределил свои силы таким образом, что его подразделения действовали против врага с различных сторон, конные патрули контролировали перекрестки дорог, отрезая врагу поставки продовольствия. Все это поставило франков в такое затруднительное положение, что им пришлось склониться к мирным и дружественным отношениям. Переговоры закончились тем, что по соглашению Балдуин получал половину урожая Джабал-Ауфа, Савада и Аль-Джабании вдобавок к тому, что уже имел, а также те соседние районы, которые находились в руках бедуинов Ал аль-Джарраха. Договор между ними был подписан в письменной форме, и каждый вернулся к делам своего правления в конце месяца зу-л-хиджа этого года (начало июля 1111 г.).

После просьб народа о помощи в Багдаде, о чем уже рассказывалось, султан Гийас аль-Дунйа вал-Дин согласился направить свои войска и приказать своим эмирам начать подготовку к священной войне. После завершения такой подготовки первым из них, кому надлежало отправиться в провинции франков, стал эмир исфахсаллар[1] Шараф аль-Дин Мавдуд, правитель Мосула. Он отправился со своим аскаром к Санджатану и по дороге силой оружия захватил и заставил капитулировать Телль-Мурад и

---

[1] Воинское звание, часто встречающееся в этот период, от персидского *sipah-sālār*, главнокомандующий.

ряд других крепостей. Сначала к нему присоединился эмир Ахмадил с сильным войском, а потом эмир Сукман аль-Кутби из Армении и Диярбакыра. Они объединили свои силы на земле Харрад, где до них дошло письмо султана бен Али бен Мункида, правителя Шейзара, с сообщением о том, что Танкред, правитель Антиохи, напал на земли Шейзара и начал строить напротив него Телль-ибн-Маашар, [перекрыв][1] поставки зерна в город. Поэтому он просил у них помощи и скорейшего прибытия. Узнав об этом, они отправились в Сирию и переправились через Евфрат в середине месяца мухаррама 505 года. Войска разбили лагерь перед Телль-Баширом на 19-й день месяца мухаррама (28 июля 1111 г.) и оставались там до прибытия эмира Бурзук бен Бурзука, правителя Хамадана, которому по приказу султана следовало прибыть и присоединиться к ним. Он прибыл лишь с частью своего аскара, а сам страдал от подагры. Сукман аль-Кутби тоже болел, и им не удалось выработать общий план. Между тем добровольцы и обычные солдаты атаковали крепость и проломили стену. Тогда Жослен, правитель Телль-Башира, направил посланника к курдскому эмиру Ахмадилу, подкупил его деньгами и дарами, пообещав помогать ему и встать на его сторону. Большая часть регулярных войск была у Ахмадила, и, когда Жослен, унижаясь, стал умолять его отойти от замка, тот согласился выполнить его просьбу, невзирая на неодобрение других эмиров. Болезнь Сукмана аль-Кутби обострялась, и Ахмадил решил отступить, желая получить в дар от султана земли Сукмана, поскольку между ними установились определенные связи, включая брачные. Поэтому армии отошли от Телль-Башира к Алеппо, где стали лагерем у города, разграбили его территории и учинили большие опустошения, чем франки. Они ожидали, что либо сам князь Фахр аль-Мулюк Рудван, правитель Алеппо, присоединится к ним, либо он прикажет это сделать своим офицерам. Но он не обратил на них никакого внимания, закрыл перед ними ворота Алеппо, захватил некоторых горожан в заложники, запер их в цитадели и укрепил свои войска

[1] По смыслу здесь требуется слово *man 'ahu*, которого в тексте нет.

вооруженными бандами[1] батинитов и лояльными горожанами, которые несли гарнизонную службу у стен города и не позволяли горожанам подниматься на стены. Помимо этого он позволил бандитам[2] хватать любого, кто отстал или отбился от армии.

В то время, когда эти эмиры собрались вместе и переправились через Евфрат, они обратились к атабеку Захир аль-Дину с просьбой присоединиться к ним и сообщили ему направление своего движения. Одновременно с этим письмо аналогичного содержания пришло к нему и от султана. Положение дел и его собственное здравое мышление требовали, чтобы он отправился к ним со своим аскаром для участия в священной войне и поддержал эмиров в деле защиты этих земель от последователей политеизма и ошибочных доктрин. Собрав максимальное количество людей, насколько это было возможно, из Химса, Хамы, Рафании и других сирийских укрепленных районов, он отправился к эмирам и присоединился к ним у Алеппо. Его встретили с почестями и уважением. Его приход укрепил их дух и силы, однако, невзирая на показную радость по поводу его прибытия, он не почувствовал в эмирах реальной решимости вести священную войну и защищать страну.

Что же касается Сукмана аль-Кутби, то его болезнь становилась все тяжелее, и, оказавшись на пороге смерти, он покинул их и отправился назад в свой город. Как сообщили, по дороге, еще не дойдя до Евфрата, он скончался. Что же касается Бурзук бен Бурзука, то его носили в паланкине, сам он не мог ни действовать, ни говорить, а Ахмадил твердо решил вернуться, поскольку крайне желал получить от султана земли Сукмана в качестве фьефа. Атабек Захир аль-Дин убедил их отправиться в Сирию, что и произошло в конце месяца сафара (начало сентября 1111 г.). Они разбили лагерь у Маарrат-ан-Нумана, где повели себя так же, как и ранее (у Алеппо). Войска не могли везти с собой каких-либо запасов провизии и фуража и захватили всю необходимую им провизию в данном районе. Недоброже-

---

Ahdāth, см. с. 52 сноску 1.

Al-harāmīya употребляется, похоже, в смысле «нерегулярные»; сравните у Усамы 86.2.

лательное отношение полководцев к Захир аль-Дину в конце концов отбило у него всякую охоту оставаться с ними далее. Более того, ему было сказано, что князь Фахр аль-Мулюк Рудван был в заговоре против него с целью убийства с одним из эмиров. Тогда он договорился с эмиром Шараф аль-Дин Мавдудом, с которым его связывала старая дружба и доверие, и одарил остальных эмиров привезенными с собой дарами в виде драгоценностей, арабских скакунов и египетских раритетов. Его дары были приняты с изощренной благодарностью и выражением признательности. Мавдуд честно выполнил свои обещания, данные Захир аль-Дину, и сохранил дружбу с ним. Тогда атабек стал уговаривать эмиров отправиться к Тарабулюсу, обещая обеспечить их всем необходимым из Дамаска и его провинций, а если их застанет зима, обеспечить их жильем в городах, однако они не согласились на его предложение и разбежались подобно племенам Сабы[1]. Бурзук бен Бурзук и Ахмадил покинули его и последовали за аскаром Сукмана аль-Кутби. С атабеком остался лишь эмир Мавдуд, и они вместе ушли из Аль-Маарры и разбили лагерь у Ази (Оронт).

Франки, прознав об отступлении и рассредоточении этих армий, собрали все свои силы и стали лагерем у Афамии. По такому случаю Танкред, Балдуин и сын Сен-Жилля, несмотря на взаимную неприязнь, объединили свои силы и сформировали единый фронт против ислама и его народов. При их приближении султан ибн Мункид вышел из Шейзара лично со своими последователями и на встрече с атабеком и Мавдудом уговаривал их продолжать священную войну, нарочито приуменьшая перед ними силы франков. Тогда они отправились в поход и, переправившись через Ази, стали лагерем в южной части Шейзара. Войска устроили свой базар на базаре Шейзара, а аскар Мавдуда разбил лагерь у города. Ибн Мункид и его сторонники всячески старались услужить им и снабдить их провизией. Он разместил атабека, Мавдуда и их личных слуг в крепости Шейзар и сам вместе со своей семьей помогал

[1] Провербиальная фраза, относящаяся к легендарному рассредоточению древних южных арабских племен после прорыва дамбы в Марибе.

им во всем. Франки разбили лагерь к северу от Телль-ибн-Машара. Диспозиция аскара была мастерски продумана, конница блокировала франков со всех сторон, патрулировала окрестности, перекрывая все подходы, и изнуряла врага, держа его в постоянном напряжении. Более того, она отрезала франков от источников воды и не давала им подойти к Ази, разместив большое число лучников на берегах реки и в южной ее части. Ни один франк не мог приблизиться к реке, не рискуя при этом быть убитым. Тюрки осмелели и совершали на них стремительные налеты. По своей численности мусульманская конница примерно была равна коннице франков, однако их пехота была более многочисленной. Тюрки атаковали врага в боевом порядке, а когда франки спустились навстречу им с холма, на котором находился их лагерь, тюрки ударили по ним с западного фланга и захватили часть лагеря вместе с шатрами и имуществом, а затем повернули и атаковали их. Тогда франки отступили и вернулись на свои прежние позиции. Это произошло в первый месяц раби (7 сентября — 6 октября 1111 г.). Опасаясь тюрок, франки оставались на месте три дня, не выходя из лагеря и никого не подпуская к нему. Когда же мусульмане ушли для пятничной молитвы в мечеть Шейзара, франки отправились к Афамии, но прошли мимо города не останавливаясь. Узнав об отступлении врага, мусульмане стали их преследовать, захватывая отставших солдат и всех, кто следовал этим путем. Потом они вернулись в Шейзар и отправились маршем в Хаму, и все люди радовались изгнанию франков из их земель.

Год 505 от хиджры

(10 июля 1111 г. — 27 июня 1112 г.)

Дружба между атабеком Захир аль-Дином и эмиром Мавдудом пустила прочные корни.

В этот год король Балдуин собрал всех франков, каких только мог, и отправился к порту Тир. Его правитель Изз аль-Мульк и горожане спешно написали атабеку Захир аль-Дину в Дамаск просьбу о помощи и подкреплении, обещая сдать ему город. Они умоляли его поспешить и

прислать побольше тюрок, так как в случае промедления им придется сдать город франкам, поскольку они отчаялись получить помощь от аль-Афдала, правителя Египта. Атабек поспешил отправить к ним крупный контингент тюрок, состоявший из двухсот всадников, умелых лучников, с полной экипировкой. Помимо этого контингента, на помощь жителям прибыли пехотинцы из Тира и Джабал-Амила, которые поддерживали их дело, а также пехотинцы из Дамаска. Атабек был готов направить туда и другие войска. Когда Балдуин узнал о договоренности между атабеком и жителями Тира, он поспешил атаковать город теми силами, которые успел собрать. Это произошло на 25-й день первого месяца джумаада 505 года (29 ноября). Он приказал срубить все фруктовые деревья и пальмы, построить у города постоянное жилье и непрерывно атаковать его, но в конце концов отступил, отчаявшись добиться своей цели. Рассказывают, что во время одной из его атак жители города выпустили по врагам двадцать тысяч стрел за один день.

Узнав об осаде Тира франками, Захир аль-Дин выступил и разбил лагерь у Банияса, откуда посылал свои эскадроны на территорию франков, разрешив им грабить, убивать, разрушать и жечь все, чтобы изнурить врага и заставить его снять блокаду города. Второй контингент войск, который он направил к Тиру, попытался войти в город, но не смог проникнуть в него. Сам Захир аль-Дин отправился маршем к Аль-Хабису, прочно укрепленной крепости в Саваде, и после яростной атаки захватил ее силой оружия и казнил весь гарнизон. Франки приступили к сооружению двух осадных башен, чтобы с их помощью атаковать стены Тира, и тогда Захир аль-Дин несколько раз атаковал их, чтобы отвлечь врага и дать войскам Тира возможность выйти и сжечь эти башни. Франки разгадали цель его маневра, вырыли ров вокруг этих башен и приставили к ним вооруженную охрану, не обращая внимания на его возможные действия, на рейды, совершаемые на их территорию, и убийства ее жителей. Когда начались зимние бури, они не причинили франкам никакого вреда, поскольку те устроили свой лагерь на прочной песчаной почве, в то время как тюрки, напротив, претерпевали большие

трудности и страдания на своих позициях, но все же не перестали устраивать рейды и захватывать трофеи, отрезая пути поставок продовольствия и снаряжения франков, захватывая все, что попадало им в руки.

Тюрки также захватили дамбу, открывавшую доступ к Сидону, чтобы и там отрезать путь для поставок. После чего франки изменили свою тактику и стали рассылать повсюду просьбы направлять им припасы по морю. Поняв это, Захир аль-Дин вышел с подразделением своего аскара в район Сидона и совершил набег на его пригороды, убив много моряков, и сжег примерно двадцать судов на берегу. При этом он не забывал направлять жителям Тира письма, призывая их держаться перед лицом франков и храбро сражаться с ними.

Строительство двух штурмовых башен и размещение внутри их таранов было завершено примерно за семьдесят пять дней, и на 10-й день месяца шаабана (11 февраля) их начали придвигать к городу и использовать для атак. Когда башни были придвинуты поближе к стенам города, вокруг них разгорелось яростное сражение. Высота меньшей башни составляла более сорока локтей[1], а высота большей — свыше пятидесяти. В 1-й день месяца рамазана (2 марта) воины Тира вышли из своих бастионов с греческим огнем, дровами, смолой и оборудованием для поджигания и, не имея возможности проникнуть ни в одну из башен, разожгли огонь поблизости от меньшей, где франки не могли защитить ее от пламени. Ветер перенес огонь на меньшую башню, которая после жестокой рукопашной схватки, разгоревшейся вокруг нее, полностью сгорела. В качестве трофеев из нее достали множество кольчуг, длинных щитов и другого оружия. Огонь также охватил и большую башню. Среди мусульман распространился слух, что франки прекратили атаки на город, стараясь сбить огонь с башни, и стали отходить, свертывая сражение вокруг бастионов. Но в этот момент франки яростно их атаковали, выгнали из башни и погасили охвативший ее огонь. Потом они выставили вокруг башни сильную охрану из отборных воинов для защиты ее самой и катапульт.

Л о к о т ь (*dhirā*), используемый в данных измерениях, вероятно, превышает полметра.

Франки продолжали атаковать город беспрерывно до конца месяца рамазана, придвинули башню поближе к одному из бастионов стены, закопав для этого три окопа, которые располагались перед ней. Горожанам пришлось сделать подкоп[1] под стену бастиона, который находился перед башней франков, и развести там огонь. Когда этот подкоп рухнул, внешняя сторона стены обрушилась перед осадной башней и не позволила продвинуть ее ближе к стене. Место, которое франки намеревались атаковать, теперь защищала только низкая стена, но, поскольку ее прикрывали бастионы города, осадную башню невозможно было подвести к этому месту. Разобрав завалы, франки подвели башню к другому бастиону, придвинули ее ближе к стене и стали бить по ней таранами, которые находились в башне, выбили некоторые камни и раскачали стену так, что находившиеся на ней горожане оказались на грани гибели. Тогда некий житель Тарабулюса, один из лидеров моряков, знавший кузнечное дело и имевший военный опыт, стал делать железные кошки, с помощью которых бьющий по стене таран зацепляли за переднюю часть и с боков, а горожане изо всех сил тянули за веревки так, что башня чуть не опрокинулась. Иногда франки сами ломали таран, опасаясь за сохранность своей башни, порой таран сгибался и становился непригодным, а иногда его ломали с помощью двух камней, которые жители связывали вместе и бросали на таран с городской стены. Франки изготовили несколько таранов, но они выходили из строя один за другим. Каждый из них достигал шестидесяти локтей в длину, закреплялся в осадной башне на веревках, а на передней его части крепился кусок железа весом более двадцати фунтов.

Замена таранов продолжалась долгое время, и, когда франки придвинули свою башню еще ближе к стене города, тот же самый моряк установил на городском бастионе длинный и прочный столб прямо напротив башни франков. Сверху крестообразно помещалось другое прочное бревно длиной в сорок локтей, которое управляющий им человек мог поворачивать в любую сторону с помо-

[1] *Ta'līq.*

щью (сложных) блоков и лебедок[1]. Конструкция действовала по тому же принципу, что и мачтовое оснащение парусных судов. На одном конце этого горизонтального бревна располагалась железная стрела, а на другом — веревки, которыми управлял человек. На своем изобретении он закреплял чаны с нечистотами и, опрокидывая их, поливал тараны и башню. Это очень огорчало нападающих и отвлекало от выполнения их задач. Тот же моряк наполнял корзины виноградными плетьми и листьями, смолой, щепками, канифолью и камышом, поджигал их и, когда они загорались, укреплял на уже описанном сооружении так, что они висели над башней франков, и огонь капал на нее сверху. Они спешили погасить огонь уксусом и водой, а он быстро подвешивал следующую корзину, одновременно забрасывая башню маленькими горшками и кипящим маслом. В результате возник большой пожар, пламя, разгораясь, перекидывалось с одной части башни на другую, пока не настигло двух человек, действовавших на самом верху. Один из них был убит, а второй сбежал вниз. Огонь охватил верхний этаж башни и по деревянным перекрытиям стал спускаться вниз. Находившиеся там люди не могли справиться с огнем и были вынуждены бежать вместе с франками, защищавшими башню внизу. Тогда жители Тира вышли из города и захватили в башне огромное количество трофеев в виде оружия и других припасов.

В конце концов франки отчаялись захватить город и приготовились отступать. Они сожгли дома, которые построили в своем лагере, а также многие свои корабли на берегу, так как сняли с них мачты, рули и другое оснащение для постройки башен. Число таких малых и больших кораблей составляло две сотни, примерно тридцать кораблей были боевыми, и франки использовали их для перевозки своих легких грузов. Они отбыли на 10-й день месяца шаввала этого года (10 апреля) после продолжавшейся четыре с половиной месяца осады Тира и, прибыв в Акку, разбрелись по своим собственным провинциям. Жители Тира захватили в качестве трофеев все, что оста-

[1] Дословно: «пропеллер» (*lawlab*).

лось после них, а тюрки, которых послали им на помощь, вернулись в Дамаск. Число погибших среди них составляло примерно двадцать человек, и они получали плату и содержание каждый месяц. Ни одна другая башня франков, предыдущая или последующая, не разделяла судьбы, которая была уготована этой, сгоревшей дотла. Причина этому заключалась в том, что по высоте эти башни (башня франков и башня бастиона города) были одинаковы. Если бы одна была выше другой, то погибла бы меньшая. Число погибших защитников Тира составляло четыре сотни душ, а потери франков, по сведениям надежных источников, — примерно две тысячи человек. Вместе с тем жители Тира не выполнили своего обещания сдать город атабеку Захир аль-Дину, да он и не требовал этого открыто, сказав: «Все, что я делал, я делал во имя Аллаха и мусульман, а не из-за жажды богатства или власти». За такое благородство его осыпали благодарностями и прославлениями, а он пообещал снова прийти на помощь городу, если на него опять обрушится подобная беда. После тяжелых испытаний, которые выпали на его долю в войне с франками, пока Аллаху не стало угодно отвести от города Тира эту напасть, он вернулся в Дамаск. Тогда жители Тира стали ремонтировать стену, поврежденную франками, восстанавливать рвы до их прежнего состояния и копать новые, укреплять город, а находившиеся в нем пехотинцы были распущены.

Во 2-й день месяца шаабана (3 февраля) пришла новость о кончине Бертрама[1], сына Сен-Жилля, правителя Тарабулюса, по причине охватившей его болезни. Он назначил наследником трона своего сына, но тот был еще ребенком, а офицеры, выполнявшие роль его хранителей, заключили от его имени договор с Танкредом, правителем Антиохии. Юноша был зачислен в число рыцарей Танкреда и получил от него в дар фьефы в Антартусе, Сафите, Маракие[2] и Хиз-аль-Акраде.

В этом году в Египте разразилась ужасная чума, унесшая жизни огромного числа людей, которое, по рассказам, составляло примерно шестьдесят тысяч. В этом же году из

Badrān.

[2] На побережье, напротив острова Арад (Арадус).

Аль-Ирака пришло сообщение о прибытии в Багдад султана Гийас аль-Дунйа вал-Дин Мухаммада в первый месяц джумаада (5 ноября — 12 декабря). Он оставался в городе некоторое время, и его пребывание легло тяжелым грузом на жителей города. Цены росли, пока он не уехал, и тогда положение нормализовалось и цены снизились. В этом же году сообщалось о том, что в месяце зу-л-каада (апрель) эмир Шараф аль-Дин Мавдуд, правитель Мосула, пришел со своим аскаром к Аль-Рухе, стал там лагерем и забрал еще зеленый урожай в качестве фуража. Он оставался там до месяца мухаррама 506 года (начался 28 июня), а потом отправился в Серудж, где пустил своих коней пастись на посевах, не выставив охрану и не предприняв никаких мер предосторожности от вражеских грабителей или ненадежных мусульман. Неожиданно, когда лошади разбрелись по пастбищу, Жослен, правитель Телль-Башира, со своими рыцарями-франками напал на них из района Серуджа, захватил ничего не подозревавших Мавдуда и его соратников, многих убил, включая некоторых предводителей, и угнал большую часть животных. Придя в себя, мусульмане приготовились к схватке с врагами, но те уже вернулись в крепость Серудж.

В этом же году сообщалось о кончине Караджи, правителя Химса, после продолжительной болезни, которая оказалась фатальной. Он был жестоким правителем и сторонником бандитов и преступников. Его трон занял его сын Кир-Кан бен Караджа, последователь тирании, беззакония и несправедливого правления отца.

Год 506 от хиджры

(28 июня 1112 г. — 17 июня 1113 г.)

В этом году жители Тира, опасаясь повторной осады франков, решили с правителем города Изз аль-Мульк Ануштагином аль-Афдали сдать город атабеку Захир аль-Дину за ту помощь, которую он оказал им в минуту ужасной опасности. Они направили к нему посланника, облеченного доверием обсуждать такой вопрос с атабеком Захир аль-Дином. Добравшись до Банияса, посланник

переговорил с его правителем, эмиром Сайф аль-Даула Масудом, который отправился вместе с ним в Дамаск, чтобы данный вопрос решался в его присутствии. Они прибыли в Дамаск в то время, когда Захир аль-Дин атабек отправился в Хаму, чтобы уладить все дела с Фахр аль-Мулюк Рудваном, правителем Алеппо. Эмир Масуд опасался, что решение дела может затянуться до возвращения Захир аль-Дина из Хамы, а Балдуин опередит их и нападет на Тир, и тогда желание горожан не осуществится. Поэтому он договорился с Тадж аль-Мулюком Бури, который был представителем атабека в Дамаске, сопровождать его в поездке в Баниас и, воспользовавшись возможностью, назначить Масуда взять Тир под опеку. Бури согласился с этим и отправился с ним в Баниас, а Масуд, взяв с собой подразделение аскара, которому мог доверять, направился в Тир, не дожидаясь атабека, и расположился в городе. Когда эта новость дошла до атабека, он послал в Тир сильное подразделение тюрок для укрепления обороны города. Прибыв в Тир, они также расположились в нем. Стоимость их содержания оплачивалась из Дамаска, и страхи горожан рассеялись. Управление городом осуществлялось как и прежде, горожане оставались преданными правителю Египта, штамповали монеты с его именем, и никаких изменений не происходило.

Атабек Захир аль-Дин написал аль-Афдалу в Египет, что Балдуин собрал свои силы для нападения на Тир, а жители города попросили у него подкрепления и защиты от врага. Поэтому он направил туда тех, в чьей храбрости не сомневался, чтобы защитить город и не подпустить к нему франков, и его воины уже расположились там. Далее, когда из Египта прибудет правитель, который займется делами города и его обороной, он передаст ему город и уведет своих представителей. Затем он добавил: «Со своей стороны я надеюсь, что судьба Тира не будет оставлена без внимания, и для снабжения и усиления обороны города будет выслан флот».

Когда эти новости стали известны Балдуину, он незамедлительно отправился из Иерусалима к Акке, но там узнал, что возможность потеряна, и тюрки уже находятся в Тире. Он оставался у Акки, пока к нему не прибыл

человек из числа арабов Рузайка из города Аскалон с сообщением о том, что дамасский караван покинул Босру, направляясь в Египет под сильной охраной, и предложил отвести его к каравану при условии, что он освободит пленников из его племени. Балдуин тотчас отправился из Акки на поиски каравана. Но случилось так, что люди Бану Хаубара перехватили часть каравана, но тем удалось спастись и добраться до поселения Бану-Рабия[1], где их удерживали несколько дней, но затем отпустили. Когда они прошли по перевалу Азиб, который находится в двух днях пути на лошади от Иерусалима, и вышли на вади, франки оказались прямо перед ними. Все, кто шел с караваном, бежали, а те, кто стал взбираться на склон холма, спасли свои жизни, но лишились собственности. Арабы пленили почти всех мужчин, а франки захватили грузы каравана. Тогда арабы стали преследовать тех, кому удалось бежать, захватывая их в плен. Балдуин заполучил более пятидесяти тысяч динар и триста пленных, после чего вернулся в Акку. Не было города (в Сирии), который не потерял бы своих купцов среди жертв этого каравана.

В этом году сын Такаша, сына султана Алп-Арслана и брат султана Малик-шаха Справедливого, прибыл в Химс, спасаясь от своего двоюродного брата, султана Гийас аль-Дунйа вал-Дин Мухаммада. Не имея возможности оставаться в Химсе или Хаме, он оправился в Алеппо, но, поскольку сын Фахр аль-Мулюк Рудвана, правителя Алеппо, являлся членом свиты султана, он побоялся оставаться там и продолжил свой путь к Танкреду, правителю Антиохии, надеясь на его защиту. Танкред принял его с почестями и обещал защитить его. Поэтому он остался у него, и тюрки, которые находились на службе у Танкреда, примкнули к нему. В 1-й день второго месяца джумаада (24 ноября) Танкред покинул Антиохию и отправился в провинцию Ког Базиля[2], недавно умершего предводителя армян, желая захватить его земли, но по дороге заболел и был вынужден вернуться в Антиохию, где его болезнь

Они были правящей династией арабов Та'и в Трансиорданской и Сирийской пустыне.

[2] *Kur Basīl*. Ког Базиль был правителем небольшого княжества в восточном Таурусе (1082—1112).

обострилась и он скончался в среду, 18-й[1] день второго месяца джумаада (11 сентября).

Его трон унаследовал сын его брата, сэр Роджер[2], завладевший Антиохией и ее провинциями и твердо обосновавшийся там после того, как священники урегулировали спор, по его поводу разгоревшийся среди франков. Он потребовал от князя Рудвана оговоренный выкуп за Алеппо, а именно: двадцать тысяч динар и определенное число лошадей, который Рудван и уплатил по его требованию. Он также потребовал выкуп за Шейзар, составлявший десять тысяч динар, и правители города тоже выполнили его требование.

Балдуин продолжил совершать нескончаемые набеги на район Аль-Батания, одну из провинций Дамаска, в результате которых дорога была блокирована, запасы продовольствия в городе сократились, а цены быстро росли. Атабек Захир аль-Дин непрерывно посылал письма эмиру Шараф аль-Дин Мавдуду, правителю Мосула, рассказывая о событиях в провинциях и прося его присоединиться к нему, чтобы совместными усилиями изгнать нечестивых врагов в ходе священной войны. В это время завистники опорочили Мавдуда перед султаном Гийас аль-Дунйа вал-Дином. С помощью различных гнусных обвинений им удалось внушить султану определенное подозрение и оттолкнуть его от Мавдуда. Например, было сказано, что он планирует восстание, что он и атабек действуют рука об руку, разделяют одни и те же взгляды и имеют одни и те же амбиции. Узнав об этом, Мавдуд послал своего сына и его жену ко двору султана в Исфахане, чтобы развеять его подозрения и оправдать собственное поведение, доказать несправедливость выдвинутых против него обвинений, отсутствие намерений, которые ему приписывали, доказать свою невиновность и восстановить благосклонность султана, поведав ему о том, что его действия основывались на том же преданном повиновении и честной службе, на преданности целям священной войны, которые он неоднократно доказывал султану. После этого он собрал аскар тюрок, курдов и всех, кого мог привлечь, отправился в Сирию и

---

[1] В тексте указано 8-е число.

[2] *Sīr Rajāl.*

переправился через Евфрат в месяце зу-л-каада этого года (19 апреля — 18 мая).

Когда новость об этом достигла короля Балдуина, он очень обеспокоился и занервничал. В это время Жослен, правитель Телль-Башира, поссорился со своим дядей по материнской линии, Балдуином Маленьким, правителем Аль-Рухи, и присоединился к Балдуину, правителю Иерусалима, который отдал ему Тиверию в качестве фьефа. Между ними было решено, что Жослену следует написать атабеку Захир аль-Дину письмо с предложением дружбы и уговорить его установить дружественные и мирные отношения, а также сдать ему крепость Таманин, в окрестностях крепости...[1] и Джабал-Амил и получить взамен крепость Хабис в Саваде вместе с половиной самого Савада, пообещав от лица Балдуина честно выполнять эти условия, хранить дружбу и прекратить набеги на любые провинции Дамаска, но при условии, что атабек, со своей стороны, не будет атаковать провинции франков.

Захир аль-Дин отверг эти предложения и вышел из Дамаска со своим аскаром, чтобы соединиться с эмиром Мавдудом для ведения священной войны. Они объединились у Мардж-Саламии[2] и, решив атаковать Балдуина, отправились дальше вместе. С атабеком был весь его аскар вместе с войсками из Химса, Хамы и Рафании. В праздник жертвоприношения (10-й день месяца зу-л-хиджа — 28 мая) они стали лагерем у Кадаса[3], а потом через Айн-аль-Джар, Бекаа и Вади-л-Тайм отправились в Банияс, откуда часть их армии проследовала в район Таманин, но не смогла выполнить свой план и вернулась.

В этот момент Балдуин вышел против них. Поняв, что из его попыток заключить мир с атабеком ничего не получится, он продолжил набеги и грабежи Сирии, пока армия султана не вошла на его собственную территорию. Атабек выказывал всяческие почести и уважение эмиру Мавдуду, одаривал одеждами, продуктами и лошадьми

---

[1] Возможно, это Тибнин, возле Банияса. В тексте слово пропущено.

[2] К северо-востоку от Хамы.

[3] Возле Химса; следует отличать от более известного Кадаса (Кадеш-Нафтали) у озера Хуле.

как его самого, так и командиров его аскара и членов его свиты. После этого они продолжили поход, получив приказ стать лагерем у Аль-Кухваны[1]. К Балдуину присоединился сэр Роджер, правитель Антиохии, и правитель Тарабулюса, и они вместе решили разбить лагерь к западу от моста Аль-Саннабра[2] и там переправиться через Аль-Кухвану, чтобы встретить мусульман.

Они уже разгрузили[3] свой багаж на другой стороне моста, втайне от мусульман, которые также не знали о том, что франки шли маршем параллельно их курсу к этому лагерю. Тюрки первыми (из мусульманских подразделений) стали лагерем у Аль-Кухваны, и несколько тюркских воинов перешли через мост в поисках корма для скота и зерна. Там они обнаружили, что франки уже поставили свои шатры, так как Балдуин отправился вперед, чтобы первым разбить лагерь, а правители Антиохии и Тарабулюса разбили лагерь вслед за ним.

Вслед за этим произошла схватка между командой фуражиров и франками. Послышались крики, воины схватили оружие и бросились через мост, думая, что это был Жослен, поскольку он являлся правителем Тиверии. Атабек занял позицию на мосту, и крупное подразделение войска поспешило перейти по нему на другой берег. Среди тех, кто переправился, были эмир Тамирак бен Арсланташ с сильным отделением своего аскара. Обе стороны вступили в сражение без какой-либо подготовки, не установив шатры, не разбив лагеря, и без предварительной перестрелки. Оба войска сошлись в рукопашной схватке, и Щедрый Аллах, хвала Ему, после трех атак даровал победу мусульманам. Со стороны франков в этом бою было убито примерно две тысячи человек из числа командиров и воинов, а мусульмане захватили все их шатры, которые те уже успели поставить, вместе со знаменитой церковью. Балдуину удалось спастись лишь после пленения и сдачи оружия. Животные и имущество пехотинцев были захвачены, но большое их число утонуло в озере. Его воды

Или Аль-Укхувана на берегах озера Тиверия.

Три мили от Тиверии по дороге на Дамаск.

В печатном тексте следует читать *ihtattu* вместо *ihtātu'alā* («они окружили»).

были настолько пропитаны кровью, что войска не пили ее несколько дней, пока вода не очистилась и снова не стала прозрачной. Те франки, которым удалось спастись, нашли убежище в Тиверии. Большинство из них были ранены. Эта битва произошла в субботу, второго месяца мухаррама 507 года (28 июня 1113 г.).

Когда все закончилось, подошли остальные франки, войска Танкреда и сына Сен-Жилля. Они обвинили Балдуина в поспешности, критиковали его план и разбили уцелевшие шатры перед Тиверией. Через день после этой битвы подразделение тюрков подошло к Тиверии и, встав перед франками в ее окрестностях, решило атаковать и уничтожить их. Франки испытывали страх перед ними и осознавали свою участь, однако тюрки, простояв на холме целый день, вернулись в свой лагерь. Тогда франки поднялись на холм и закрепились там, поскольку его было трудно атаковать. Холм находился к западу от Тиверии, и на нем не было воды. Мусульмане были полны решимости забраться на него и атаковать врага, и тогда атабек призвал арабов племен Та'и, Килаб и Хафайя, которые прибыли в большом количестве, с большими и маленькими бурдюками, наполненными водой, а также с верблюдами, нагруженными запасами воды. Взобравшись на холм с севера, разведчики выяснили, что на нем сражаться неудобно как конным, так и пешим воинам. И тогда мусульмане, видя все признаки и свидетельства своей победы, смятение сломленного и павшего духом противника и зная о том, что эскадроны ислама уже проникли в окрестности Иерусалима и Яффы, неся хаос и разрушения в эти территории, уводя животных и грабя все, что встречается на их пути, отложили планы штурма холма, и такая ситуация сохранялась до конца месяца сафара (середина августа).

После этих событий из Алеппо в качестве поддержки прибыла сотня воинов из аскара князя Фахр аль-Мулюк Рудвана, что свидетельствовало о некотором нарушении его намерений и обещаний. Атабек Захир аль-Дин и Шараф аль-Дин Мавдуд, рассердившись на то, что он не сде-

лал ничего большего, отказались от своего прежнего решения поддержать его и признать его своим верховным правителем[1]. Это произошло в 1-й день первого месяца раби 507 года (16 августа 1113 г.). Они отправили гонца к султану Гийас аль-Дунйа вал-Дину в Исфахан с хорошими вестями об этой победе, а также послали ему группу пленных франков, головы убитых, лошадей, щиты, шатры и оружие различного вида.

После того как их аскар ушел из лагеря в Вади-л-Мактул, франки спустились с холма в свой лагерь и заняли оборонительную позицию на возвышенности в лагере, куда провизия, довольствие и подкрепления направлялись со всех частей их территории. Тюркские воины из аскара, численностью чуть больше десяти полков, вернулись из своего лагеря без поклажи, чтобы вступить в схватку с врагом. В течение нескольких дней они ждали в надежде, что франки выйдут и сразятся с ними, но те не покидали своих укреплений и оставались на одном месте, конные и пешие, и ни один из них не вышел. Тогда тюрки начали их атаковать, обстреливая всех, кто приближался, отрезали пути для поставок довольствия и фуража, окружив их, словно обруч или ореол полной луны. Положение франков стало критическим, и они стали выходить из лагеря, проходя три мили за три дня. С наступлением ночи они ретировались на холм, который занимали ранее, чтобы найти на нем убежище и обороняться там. Мусульмане упорно преследовали их, стремясь захватить пленных и трофеи, которые ускользнули из их рук во время их продолжительного отсутствия, однако офицеры аскара не позволили воинам предпринять поспешные действия и атаковать франков в их лагере, пообещав им скорую возможность вступить с врагами в схватку. Когда же период ожидания затянулся, войска Мавдуда стали терять терпение, так как находились далеко от дома, возвращение куда все оттягивалось, а им так и не удалось достичь своей цели. Большое число воинов рассеялись и вернулись в свои собственные земли, другие же попросили разрешение вернуться и получи-

---

Дословно: «внести его имя в хутбу», в аллокуцию пятничной молитвы, в которой благословляется имя повелителя.

ли его. Сам Мавдуд решил остаться в Сирии, поближе к врагу, ожидая команду султана и его ответ на письмо, в котором он информировал султана обо всем, что произошло, и объяснял положение вещей, чтобы действовать в соответствии с его указаниями. В землях франков не осталось ни одного мусульманина, который бы не умолял атабека обеспечить его безопасность, гарантировать ему владение его собственностью[1], и часть доходов Наблуса была привезена ему. Пока франки оставались блокированными на холме, Байсан был разграблен, и между Аккой и Иерусалимом не осталось ни одного обработанного поместья. Затем было решено, что атабеку и Мавдуду следует отойти, и они вместе вернулись в Дамаск на 21-й день первого месяца раби 507 года (5 сентября 1113 г.). Мавдуд поселился в апартаментах Зеленого Майдана, а атабек выказывал ему высочайшее уважение и почести, всячески демонстрируя свое расположение, в результате чего их дружба и привязанность значительно окрепли.

Год 507 от хиджры

(18 июня 1113 г. — 6 июня 1114 г.).

Мы уже проследили всю последовательность событий 506 года до начала года 507, стремясь сохранить стройность нашего повествования без какого-либо перерыва.

В последнюю пятницу второго месяца раби 507 года (2 октября) эмир Мавдуд, как обычно, вышел из своего лагеря на лугу за пределами Железных ворот кафедральной мечети в компании с атабеком. Когда молитвы закончились и Мавдуд сделал еще несколько дополнительных поклонов, они вышли вместе, и атабек пошел впереди, демонстрируя этим свое уважение. Их обоих окружали дайламиты, тюрки, курасаниты, жандармы[2] и оруженосцы с оружием всех видов: клинками отличной закалки и острыми колющими мечами, различными рапирами и незачехленными трехгранными кинжалами. Они шли, слов-

---

[1] *Taqrīr hālihi.*

[2] Al-ahdāth.

но в середине густого леса из переплетенных клинков, а люди стояли вокруг и наблюдали за этой помпезностью и великолепием. Когда они вошли во двор мечети, из толпы выскочил человек и, не привлекая никакого внимания, подошел к эмиру Мавдуду, словно за тем, чтобы благословить его и попросить милостыню. Но неожиданно, схватив эмира за пояс его халата, он быстрым движением ударил его кинжалом пониже пупка. Один удар пришелся в бок, а другой — в бедро. Когда убийца наносил свой второй удар, со всех сторон на него обрушились удары сабель и другого оружия. Ему отрубили голову, чтобы узнать, кто это такой, но человек был никому не известен, и тогда стража разожгла костер и бросила туда его тело. Когда все это случилось, атабек сделал несколько шагов вперед, и его тут же окружили его офицеры, а Мавдуд, сохраняя присутствие духа, дошел до Северных ворот мечети и там рухнул на землю. Его отнесли в резиденцию атабека, который все время шел рядом с ним. Поначалу народ очень растерялся и заволновался, но потом успокоился, видя, что эмир идет сам и смерть, по всей видимости, его миновала. Спешно послали за хирургом, и тот зашил часть ран, но Мавдуд умер, да будет милостив к нему Аллах, несколькими часами позже, в тот же день. Атабека сильно опечалила такая его смерть, и он всячески демонстрировал свое глубокое горе, печаль и беспокойство. Те же чувства испытывали войска и горожане, печалясь об этой утрате, и по Мавдуду был объявлен общий траур. Его покрыли саваном и похоронили в час послеобеденной молитвы в тот же день в гробнице внутри Садовых ворот Дамаска, а из глаз свидетелей ручьями текли горькие слезы. Его соратники начали готовиться к возвращению в свои родные места и в Мосул, а атабек приказал выдать им все необходимое для путешествия. Они также захватили с собой багаж, драгоценности и казну покойного.

Поначалу его правление было тираническим[1], а отношение к жителями Мосула далеко не похвальным, поэтому большое количество людей покинуло провинцию из-за

---

[1] Следует читать *jā'irah*; в тексте написано *hā'irah* («нерешительный»).

его жестокостей. Но когда он узнал об изменении отношения султана к нему, он изменил и свое поведение, его действия стали правильными, он проявлял доброту и справедливость, и новое начало было прямым противоречием его прошлому. Он стал прилежно исполнять религиозные обряды, раздавал милостыню, следовал всем религиозным канонам, и тогда слава о его делах вышла за пределы границ его владений. Когда же он умер смертью благословенного мученика и был похоронен, за его гробницей ухаживали приближенные и чтецы Корана до конца месяца рамазана этого года (начало марта 1114 г.), после чего прибыла посланная его сыном и женой группа, чтобы увезти с собой его гроб.

Выше уже рассказывалось об атаке на Тир и переходе правления им к атабеку Захир аль-Дину, о посылке Масуда с целью организации гарнизона для обороны и защиты города, о направлении посланника к аль-Афдалу с объяснением положения в городе. Прибывший в Египет посланник оставался там до месяца зу-л-хиджа 506 года (закончился 17 января 1113 г.). Узнав о положении дел в Тире и осознавая тяжесть создавшейся ситуации, аль-Афдал отправил посланца назад с положительным ответом, согласился с такими планами, счел их вполне удовлетворительными, отметил мудрость Захир аль-Дина в принятии такого плана и похвалил его за это. Он отдал приказ направить в Тир флот с зерном, провизией, деньгами для оплаты рекрутов и регулярных войск, а также запасами зерна для продажи горожанам. По его приказу флот под командованием Шараф аль-Даула Бадр бен Абу л-Тайиб аль-Димашки, который был правителем Тарабулюса ранее, в то время, когда франки захватили город, прибыл в Тир в конце месяца сафара 507 года (первая половина августа 1113 г.) со всем необходимым, после чего цены в городе снизились, положение улучшилось, все дела наладились, и стремление франков обладать им было подавлено. Среди доставленного на кораблях груза были восхитительные почетные одежды из редких египетских тканей, предназначавшиеся Захир аль-Дину, его сыну Тадж аль-Мулюк Бури и его свите, а также Масуду, правителю, назначенному в качестве его представителя в

Тире. Флот оставался у Тира, пока не подул попутный ветер, нужный для его возвращения, и тогда корабли подняли якоря и ушли в течение последних десяти дней первого месяца раби этого года (5—14 сентября 1113 г.). Король Балдуин направил послание эмиру Масуду, правителю городу, желая установить с ним дружественные и мирные отношения, чтобы у обеих сторон не осталось поводов для беспокойства. Масуд согласился с этим предложением, и все их дела были улажены к взаимному удовлетворению. Дороги стали безопасными для путешественников, торговцев и деловых людей, приходящих со всех сторон. Масуд скончался (да будет милостив к нему Аллах) на 10-й день месяца шаввала 507 года (20 марта 1114 г.)[1].

Когда правитель Антиохии отделился со своей армией от короля Балдуина, чтобы вернуться в свой город, сын короля Такаша, сына султана Алп-Арслана, покинул его и отправился в Тир, откуда послал письмо атабеку Захир аль-Дину с просьбой разрешить ему вернуться в Дамаск. Атабек весьма деликатно отказал ему в этой просьбе, вежливо извинился и привел убедительные аргументы. Отчаявшись получить у него убежище, он отправился в Египет, где аль-Афдал принял его с большими почестями и глубоким уважением, чему тот весьма обрадовался, и положил ему доход, достаточный для того, чтобы обеспечить комфортное существование и реализацию его надежд.

Во втором месяце джумаада пришли новости из Алеппо о том, что его князь Фахр аль-Мулюк Рудван, правитель города, серьезно заболел, его болезнь обострилась, и он умер, да будет милостив к нему Аллах, на 28-й день этого месяца (10 декабря 1113 г.). После его кончины Алеппо охватило всеобщее смятение, а его офицеры горевали о такой утрате. Рассказывали, что он оставил в своей казне примерно шестьсот тысяч динар в золотых и серебряных монетах, движимой собственности, оружии

---

[1] Здесь произошла какая-то ошибка, т. к. о Масуде упоминается в 516 г. (см. с. 118) как все еще о правителе Тира.

и кораблях. После него трон занял его сын Алп-Арслан, которому исполнилось шестнадцать лет. Он заикался, и у него были трудности с речью. Его мать приходилась дочерью эмиру Яги-Сияну, (в прошлом) правителю Антиохии. Алп-Арслан арестовал нескольких придворных отца, некоторых из них казнил и захватил собственность других. Вместе с ним все дела вел вольноотпущенник его отца Лулу, и оба они правили плохо. Он также арестовал двоих своих братьев, кровного брата Малик-шаха и полукровку Мубарака, сына его отца и рабыни, и казнил их обоих. Его отец, аль-Малик Рудван, в начале своего правления вел себя аналогичным образом и казнил двоих своих братьев, Тадж аль-Даула Абу Талиба и Бахрам-шаха, которые были внешне весьма красивыми людьми. Поэтому участь его сыновей после его смерти стала расплатой за то, что он сам совершил со своими братьями.

К этому времени батиния укрепилась в Алеппо, и власть секты стала значительной. Ибн Бади, глава охраны в Алеппо, и знатные горожане стали бояться их из-за большой численности, силы организации, а также защиты, которую они предоставляли нуждавшимся в ней членам своей секты. Аль-Хаким аль-Мунаджим и Аба Тахир, золотых дел мастер, были первыми, кто стал открыто проповедовать эту отвратительную доктрину в Сирии во времена правления князя Рудвана. Обманом и интригами они старались добиться его благосклонности, и их поддерживало большое войско исмаилитов из Сармина, Джавра, Джабал-аль-Суммака и Бану-Улайма. Ибн Бади, префект Алеппо, обсудил эту проблему с князем Алп-Арсланом, сыном Рудвана, рассказал ему об этом движении, и они приняли решение предпринять против него строгие меры и искоренить секту. Во исполнение этого решения он арестовал Абу Тахира, золотых дел мастера, и всех приверженцев его секты, примерно двести душ. Абу Тахира, золотых дел мастера, незамедлительно казнили вместе с миссионером Измаилом, братом аль-Хакима — аль-Мунаджимом и другими лидерами их движения, на которых было указано. Остальных заключили в тюрьму и конфисковали их собственность. Некоторых

впоследствии помиловали, некоторых освободили, некоторых сбросили со стены крепости, а других казнили. Нескольким членам секты удалось бежать, и они присоединились к франкам и разбрелись по всей стране.

Тогда князь Алп-Арслан почувствовал необходимость найти кого-то, кто бы занялся его делами и компенсировал его недостатки, его выбор пал на атабека Захир аль-Дина, правителя Дамаска. По этому поводу он отписал ему, попросил у него совета и положился на него в упорядочении своих дел. Поначалу он просил его приехать в Алеппо, чтобы контролировать его правление, однако ход событий заставил его самого отправиться со свитой к атабеку Дамаска, чтобы встретиться с ним и решить все общие вопросы. Он прибыл в город в середине месяца рамазана этого года, и атабек принял его с почестями, положенными человеку его ранга, пригласил в цитадель Дамаска и посадил на трон своего дяди Шамс аль-Мулюк Дукака, сына Тадж аль-Даулы, а сам в это время стоял со своими придворными рядом. Он также преподнес ему всевозможные дары и драгоценности, подобающие его рангу и какие мог себе позволить, а также одарил всех, кто прибыл вместе с ним. Алп-Арслан оставался у него несколько дней, а затем отправился назад в Алеппо в 1-й день месяца шаввала (11 марта) вместе с атабеком Захир аль-Дином, который сопровождал его по пути в город, и оставался там несколько дней с большей частью своего аскара. Некоторые сподвижники Алп-Арслана советовали ему арестовать ряд его главных офицеров, а также его визиря Абу-л-Фадл бен аль-Мавсула, который правил справедливо, был известен своими благими делами и сторонился зла. Он выполнил этот совет, однако атабек Захир аль-Дин взял из их числа к себе на службу эмира Гумуштегина аль-Балабекки, командира его аскара. Алп-Арслан отверг мудрый совет и похвальное намерение атабека, и тогда последний сам убедился в неправедном и безрассудном поведении Алп-Арслана и понял всю порочность его правления. А поскольку дела складывались вопреки его ожиданиям[1], он решил, что

---

[1] Или, может быть, «препятствовали достижению его цели» (*ikhtilāf at-taqdīr*).

ему лучше вернуться в Дамаск. На обратном пути по ее собственному желанию его сопровождала мать князя Рудвана. После возвращения в Дамаск он обменялся письмами с Балдуином, королем франков, с целью заключения перемирия и установления мирных и дружественных отношений для того, чтобы разоренные провинции снова могли заняться возделыванием земли, а дороги освободились от лихих людей и грабителей. Между ними было заключено соглашение, и каждый поклялся добросовестно соблюдать его условия и жить в мире и дружбе. Таким образом, дороги и провинции стали безопасными, положение стабилизировалось, и урожай был обильным.

В этом году пришли новости из Шейзара о том, что в день христианской Пасхи отряд батинии в сотню пеших воинов из Афамии, Сармина, Маарата-аль-Нумана и Маарата-Масрина напал на крепость Шейзар, когда ее гарнизон того не ожидал, захватил ее, снес много укреплений, закрыл ворота крепости, штурмовал цитадель и завладел ею и ее башнями. В это время Бану Мункид, правитель Шейзара, отсутствовал, наблюдая за праздником христиан. Это нападение готовилось уже давно, но Бану Мункид весьма благосклонно относился к людям, лелеявшим такие ошибочные и злобные замыслы.

При их появлении жители Шейзара поспешили спрятаться во внешней башне[1] и из окон (цитадели) поднимали женщин на веревках, чтобы те были в безопасности под их опекой[2]. Там к ним присоединился Бану Мункид, правитель крепости, который поднялся к ним и с криком «Аллах акбар!» вступил в бой с батинитами. Нападавших оттеснили назад в цитадель, батиниты дрогнули сердцем и стали отступать, а жители Шейзара атаковали их все большим числом, пока не зарубили всех до одного. Все сектанты, которые попадались им на глаза в городе, были убиты, после чего был налажен строгий надзор за тем, чтобы такое больше не повторилось.

Al-bāshūra, т. е. барбакан.

В тексте: *sāru ma'ahum*, однако мужской род мн. числа глагола часто употребляется вместо женского (например, у Усамы).

Год 508 от хиджры

(7 июня 1114 г. — 26 мая 1115 г.)

В этом году пришло сообщение из Алеппо, что Баба[1], известный как Лулу, вольноотпущенник[2] атабека князя Тадж аль-Даула Алп-Арслана, сына царя Рудвана, правителя Алеппо, замыслил заговор против него, договорившись с несколькими своими товарищами напасть и убить его при первой удобной возможности. Когда такой шанс представился, они набросились на князя и убили его во дворце в цитадели Алеппо. После его смерти воцарилось всеобщее смятение, так как его правление, как его собственными делами, так и армией и подданными, было настолько жестоким, неправедным и лишенным каких-либо надежд, что окружающие проводили его в последний путь без грусти и сожаления.

В этом году также произошло сильное землетрясение в Сирии. Земля сотрясалась, и люди пребывали в страхе, но толчки прекратились, трепет и тревога в душах людей улеглись, а в их сердцах воцарилось спокойствие.

В этом году также эмир Наджм аль-Дин иль-Гази бен Ортук стал лагерем возле Химса, правителем которого был Кир-Кан бен Караджа. Когда Наджм аль-Дин пил вино и оно брало над ним верх, он обычно оставался в таком состоянии несколько дней, не приходя в чувства, и не мог контролировать себя и принимать какие-либо решения. Когда Кир-Кан, знавший о такой его отвратительной привычке и беспримерной потере сознания, услышав, что он находится в таком состоянии, воспользовался случаем, вышел из цитадели Химса со своими воинами, неожиданно атаковал его лагерь, захватил его и увел в Химс. Это произошло в месяце шаабан этого года (январь 1115 г.). Когда весть об этом дошла до атабека Захир аль-Дина, он рассердился и написал Кир-Кану, упрекал его и выражал свое неудовольствие тем, что произошло с иль-Гази. Тогда Кир-Кан изменил свое отноше-

---

[1] Термин, употребляемый турецкими правителями в отношении их наставников или хранителей.

[2] Или евнух.

ние к нему и, продержав иль-Гази несколько дней в заточении, отпустил на все четыре стороны[1].

В этот год силы франков в Рафании увеличились, и, максимально укрепив город и разместив в нем гарнизон, они вышли грабить и разорять все вокруг с особой жестокостью. Тогда Захир аль-Дин стал собирать данные об их состоянии и деятельности в их провинциях, выжидая возможность напасть на них, когда они, по его сведениям, не будут того ждать. Он приказал старшим офицерам и командирам своего аскара подготовиться и быть готовыми отправиться в нужном направлении во имя священной войны, чтобы решить важную задачу. После этого он совершил рейд на Рафанию и застал гарнизон города врасплох, спокойно отдыхавшим в своих помещениях и не подозревавшим, что беда уже окружила их со всех сторон. Тюрки провели атаку, ворвались в город и захватили его. Все его жители попали в плен, испытали издевательства и насилие, одни были убиты, а другие угнаны в рабство. Количество трофеев в захваченном обозе, животных и другого добра радовало сердца и грело руки мусульман и поднимало их дух. Это произошло в четверг, 2-й день второго месяца джумаада этого года (22 октября 1115 г.). Мусульмане вернулись в Дамаск радостными победителями, обремененные тяжелыми трофеями, не потеряв ни одного человека. Они привезли с собой головы убитых, пригнали пленных и провели их процессией через весь город, усилив тем самым радость созерцавшего все это народа, а дух армии укрепился для ведения священной войны и совершения рейдов (на неверных).

Когда слава о том, что Аллах даровал атабеку Захир аль-Дину за его решительность и отвагу в борьбе против презренных франков победу над ними и возможность уничтожить их, защищая народы Сирии, изгоняя их врагов и справедливо правя ими, распространилась за границы территории и дошла до районов Ирака и двора

В тексте краткий рассказ о смерти Балдуина ошибочно вставлен после этого абзаца и поэтому приводится в нужном месте ниже (с. 113).

султана, люди стали славить имя атабека на городских собраниях и превозносить его в разговорах с приезжими купцами. Это вызвало зависть у ряда высоких офицеров при дворе султана Гийас аль-Дунйа вал-Дина, и они постарались опорочить его перед султаном, пытаясь умалить его достоинства, оклеветать его и нанести ему вред. Вера султана в атабека пошатнулась, и эта весть широко разнеслась вокруг. Захир аль-Дин узнал об этом из писем друзей, желавших ему добра и заботившихся о его благополучии, и очень обеспокоился. По этой причине он стал готовить свой визит ко двору халифа аль-Мустазхира и ко двору султана Гийас аль-Дунйа вал-Дина в Багдад, «Город мира», чтобы получить официальное признание их покровительства[1], выказать им свое уважение, заручиться их благосклонностью, поведать им о настоящем положении дел и своим визитом развеять впечатление, которое создалось в умах людей...[2] Его предостерегали и советовали отказаться от этого визита, убеждали пересмотреть этот вопрос, но он оставил все это без внимания и не отвечал ни на какие вопросы. Атабек готовился к своему визиту с большой энергией и тщательностью, подбирал соответствующие такому особому случаю подарки, такие как хрустальные блюда, драгоценности, различные египетские раритеты, резвых арабских скакунов, достойных этих сиятельных особ.

Захир аль-Дин отправился в путь со своими приближенными офицерами и стражей, в чьей преданности был убежден, в воскресенье, 24-й день месяца зу-л-каада этого года (9 апреля 1116 г.). Когда он подошел к Багдаду и новость об этом распространилась вокруг, его встретили несколько местных высших представителей духовенства из окружения халифа и придворные султана, вместе с государственными деятелями и знатными людьми города, которые выказали ему высочайшие почести и уважение. Теплота этой встречи порадовала его друзей[3] и сломи-

---

Следует читать *littawallī ma'ahum*.

В тексте: *ka' annahu*. Возможно, это следует читать как *limakānihi* «благодаря его положению».

[3] Из текста не ясно; рассказ выше основывается на прочтении *ma* как *wama*.

ла силы ненавистников и врагов. Он объяснил причину своего визита и выслушал в ответ только извинения, похвалы его действиям, после чего он успокоился и расслабился. Когда атабек собрался вернуться в Дамаск и получил на то разрешение, ему преподнесли богатые одежды и прекрасные дары, а султан вручил грамоту на военное и финансовое правление Сирией, а также свободу распоряжаться всеми доходами страны по своему усмотрению[1]. Уладив все свои дела, Захир аль-Дин отправился в Дамаск, цел и невредим, со своим окружением, возвысив свою власть и честь, и вошел в город во вторник, 12-й день первого месяца раби (25 июля 1116 г.).

Год 510 от хиджры

(16 мая 1116 г. — 4 мая 1117 г.)

В этом году сообщалось о том, что Бертрам[2], сын Сен-Жилля, правителя Тарабулюса, собрал свои силы и с большой решительностью направился к Бекаа, чтобы там все разграбить и разрушить.

В это время исфахсаллар Сайф аль-Дин аль-Бурзуки, правитель Мосула[3], прибыл в Дамаск с частью своего аскара, чтобы помочь атабеку Захир аль-Дину в борьбе против франков, совершать совместно с ним экспедиции против них, и атабек принял его с большими почестями и уважением, соответствующими его положению. Так случилось, что в этот момент поступило сообщение о приближении франков к Бекаа, и они договорились выступить против них вместе. Проведя изнурительный марш-бросок, не останавливаясь ни днем ни ночью, они успешно атаковали франков, когда те, ничего не подозревая, отдыхали в своем лагере. Аскар напал на них, когда франки еще не успели сесть на лошадей и схватить свое оружие, и тогда Аллах даровал мусульманам победу

Полный текст этой грамоты приводится здесь автором.

Ошибка, следует читать Понс, сын Бертрама.

Ак-Сонкор аль-Бурзуки, правитель Багдада с 498 г. (1105). Мосул был добавлен к его владениям в 507 г. (1113) после смерти Мавдуда.

над ними. Они прошлись саблей по врагу, рубили, брали в плен и грабили. Пехотинцы, которых франки в большом количестве набрали в своих провинциях, были полностью истреблены. Пленив главных рыцарей, командиров и основных воинов, мусульмане предали остальных смерти. Никому не удалось спастись, кроме их предводителя, Бертрама, сына Сен-Жилля, командира по имени Констабль[1] и небольшой группы воинов, чему способствовали их быстроногие лошади и благосклонность судьбы.

Тюрки захватили большое количество имущества, лошадей, тягловых животных и багажа. По оценке экспертов, потери франков в этой битве составляли три тысячи душ из числа всадников, младших командиров[2], пеших воинов, а также кавалерии и пехоты[3] христиан. Атабек Захир аль-Дин и Сайф аль-Дин Ак-Сонкор аль-Бурзуки вернулись со своим аскаром в Дамаск, радуясь славной победе, богатым трофеям и всеобщему восхищению, не потеряв ни одного человека из своих аскаров и избежав всех несчастий. Когда они прибыли в город с пленниками и головами убитых врагов, население вышло из города, чтобы встретить их и насладиться зрелищем, воздавая при этом хвалы Аллаху, милостиво даровавшему им силы одержать такую знаменательную победу. Ак-Сонкор аль-Бурзуки пробыл в Дамаске несколько дней, а затем вернулся в свой город. Между ним и Захир аль-Дином установилась прочная дружба и привязанность, и они договорились поддерживать друг друга в священной войне, когда настанет случай или случится беда.

В этом году также пришло сообщение из Алеппо, что Лулу, вольноотпущенник, захвативший власть в городе, организовал покушение на сына своего хозяина, князя Алп-Арслана бен Рудвана, который был убит в месяце зул-хиджа (апрель) в результате заговора, подготовленного офицерами бывшего князя.

Kund Istabi.

По-арабски *sarjundīya*, что похоже на персо-арабское подразделение («передовые войска»); сравните у Усамы (ред. Хитти, 67, 6—7).

[3] То есть восточные христиане (армяне и т. д.), в отличие от франков.

Год 511 от хиджры

(5 мая 1117 г. — 23 апреля 1118 г.)

В этом году из Ирака сообщалось о кончине султана Гийас аль-Дунйа вал-Дин Мухаммада, сына Малик-шаха (да будет милостив к нему Аллах), в Исфахане, в результате болезни, которая преследовала его вплоть до смерти. Это случилось на 11-й день месяца зу-л-хиджа этого года (5 апреля 1118 г.). На троне султаната его сменил сын Махмуд, власть которого была должным образом установлена и признана.

В этом году также сообщалось из Алеппо, что вольноотпущенник исфахсаллар Ярукташ, главный военачальник Алеппо, заключил мир с франками и сдал им крепость Аль-Кубба. Сообщалось также, что эмир Ак-Сонкор аль-Бурзуки вышел из Аль-Рахбы со своим аскаром и отправился к Алеппо с целью захватить город. Однако его надеждам не суждено было сбыться, и он снял осаду и вернулся в Мосул. Сообщалось также, что вышеназванный исфахсаллар Ярукташ был изгнан из цитадели Алеппо, и главным военачальником и распорядителем финансов там стал эмир Абу л-Маали аль-Мухассин бен аль-Малхами, армейский инспектор из Дамаска, который теперь вершил все дела и правил этими территориями.

В середине месяца мухаррам этого года (примерно 20 мая) франки атаковали пригороды Хамы в ночь затмения луны и убили примерно сто двадцать жителей.

Пришла новость о кончине герцога Антиохии.

В месяце мухаррам этого года эмир Наджм аль-Дин иль-Гази, сын Ортука, пришел со своим аскаром в Алеппо и вершил там все дела в течение месяца сафара (4 июня — 2 июля). Потом его планы изменились, он покинул город, но оставил там вместо себя своего сына Хусам аль-Дин Тимурташа.

В этом же году пришло сообщение из Константинополя о кончине Алексея, короля греков[1]. На троне его сменил его сын Иоанн, правление которого было признано, и он продолжил дело своего отца.

---

[1] *Mutamallik al-Rum Alikzāikas*, см. с. 81.

В этом году также сообщалось о смерти Балдуина, короля франков и правителя Иерусалима, по причине болезни. Это произошло в месяце зу-л-хиджа (26 марта — 23 апреля 1118 г.). Его трон занял король граф...[1]

Год 512 от хиджры

(24 апреля 1118 г. — 13 апреля 1119 г.)

В этом году появилось множество сообщений и слухов о том, что франки намереваются захватывать города и крепости, неся им разорение и опустошение, в ответ на непрекращающиеся набеги мусульман на них и продолжение священной войны. Говорилось, что они активно готовятся к этому, и Захир аль-Дин направил письма командирам районов и высокопоставленным лицам, призывая их оказывать помощь друг другу перед лицом нависшей опасности и поддерживать общее дело. Сообщалось, что эмир Наджм аль-Дин иль-Гази отправился со своим аскаром в Дамаск, чтобы присоединиться к атабеку Захир аль-Дину и согласовать с ним дальнейшие действия и необходимые меры. Перед тем как отправиться в путь, он направил письма туркменским племенам с предложением выполнить их обещания и присоединиться к священной войне, призывая их совместными усилиями собирать войска. Эмир прибыл в Дамаск со своей свитой и приближенными офицерами, встретился с атабеком, и они договорились приложить все силы и использовать все возможности для ведения войны с неверными, чтобы оттеснить их, пока те не успели нанести ущерб их крепостям и городам. Между ними было решено, что для достижения этой цели эмир Наджм аль-Дин иль-Гази бен Ортук отправится к Мардину[2], чтобы собрать туркмен в своих провинциях, и направит их на уничтожение группировок[3] неверных и заблудших. Желательно при этом, чтобы Захир аль-Дин пошел вместе с ним

Kundahrī или *Kundahū*.

Это написание основано на предполагаемом изменении текста (который в данном виде вряд ли корректен). Следует читать *'an yastra* после *'ala* и *'ila* вместо *walt*.

[3] Следует читать *ahẓāb* вместо *ikhrāb*.

для укрепления их сил и скорейшего достижения цели. Они вышли вместе в первые десять дней месяца рамазана 512 года (16—25 декабря), и Захир аль-Дин покинул его и вернулся назад в месяце сафар 513 года (14 мая — 11 июня 1119 г.) после того, как они заручились обещанием туркменских племен уладить все дела и быть готовыми с непобедимым духом отправиться в Сирию как многочисленное войско, чтобы объединиться во имя веры и искоренения упрямых неверных. Захир аль-Дин оставался в Дамаске, пока не подошел оговоренный день встречи, и тогда он отправился в Алеппо в 1-й день первого месяца раби 513 года (12 июня 1119 г.).

Год 513 от хиджры

(14 апреля 1119 г. — 1 апреля 1120 г.)

Когда атабек Захир аль-Дин прибыл в Алеппо, чтобы по истечении оговоренного периода и в соответствии с согласованным между ними планом соединиться силами с Наджм аль-Дином, он нашел, что туркмены уже собрались там со всех сторон[1] и направлений в большом количестве и демонстрировали свою силу, словно львы в поисках добычи или кречеты, кружащие над своей жертвой. До них дошла новость, что Роджер[2], правитель Антиохии, вышел из своего города с армией, которую он собрал из подразделений пеших воинов-франков и армян со всех их провинций и районов, и их численность превосходит двадцать тысяч пеших и конных воинов, помимо лагерной команды, — действительно огромная армия, полностью оснащенная и хорошо вооруженная, и что они стали лагерем в месте известном как Шармада[3], другие же говорили, что в Данит-аль-Бакал, между Антиохией и Алеппо...

Когда мусульмане узнали об этом, они полетели туда, словно на крыльях, как орлы, защищающие свои гнезда,

---

[1] Дословно: «ущелий».

[2] *Rujīr.*

[3] 38 км на запад от Алеппо. См. об этой битве у Дуссауда. *Topographie... de la Syrie*, 220—221.

и не успели моргнуть глазом, как обе стороны сошлись в битве. Мусульмане набросились на врагов, окружили их со всех сторон и стали осыпать ударами сабель и тучами стрел. В борьбе против этого нечестивого сброда Аллах Всевышний, которому мы возносим молитвы, даровал победу сторонникам ислама еще до рассвета 7-го (17-го) дня, в субботу первого месяца раби 513 года (28 июня 1119 г.). Франки оказались поверженными наземь в одной куче, конные и пешие, со своими лошадьми и оружием, и ни один из них не спасся, чтобы позже рассказать об этом. Их предводителя нашли распростертого на земле среди мертвых. Некоторые свидетели этой битвы рассказывали, что они обошли вокруг места схватки в поисках славного знака, оставленного Всемогущим Аллахом, и увидели несколько лошадей, которые лежали на земле утыканные стрелами, напоминая ежей. Это была одна из величайших побед, и за все прошлые века никогда больше исламу не оказывалась такая божественная помощь. Потеряв своих верных воинов, Антиохия осталась беззащитной — добыча для нападающего и возможность для ищущего.

Однако возможность взятия города была утеряна из-за неучастия атабека Захир аль-Дина в битве, так как по предрасположению свыше туркмены поспешили вперед и напали на франков без какой-либо подготовки, стремясь захватить побольше трофеев, и теперь их руки были наполнены, дух укрепился, а сердца ликовали. «И вот — это разрушенные дома их», «Хвала Аллаху, Господу (обитателей) Миров»[1]. После этой победы Захир аль-Дин вернулся в Дамаск и вошел в город в субботу, предпоследний день первого месяца джумаада 513 года (6 сентября 1119 г.).

В этом году также странники из Иерусалима рассказали о находке гробниц пророков аль-Халиля (Авраама) и его двух сыновей Исаака и Якова, да упокоятся они с миром, благослови их Аллах. По рассказам, они все находились в пещере на земле Иерусалима, словно живые, их тела нетленны, кости не сгнили, а над ними в пещере

[1] Коран, 27, 53 и I, I.

висели лампы из золота и серебра. После этого могилы были восстановлены в их прежнем виде. Именно такая история была поведана, но Аллаху лучше известно, где правда, чем кому-то другому.

Год 514 от хиджры

(2 апреля 1120 г. — 21 марта 1121 г.)

В этот год пришло сообщение из Алеппо о том, что эмир Наджм аль-Дин иль-Гази, сын Ортука, отменил подати, взимавшиеся с горожан, вместе с пошлинами на натуральные продукты и другими налогами, а также все притесняющие людей нововведения и сомнительные поборы, введенные злодеями. Это его деяние было встречено с благодарностью, пониманием и благословением. Рассказывали, что сильнейший град обрушился на Мардин, необычной силы и в невиданном количестве, убивая животных и уничтожая посевы и деревья. В этом году также Наджм аль-Дин разрушил крепость Зарадна, а эмир Балак, сын Ортука, одержал победу над Гаврасом[1] Греком у крепости Сирман на земле Арзинджан, убив около пяти тысяч греков и пленив их командира Гавраса.

В этом же году сообщалось о прибытии герцога, короля франков, с множеством кораблей. Он завладел большинством крепостей.

В этом году между Наджм аль-Дином иль-Гази, сыном Ортука, правителем Алеппо, и франками был заключен мир. Было решено поддерживать мирные и дружественные отношения, и ни одна из сторон не будет наносить ущерба другой.

Сообщалось, что Жослен совершил набег на арабов и туркмен, проживающих в Сиффине, захватил некоторых из них и большое количество скота на берегу Евфрата, а на обратном пути разрушил крепость Бузаа[2].

Afras или *Ghafras*, т. е. Теодор Гаврас, глава Трабзона, которого правящий князь Арзинджана (из клана Мангучака) просил оказать помощь в борьбе против Ортукидов.

[2] Между Хамой и Алеппо.

Год 515 от хиджры

(22 марта 1121 г. — 11 марта 1122 г.)

В этом году сообщалось об убийстве аль-Афдала, сына эмира аль-Джуюши, властителя Египта (да будет милостив к нему Аллах), на второй день праздника разговения (13 или 14 декабря) в результате заговора, организованного против него ждавшими подходящей возможности... Считалось, что за это убийство несут ответственность батиниты, но это не так. Напротив, это пустое предположение и беспочвенная клевета. Реальная причина, с которой соглашаются все надежные и неоспоримые рассказчики, это разногласия между ним и его правителем (Фатимидом), халифом аль-Амир Биахкамиллахом, возникшие из-за давления на него со стороны аль-Афдала, который препятствовал осуществлению его планов, и антипатии, проявленной к нему в нескольких случаях... Когда он был убит, аль-Амир открыто выразил нескрываемое удовольствие перед всеми придворными и высокопоставленными лицами в Мисре и Каире.

Говорят, что убийство произошло в Мисре на середине моста перед аль-Сувайкатаном[1] в воскресенье, последний день месяца рамазана 515 года (11 декабря 1121 г.). В то время ему было пятьдесят семь лет. Он родился в Акке в 458 году (1066) и был твердым последователем доктрины сунна, человеком праведного поведения, поборником справедливости по отношению к войскам и городскому населению, рассудительным в советах и планах, амбициозным и решительным, обладал обширными знаниями и утонченным тактом, был добрым по натуре, аккуратным в делах, обладал чувством справедливости, которое хранило его от неправедных поступков и заставляло отказываться от всех тиранических методов. У всех людей на глазах были слезы, а сердца наполнились печалью по нему. После него таких людей уже не было, и после его кончины правление стало позорным.

---

[1] Дословно: «два маленьких рынка».

В этом году также сообщалось о появлении грузин из Дурубы[1] и их нападении на территории князя Тогрыла. Последний попросил помощи у эмира Наджм аль-Дина иль-Гази, сына Ортука, правителя Алеппо, а также у туркмен и эмира Дубайс бен Садак бен Мазияда. Они откликнулись на его просьбу и вышли к нему на помощь с большим войском. Армия грузин в панике бежала, а мусульмане преследовали их и осадили в Дурубе, но тут грузины атаковали мусульман, обратили их в бегство и убили многих. После этого они пошли на город Тифлис, с боем взяли его и казнили его жителей.

Год 516 от хиджры

(12 марта 1122 г. — 28 февраля 1123 г.)

Говорили, что эмир Наджм аль-Дин бен Ортук вышел из Алеппо со своим аскаром и, переправившись через Евфрат, встретил франков, но те не вступили с ним в бой, и тогда, разорив все, до чего дошли его руки на их территориях, он вернулся в Аль-Фунайдик в окрестностях Алеппо.

В этом году также египетский флот прибыл в Тир с моряками и подразделением войск. Командующий обманул эмира Сайф аль-Даула Масуда, который был назначен правителем Тира эмиром атабеком Захир аль-Дином, и, когда Масуд вышел приветствовать командующего флотом, его пригласили подняться на борт и арестовали, как только он ступил на борт корабля командующего. Таким образом, заговор был успешно осуществлен, и город оказался в руках заговорщиков. Когда флот, подняв паруса, вместе с Масудом достиг Египта, его встретили с почестями, предоставили дом и все, что было необходимо.

Причиной такой военной хитрости стали постоянные жалобы населения Тира к аль-Амиру и аль-Афдалу на увечья, которые Масуд причинял гражданскому населе-

---

[1] То есть Пилес, перевалы к западу от Дербента. Тогрыл бен Мухаммад, впоследствии сельджукский султан Аль-Ирака, был правителем Казвина, Гилана и северо-западных границ (сравните у Бундари, с. 134).

нию города, на его неуважение к их обычаям и противостояние им. Поэтому считалось необходимым принять против него определенные меры и прекратить такое несправедливое правление. Однако в результате его неправедного правления и того, что он покинул город, тот оказался в руках франков.

В этом году также пришло сообщение о том, что эмир Нур аль-Даула Балак, сын Ортука, вышел со своим аскаром в месяце раджаб (5 сентября — 4 октября) в поход против франков, подошел к Аль-Рухе, вступил с последними в бой и победил их у Серуджа, захватив в плен их командира Жослена вместе с Галераном[1], сыном его тети по материнской линии, и рядом их предводителей.

Сообщалось также о смерти эмира Наджм аль-Дина иль-Гази, сына Ортука, от болезни, которая навалилась на него, когда он останавливался в деревне под названием Фухул в Диярбакыре, владении Майафарикина, в 6-й день месяца рамазана (8 ноября) этого года. После его смерти трон унаследовали его сын Шамс аль-Даула Сулейман и брат последнего, Тимурташ, который стал править Мардином. Они оставались во власти некоторое время, пока между ними не возникла ссора, в которой они оба оставались непреклонны.

Год 517 от хиджры

(1 марта 1123 г. — 18 февраля 1124 г.)

Из Алеппо пришла новость о том, что между эмиром Бадр аль-Даулой, сыном Абд аль-Джаббар бен Ортука, правителем Алеппо, и франками заключен мир на условии сдачи крепости Атариб франкам. Крепость была сдана, и они завладели ею. На этих условиях поддерживались мирные отношения, провинции богатели с обеих сторон, и дороги между их территориями стали безопасными для путешественников. Это произошло в месяце сафар (апрель) этого года.

В этом же году пришла новость о походе Балдуина, короля франков, с его армией на 9-й день месяца сафара

[1] *Kalyān.*

(8 апреля) в провинцию Алеппо с целью атаковать эмира Балак бен Ортука, который осадил крепость Каркар[1]. Балак выступил ему навстречу, и обе армии сошлись у Манзара. Балдуин потерпел поражение и был захвачен в плен Балаком вместе с несколькими своими главными рыцарями. Балак заключил их в темницу в замке Хартбарт (Харпут) вместе с Жосленом и другими предводителями франков.

В конце месяца сафар (конец апреля) аскар под предводительством атабека Захир аль-Дина атаковал пригород Химса, разграбил и сжег его, вместе с несколькими домами города. Но когда Туган Арслан, сын Хусам аль-Даулы, пришел в Химс на помощь его правителю Кир-Кану, Захир аль-Дин отступил и вернулся в Дамаск.

Из Алеппо пришло сообщение о том, что эмир Балак бен Ортук атаковал город в первом месяце раби этого года (май), сжег урожай, осадил город и, наконец, захватил его, когда Бадр аль-Даула, сын его дяди, Абд аль-Джаббар бен Ортука, капитулировал перед ним во вторник, 1-й день первого месяца джумаада (26 июня). Он уже захватил город Харран в первом месяце раби.

В этом году также сообщалось о нападении на Египет многочисленного войска Лювата (берберы) из западных районов. Они грабили его провинции, и аль-Маамун Абу Абдалла, сын аль-Батаихи, наследник почившего аль-Афдала, сына эмира аль-Джуюши, выступил против них с египетской армией под командованием Имама аль-Амира,

---

? Каркар на правом берегу Оронта, чуть севернее Афамии (Дуссауд, *Topographie*, с. 242).

[2] Приведенное генеалогическое древо поможет понять родство Ортукидов.

сына аль-Мустали. Встретившись с врагами, он нанес им сокрушительное поражение, убив и пленив многих, и наложил на них ежегодную дань установленного размера. После этого они вернулись в свои места, и аль-Маамун победоносно вернулся в Миср с огромными трофеями, радуясь своему большому успеху. Сообщалось также, что египетский флот встретился в море с венецианским флотом. В результате сражения победа осталась за венецианским флотом, который захватил несколько вражеских галер.

В первые десять дней первого месяца раби этого года (28 апреля — 8 мая) эмир Балак бен Ортук захватил крепость Аль-Бары и пленил ее епископа.

В этом же году пришло сообщение из Хартбарта, что король Балдуин Маленький и Жослен, предводители франков, вместе с другими пленниками эмира Балака, томившимися в крепости Хартбарт, сговорившись между собой, захватили крепость, а затем бежали...[1] Королю Балдуину и ему удалось спастись, и их не поймали. В тот же день епископу Аль-Бары тоже удалось бежать. В тот же месяц эмир Нур аль-Дин Балак отправился со своим аскаром к Хартбарту, осадил цитадель и отбил ее у франков, которым удалось неожиданно захватить ее. Он учредил там гарнизон для защиты и охраны крепости.

В этом году также сообщалось о том, что Махмуд бен Караджа, правитель Хамы, выступил со своими воинами к Афамии и атаковал ее пригород. Стрела из крепости поразила его в руку, а когда ее извлекли, началось заражение, закончившееся его смертью. Он был дебоширом, пропойцей и неразборчивым в средствах тираном, казнил ряд знатных горожан Хамы, несправедливо и незаконно, лишь на основе клеветнических обвинений, которые те выдвигали друг против друга. Когда Захир аль-Дин узнал об этом, он направил в Хаму верного офицера, чтобы тот навел порядок в городе и правил им.

В этом же году несчастье свалилось на аскары атабека Захир аль-Дина из Дамаска и Сайф аль-Дин Ак-Сонкора аль-Бурзуки, когда они объединили свои войска и атаковали Азаз в провинции Алеппо. Они осаждали и атаковали

[1] Пропуск в рукописи.

город до тех пор, пока его захват не стал простым делом, но франки собрались со всех сторон и постарались оттеснить их аскар от города. Две армии встретились, и армия мусульман дрогнула и разбежалась, потеряв множество людей убитыми и пленными. Захир аль-Дин вернулся в Дамаск в первый месяц джумаада этого года (27 июня — 26 июля). В месяце рамазан (23 октября — 21 ноября) этого же года канцлер Али бен Хамид отправился в Египет в качестве посольства от атабека Захир аль-Дина[1].

Год 518 от хиджры

(19 февраля 1124 г. — 6 февраля 1125 г.)

В этом году порт Тир капитулировал перед франками. Уже рассказывалось, по каким причинам из города пришлось удалить его правителя, эмира Сайф аль-Даула Масуда, когда флот увез его в Египет, и нет нужды это повторять. Когда направленный вместо Масуда правитель из Египта прибыл в город, он, заручившись поддержкой горожан, написал Захир аль-Дину и объяснил ему ситуацию. Последний ответил, что ответственность за это дело несут те, кто его задумал, а правителю следует поддержать эти меры и планы. Случилось так, что, когда франки узнали о таком положении дел и о смещении Масуда с трона правителя Тира, они вновь загорелись желанием воспользоваться такой возможностью и захватить город. Тогда они стали собирать силы и готовиться к осаде Тира. Когда же его правителю сообщили о готовящемся нападении, он, понимая, что не может противостоять франкам, а город не выдержит осады из-за недостатка войск и провианта, написал об этом аль-Амиру, правителю Египта. В результате было принято решение вновь отдать правление Тиром атабеку Захир аль-Дину, чтобы он организовал защиту города и отпор (франкам), как он и хотел сделать. Соответствующая официальная грамота была выписана на его имя, и на троне правителя города он заменил тех людей, которые не обладали ни способностя-

[1] Похоже, этот абзац по ошибке перемещен сюда из года 519.

ми, ни возможностями, ни храбростью. Во время правления его предшественников дела города разладились, и франки вознамерились завладеть им. Они разбили свой лагерь и начали подготовку к блокаде города, расположившись за его пределами в первом месяце раби этого года (18 апреля — 17 мая). Франки удерживали город в блокаде до тех пор, пока запасы продовольствия в нем не подошли к концу. Чтобы защитить Тир, Захир аль-Дин вышел в поход со своим аскаром к Баниясу. В Египет непрерывно направлялись письма с просьбами оказать помощь городу, но день шел за днем, надежда в сердцах жителей таяла, и они оказались на грани катастрофы. Захир аль-Дин, зная о реальном положении дел, понимая невозможность исправить критическую ситуацию в городе и отчаявшись получить помощь, начал переговоры с франками и ловчил, умасливал, угрожал и льстил, пока не было достигнуто соглашение о сдаче им города при условии, что всем находящимся в нем людям будет гарантирована жизнь, а те войска и горожане, которые пожелают покинуть город, смогут это сделать, забрав все свое имущество, те же, кто пожелает остаться, останутся.

Аскар атабека занял позицию перед франками, ворота города открылись, и люди получили разрешение уйти. Каждый человек нес столько, сколько мог унести, оставив все остальное в городе. Люди шли между двумя рядами воинов, и ни один из франков не тронул их, пока все горожане и войска не покинули город, в котором остались лишь те, у кого не было сил уйти. Люди рассеялись по всей стране, а некоторые направились в Дамаск. Город был сдан на 23-й день первого месяца джумаада 518 года (7 или 8 июля 1124 г.).

В этом же году пришла весть о том, что франки, собравшись из всех своих провинций, напали на Алеппо, осадили город и стали сражаться с его жителями. Осада продолжалась до тех пор, пока запасы продовольствия в городе не иссякли, а его жители не оказались на грани катастрофы. Когда число жителей сократилось до предела и их возможности сопротивляться иссякли, они написали эмиру Сайф аль-Дин Ак-Сонкору аль-Бурзуки, правителю Мосула, письмо, в котором, сетуя на свое ужасное

положение и свалившуюся на них беду, просили его помочь им в борьбе против франков и спасти их от рук неверных. Он был огорчен, так как покой его был нарушен, и незамедлительно стал готовиться прийти им на помощь, чтобы прогнать врагов. Ак-Сонкор подошел к городу в месяце зу-л-хиджа этого года (январь 1125 г.), и франки, узнав о приближении его мощнейшей армии, в панике бежали. Авангард его конницы преследовал их, хватая всех, кто попадался им на пути из вражеских подразделений[1], и ни один из отступавших даже не пытался укрыться где-нибудь еще, пока все франки, не останавливаясь, не нашли убежище в Антиохии. В своем лагере они построили дома и хижины, чтобы укрываться от жары и холода, так как намеревались остаться и продолжать осаду города, но хвала Всевышнему Аллаху, который пожалел жителей Алеппо и отвел от них беду, когда они уже находились на грани краха. За свое благородное деяние Ак-Сонкор аль-Бурзуки заслужил широкую известность и признание. Он вошел в Алеппо и стал править городом справедливо, защищал интересы жителей, делал все возможное для защиты города и не подпускал врагов близко к нему. Таким образом, дела города наладились, разрушения сменились процветанием, дороги стали безопасными, и нагруженные различными товарами торговые караваны стали часто его посещать.

Зимой этого года дожди не выпадали на землях Сирии в декабре, январе и большей части февраля. Урожаи пропали, цены поднялись, и в большинстве сирийских провинций начался голод. Но вскоре Аллах смилостивился над своими слугами и ниспослал им дождь, когда они уже отчаялись его получить, и вернул земле жизнь после смерти[2], вернул урожай зерновых после его потери, и сердца всех людей возрадовались, когда их покинули забота и горе. В этом году цены оставались высокими в Алеппо, Дамаске и всех его территориях, вплоть до Аль-Рахбы, Аль-Каллы и Мосула. Такая ситуация сохранялась до 519 года, и многие неимущие люди умерли от голода.

Похоже, такое значение имеет написанное в тексте *fī a 'nāqihim*, но, возможно, следует читать *fī a 'qābihim* «среди самых отстающих».

[2] Реминисценция из Корана.

Год 519 от хиджры

(7 февраля 1125 г. — 26 января 1126 г.).

В этом году из владений франков пришла весть о том, что Балдуин, король франков, правитель Иерусалима, собирает войска и готовится напасть на находящийся под управлением Дамаска район Хауран, чтобы разграбить и опустошить его. По его приказу войсковые группы стали совершать набеги на ближайшие к Дамаску районы, держа их в постоянном напряжении, и устраивать засады на путешественников по дорогам. Получив подтверждение этой информации, атабек Захир аль-Дин стал готовиться к встрече с врагом и собирать союзников для ведения священной войны против него. Он направил письма эмирам, предводителям и вождям туркмен, сообщил им о положении дел и просил помощи в борьбе против франков, обещая им благосклонное отношение и вознаграждение. Между тем, получив данные о том, что франки находятся возле Тиверии и намерены двигаться через Мардж-аль-Суффар и Шархуб в ближайшие предместья Дамаска, он вывел свой аскар, разбил лагерь у Мардж-аль-Суффара и написал правителям провинций прислать ему подкрепление пешими воинами. В это время прибыли туркмены числом в две тысячи всадников, великих воинов, полных желания вести священную войну, готовых первыми броситься в бой, и ему в помощь собралось огромное войско. Узнав, что атабек со своим аскаром стоит лагерем у Мардж-аль-Суффара, франки подошли к нему и разбили свои шатры напротив. Обе армии стояли лицом к лицу, а передовые посты с обеих сторон участвовали в стычках.

В понедельник, 27-й день месяца зу-л-хиджа этого года (25 января 1126 г.), по неотвратимому велению мудрого Аллаха, собралось огромное войско, состоявшее из вооруженных групп и неопытных молодых людей Дамаска, жителей Гуты, Марджа и окрестных районов, вооруженных банд батинитов, известных своей храбростью и отвагой, из Химса и других мест, а также из Аль-Акабы, Каср-аль-Хаджаджа и Аль-Шагуры[1], конных и пеших

---

[1] Все это пригородные районы южного Дамаска, а Аль-Акаба означает «перевал Шухура», между городом и деревней Аль-Кисва.

воинов, хорошо вооруженных, вместе с другими примкнувшими, кто добровольно поддерживал это религиозное движение. Перед началом битвы они занялись совместным формированием своих рядов, а кругом распространялись вести о силе и численности армии ислама, о ее превосходстве над армией франков, о преобладании ее сил, и никто уже не сомневался в том, что в этот день франки будут обречены на поражение и станут легкой добычей для мусульман.

Случилось так, что сильное подразделение туркменских войск атаковало фланги франков и победило их, и тогда франки, охваченные страхом, зная, что они ничего не могут поделать с таким многочисленным войском, осознали свое поражение и отступили в полном составе из лагеря, который занимали. Они в панике вернулись в свои районы, опозоренные и переполненные страхом. Отряд туркмен вступил в бой с подразделением франков, находившимся на марше, и захватил богатые трофеи, обозы и животных, а также знаменитую церковь, которая была расположена на территории лагеря. И тогда вся армия обрушилась на франков, и те, не оборачиваясь, бежали от своих преследователей, не дожидаясь отстающих, настолько они были охвачены ужасом. Мусульмане наступали на них и уничтожали так нещадно, что, наконец, франки были вынуждены дать отпор их преследователям. Выровняв свои ряды, они атаковали мусульманскую конницу, направив против нее свой знаменитый удар, сломили их и обратили в бегство, убивая всех отстающих, охваченных страхом или обманутых судьбой. Отступление аскара было беспорядочным, и франки атаковали всех пеших воинов, которые составляли это многочисленное войско, и мечами положили им конец. Они преследовали и убивали всех спасавшихся, пока не дошли до перевала Шухура[1] и не приблизились к городу (Дамаск) со стороны Шаркхуба, не обращая внимания на огромные расстояния и истощение своих лошадей. Атабек Захир аль-Дин со своим аскаром достиг Дамаска в конце того же дня и принял решение атаковать франков на рассвете следующего дня, чтобы нанести им решительное

[1] Важный перевал, открывающий доступ к долине Дамаска, расположен примерно в десяти милях от города (Дуссауд, 318).

поражение, но тут выяснилось, что они уже отправились обратно в свои собственные районы, опасаясь решительного нападения и преследования со стороны мусульман. Аллах решает по-своему.

Год 520 от хиджры

(27 января 1126 г. — 16 января 1127 г.).

В этом году пришло сообщение из Мосула об убийстве эмира Сайф аль-Дин Ак-Сонкора аль-Бурзуки, правителя города, в кафедральной мечети, совершенном руками батинитов в месяце зу-л-каада этого года (начался 18 ноября)[1]. Этот эмир (да будет милостив к нему Аллах) был правилен в своем поведении и действиях, имел веселый нрав, любил справедливость и добрые дела, соблюдал религиозные обряды, вынашивал благородные цели, любил хороших людей и хорошие поступки и покровительствовал людям знаний и религии. Народ печалился и сожалел о такой трагической утрате, и, когда атабек Захир аль-Дин узнал об этом, эта новость обеспокоила и опечалила его.

Трон аль-Бурзуки унаследовал его сын, эмир Масуд, известный благородством и чистотой характера, славившийся храбростью и силой[2]. Приближенные офицеры, визирь и секретари его отца остались на службе, а он продолжил похвальное поведение своего отца, стремясь к тем же целям. Таким образом, его власть прочно установилась, и его дела были в полном порядке.

В этом году атабек Захир аль-Дин отправился маршем в Тадмур (Пальмира) и оставался там, пока не вернул себе город из рук тех, кто правил им и кто убил прошлого правителя, сына брата Захир аль-Дина. Город был захвачен во вторник, на 12-й день второго месяца раби (6 мая), и было решено отдать его в качестве апанажа эмиру Шихаб аль-Дин Махмуду, сыну Тадж аль-Мулюка Бури, сыну атабека Захир аль-Дина. Правление было передано ему, и он вступил во власть в сопровождении некоторых до-

---

[1] О подробностях убийства не сообщается.

[2] Следует читать *ghanā'* вместо *'anā'*

веренных офицеров (Захир аль-Дина), которым было поручено охранять его самого и город.

В этом же году, когда Захир аль-Дин вернулся из Алеппо, у него появились первые признаки болезни. Он вернулся в Дамаск в месяце шаабан (начался 22 августа), и в тот же месяц Амин аль-Даула, правитель Басры, прибыл к нему из Египта с ответом на его письмо, которое он посылал ранее. Вместе с ним прибыл эмир аль-Мунтади бен Мусафир аль-Ганави, посол аль-Амира, правителя Египта, который привез восхитительные почетные одежды и драгоценные дары Египта.

В этом году также положение Бахрама, проповедника батинии, стало настолько прочным, что с этим фактором уже приходилось считаться как в Алеппо, так и в Сирии. Он жил скрываясь, в строжайшей тайне, постоянно менял обличье и поэтому переходил из города в город, из крепости в крепость, никем не узнанный, пока не объявился в Дамаске по договору, который Наджм аль-Дин ильГази, сын Ортука, заключил с эмиром атабеком Захир аль-Дином, и с письмом, содержавшим его высокие рекомендации. В качестве меры предосторожности от угрозы, которую представлял он сам и его организация, он был принят с почестями, к нему было проявлено всяческое внимание и обеспечена защита после пережитых им многих превратностей судьбы. Он переходил от места к месту, обретая последователей среди невежественной и глупой толпы, темных крестьян, людей, лишенных уважения к образованию и религии, которые искали в нем и его секте лишь средство защиты для себя и отмщения другим. Он нашел союзника в лице визиря Абу Али Тахир бен Сайд аль-Маздакани, который хоть и не разделял его помыслов, но помогал ему распространять его злобные идеи и проповедовать его тайные цели. Когда его организация так открыто и широко распространилась, а визирь Захир аль-Дина согласился стать его сообщником и помогать ему в его делах, он потребовал от атабека Захир аль-Дина замок, в котором он мог бы найти убежище, и крепость, в которой мог бы обороняться. Тогда Захир аль-

Дин выделил ему приграничный форт Баниас в месяце зу-л-каада 520 года (ноябрь—декабрь 1126 г.), и, когда он устроился там, к нему присоединилась толпа прислужников, полоумных, крестьян, всякого сброда и злодеев, которых он соблазнял своим враньем и ложными претензиями и привлекал на свою сторону интригами и обманом. Такое публичное становление их дела[1] вызвало в народе смятение и ужас. Образованные, благочестивые и религиозные люди, люди сунны и традиций отцов, настоящие верующие, сторонники честной и мирной жизни, были весьма опечалены, но никто из них не отваживался произнести хоть слово против этих людей или пожаловаться на кого-нибудь из них, чтобы не навлечь на себя их злобу и отвести от себя всяческие напасти, поскольку они убивали всех, кто был против них, и поддерживали тех, кто оказывал им помощь в их нечестивых делах. Поэтому ни султан, ни визирь не осуждали их, и ни один военачальник или эмир не пытался остановить их зло.

В этом же году франки подошли к Рафании и после осады отбили город у мусульман.

Год 521 от хиджры

(17 января 1127 г. — 5 января 1128 г.).

Ранее уже рассказывалось о мученической смерти эмира Сайф аль-Дин Ак-Сонкора аль-Бурзуки, правителя Мосула, в городской мечети от рук батинитов и унаследовании трона его сыном, эмиром Масудом. Когда его власть прочно установилась и силы стали значительными, он стал высокомерен и, подстегиваемый нетерпеливостью своей молодости, задумал вступить на тропу войны против городов Сирии, захватить мусульманские крепости и посвятить себя священной войне против банд франков, заслужив своей решительностью, прямотой и отвагой славу в священной войне. Сообщения о его деятельности дошли до атабека Захир аль-Дина, вместе с рассказами о зависти князя по отношению к нему само-

---

[1] Следует читать *sababihim*.

му и к завоеванным им уважению и репутации, вместе с информацией о его намерении собрать и вооружить войско для нападения на провинции Сирии, чтобы предать их разрушению и опустошению. Атабек Захир аль-Дин, узнав о таких намерениях, которые не могли принадлежать ни одному здравомыслящему человеку, не могли возникнуть в голове ни у одного рассудительного и разумного человека, решил подготовиться и отправиться против него со своим аскаром, чтобы разрушить его планы, истребив его войско. Однако всего лишь через несколько дней кувшин молодости Масуда разбился, и приговор судьбы снизошел на него в пригороде Аль-Рахбы в виде приступа серьезной болезни, унесшей его к предрешенному концу, которого невозможно избежать и от которого нет спасения. Таким образом, его сабля осталась в ножнах, его советники и армия остались без вождя, его сторонники покорились судьбе, а его приближенные и доверенные офицеры оставили его. В то же время закончил свою жизнь и его визирь, советник и партнер по безрассудству, по причине тяжелой болезни, которая неожиданно охватила его и перенесла его в силки смерти. Ряд главных рабов-тюрков его отца сбежали вместе со знаменами, которые он приказал изготовить для своих целей, сделанными с большим умением и в соответствии с его указаниями и выбором, и принесли их атабеку Захир аль-Дину, чтобы сдать их ему и таким образом заслужить его благосклонность. Он милостиво принял их и выказал им исключительный почет и уважение, взял к себе на службу и включил в число своих доверенных офицеров и личных соратников, наградив их за их приверженность высоким жалованьем.

В месяце шаабан этого года (12 августа — 9 сентября 1127 г.) Балдуин, король франков, правитель Иерусалима, отправился со своей армией в Вади-Муса (Петра) и, ограбив, захватив в плен и разогнав местных жителей, отступил. Во второй месяц джумаада (15 мая — 13 июня) этого года пришло сообщение о том, что эмир Хутлуг Абах аль-Султани, назначенный правителем города Алеппо, занял

цитадель города с помощью группы секретных агентов, которых специально отобрал для этой цели. Но все это продолжалось лишь короткое время, пока его дела не разладились и он не поссорился с городским ополчением Алеппо, которое осаждало его в цитадели, пока в город не пришел аскар эмира атабека Имад аль-Дина (Зенги). Тогда Хутлуг Абах сдал Имад аль-Дину цитадель и был взят под стражу, пока по требованию (его врагов) тот не разрешил ослепить его, что и было сделано.

Год 522 от хиджры[1]

(6 января — 24 декабря 1128 г.)

В этом году болезнь атабека Захир аль-Дина усилилась и преследовала его, пока не высосала из него силы и не ослабила его тело, поставив на грань того события, которое ничто не может отодвинуть или отменить. Тогда он призвал своего сына, эмира Тадж аль-Мулюка, вместе с эмирами своего княжества, приближенными офицерами, доверительными советниками и военачальниками, и объявил им, что чувствует приближение конца отпущенного ему срока. «Мне мало осталось (продолжал он), так выслушайте мое высокое повеление в отношении предстоящих действий и поведения правительства после моей смерти и выполнения моих указаний в будущем. Мой сын Тадж аль-Мулюк Бури, мой старший сын, подготовлен занять мое место после меня, чтобы восполнить эту потерю. Я не сомневаюсь в правильности его поведения, в его стремлении поступать наилучшим образом, в его любви (к справедливости), в том, что он продолжит мое дело и сохранит эмиров и войска, будет, следуя моему примеру, справедливым к знати и подданным. Если он прислушается к моему завещанию и пойдет по пути расширения справедливости и хорошего отношения ко всем, развеет таким своим хорошим поведением все причины беспокойства и страха людей, то оправдает надежды, возлагаемые на него, а также на его праведность и хорошее

---

[1] Этот раздел слегка сокращен.

поведение. Если же он свернет со своего пути, отойдет от праведности, которую ожидают от него тайно или открыто, то он сам сделает вас свидетелями обвинения, и в случае такого поворота событий вы сами вынесете ему приговор». И тогда Бури сказал: «Конечно же я честно исполню [ваше завещание], сделаю так, как вы повелеваете, и никогда не нарушу нравственные устои» — и подтвердил свою клятву отцу с таким воодушевлением, что Захир аль-Дин поверил в его искренность и удовлетворился этим. После этого милостивый Аллах призвал его во второй половине дня в субботу, 8-й день месяца сафара этого года (11 февраля), и глаза и сердца всех людей наполнились скорбью о нем, люди вспоминали о его благородных деяниях и воздавали хвалу его правлению. Его сын, Тадж аль-Мулюк Бури, получил от него власть, справедливо относился к своим приверженцам, подданным и к армии.

Благословенный эмир (Захир аль-Дин) делал все возможное для установления справедливости и ограничения угнетения. Некоторым подданным он вернул утраченную ими собственность в предместьях города, которой они насильно лишились во времена высокомерных правителей, тиранов, либо были обложены данью натурой, либо разорены руками врагов, и установил для них издавна принятый налог на землю и подати, удалил все причины давления и угрозы личности, и снял с владельцев все сомнения в отношении их титулов, во всех местах и на все времена. Таким образом, он заслужил благодарность и искренние молитвы народа.

После этого он обратился с петицией к командующему правоверными, халифу аль-Мустаршид Биллаху, во время его поездки в Багдад и посещения дворов имама аль-Мустаршида и султана Гийас ва-л-Дина. В своей петиции он рассказал о состоянии запущенных дел в правлении Дамаска, о поместьях и землях, оставшихся необработанными из-за отсутствия хозяев, пояснил, что нет никакой пользы оставлять их в таком виде, так как ни придворный, ни горожанин не получают никакой пользы от таких разоренных поместий, равно как и от исчезновения этих хозяйств и (соответственно) налогов (ранее уплачиваемых

ими)[1]; после чего попросил у халифа дозволения продать их желающим с целью обработки, что принесет пользу урожаями и продуктами, прибыли от продажи которых пойдут на оснащение войск, участвующих в священной войне. Халиф дал ему полное и искреннее разрешение выполнить задуманное, объявил это законным и гарантировал юридическое подтверждение владений тем, кто купит у него поместье, и, таким образом, утвердил петицию, повелев выполнить ее и запретив любые юридические споры на эту тему и даже частичный пересмотр его решения или самой грамоты. Более того, он подтвердил свое согласие с предложениями атабека в виде документа, заверенного благородной подписью имама аль-Мустаршида и подписями достойных свидетелей. После этого атабек продал эти поместья желающим приобрести их, и целый ряд хозяйств, брошенных и лежащих в руинах, неиспользуемых и не приносящих никакой пользы, вернулись в разряд культивируемых. В них вновь забили источники вод, и они вновь стали процветающими, как и прежде...

Правление Тадж аль-Мулюка Бури бен Атабека

Когда предрасположение судьбы свершилось для атабека Захир аль-Дина (да будет милостив к нему Аллах), его сын, эмир Тадж аль-Мулюк, занял его трон и утвердил визиря отца Абу Али Тахир бен Сайд аль-Маздакани в его визирате, оставив в должности личного представителя, сохранил всех доказавших свою лояльность правителей на их местах, оставил им их источники дохода и даже увеличил жалованье и одарил почетными одеждами и дорогими подарками. Он также сохранил фьефы за всеми владельцами и жалованье государственным служащим, за что его все хвалили и благословляли. К своему визирю аль-Маздакани он отнесся весьма снисходительно и отписал ему десятую часть своих доходов вместе с платой, вносимой при представлении петиций в отношении фье-

---

Ma 'amiliha wa rusumihā, но, возможно, следует читать *ma 'ālimihā* «пограничные отметки и линии разделения».

фов[1], жалованьем и оплатой содержания. Когда власть батинитов укрепилась, а их злодеяния удвоились в результате политики его отца, предоставившего им протекцию и заигрывавшего с ними, чтобы уменьшить угрозу с их стороны, он втайне принял решение в отношении этой организации, о котором не сообщил никому, даже из числа приближенных придворных. Когда же Аллах дал ему силы противодействовать им, он начал разрабатывать меры их наказания и ликвидации и предпринял шаги, о которых будет рассказано в нужном месте.

Вот рассказ о том, что произошло в Дамаске и его районах по вине батинии, о разрушениях и ликвидации земельной разметки в результате их действий, в течение оставшейся части года 522.

Уже достаточно говорилось о Бахраме, проповеднике батинии, и о причинах, вызвавших необходимость отдать ему приграничный замок Банияс. Устроившись там, он начал укреплять замок, перестраивая и восстанавливая то, что находилось в руинах. Во все концы страны он посылал своих миссионеров, которые обольстили большое число невежественных людей из провинций и темных крестьян из деревень, всяческий сброд, бродяг и людей достаточно неразумных и ненабожных, чтобы воздержаться от плохих деяний. Поэтому их злобные силы увеличились и проявилась настоящая сущность этой ошибочной доктрины. Их длинные руки и языки несли ложные обвинения в адрес уважаемых людей из числа подданных, жадность приводила к грабежам одиноких путешественников на дорогах, которых они силой захватывали и использовали со злобой, они убивали людей жестоко и несправедливо. Опуститься до такой низости им помогал визирь Абу Али Тахир бен Сайд аль-Маздакани, который и сам слишком далеко зашел в своих тайных интригах. Но в результате он пострадал от прямых последствий соглашения, которое заключил с Бахрамом, миссионером, об обоюдном предоставлении помощи и поддержки, и

[1] *Huqūqu'l 'ardi 'ani'l-'iqtā'āti.*

был горько наказан за свои поступки. Этот договор полностью противоречил нормам послушания Аллаху и явился результатом их стремления объединить силы в борьбе против тех, кто осуждал их и строил против них враждебные планы. Тадж аль-Мулюк, несомненно, был обеспокоен этим и не мог с этим мириться, но благоразумие правителя, большая сдержанность и проникновенное мышление заставили его закрыть глаза, как бы больно это ни было, на их деятельность и терпеливо переносить их оскорбительные злодеяния. Вместе с тем он вынашивал тайные планы, направленные против них, и не раскрывал их никому до нужного времени, что только упрощало достижение его цели и усиливало его преобладание над врагами Аллаха до тех пор, пока не представилась возможность.

Так случилось, что миссионер Бахрам, поскольку Аллаху было угодно, чтобы он исчез, задумал убить Барака бен Джандала, одного из вождей Вади-л-Тайма, не по какой-то причине, сделавшей это необходимым, и не за какое-либо преступление, вынуждавшее его принять такой шаг, а из чистого пренебрежения к судьбе тиранов, которые проливали кровь невинных людей, и из-за предосудительного незнания предупреждения Аллаха тем, кто намеревался совершить такое, нарушив сказанное Им: «А если кто убьет верующего по умыслу, то возмездие ему — ад, где пребудет он вечно. Аллах разгневается на него, проклянет и уготовит ему великое наказание»[1]. И тогда Бахрам обманом завлек Барака в свою ловушку, надел на него оковы и хладнокровно убил. Убийство вызвало всеобщее негодование, совершенное, невзирая на молодость, храбрость и личное обаяние убийцы, оно открыто осуждалось на всех собраниях и ассамблеях, всеми людьми, близкими и далекими. Его брат Даххак бен Джандал со своим кланом и семьей, подстегиваемый пылкой мусульманской гордостью, стремлением сохранить честь семьи, решил отомстить за пролитую кровь, организовать тайную группу и, поклявшись друг перед другом оставаться нетерпимыми к их врагам, посвятить себя мщению и отдать жизнь и душу для сотворения

[1] Коран, сура IV, стих 95.

возмездия. Они занялись тщательной подготовкой, изыскивая возможность, пока предрасположенность судьбы не положила Бахрама и его банду к их ногам, а Аллах не предписал их уничтожение и искоренение.

Собрав отовсюду все силы, с помощью сподвижников, прибывших со всех сторон, Бахрам выступил из Банияса в 522 году и отправился в направлении Вади-л-Тайма, чтобы сокрушить людей, о которых мы говорим, но они были готовы к встрече с ним и искали возможность вступить с ним в бой. Узнав о его приближении, люди в едином порыве поднялись, чтобы встретить его, как львы, вышедшие из логова на защиту своих котят, и налетели на него, как горные орлы на куропаток. Приблизившись к его разрозненным группам и забытому богом войску, они набросились на них, когда те находились в своем лагере и ни о чем не подозревали. С боевыми кличами они набросились на ничего не подозревающего противника, и не успел всадник вдеть ногу в стремя, а пехотинец схватить свое оружие, как смерть настигла большую часть батинитов, которые погибли под ударами сабель и судьбоносных кинжалов, утыканные смертоносными стрелами и побитые камнями неотвратимой судьбы.

В это время Бахрам находился в своем шатре, окруженный его сторонниками по злым намерениям и заблуждениям, не подозревая о том, что ожидает его и членов его секты. Заслышав шум и крики, они бросились к оружию, но в этот момент люди Вади-л-Тайма набросились на них и своими острыми саблями и ножами убили всю компанию. Бархаму отрубили голову и руку после того, как он был изрублен саблями и кинжалами, и один из его убийц, который отвез все это, включая и его кольцо, в Египет, куда принес радостную весть о его смерти и уничтожении, был одарен почетной одеждой и вознагражден. Новость об этом событии разнеслась широко, и все люди радовались и поздравляли друг друга с его уничтожением, получив искреннее удовольствие от этой победы.

В результате этого число батинитов сократилось, и их возможности нападения ослабли. Место Бахрама занял его друг, Измаил Перс, соратник по злу и насилию, сподо-

вижник в интригах и восстаниях, который продолжил привлекать на свою сторону неразумных, как это делал ранее Бахрам, и даже превзошел его в этом злобном деле настолько, что прославился слабостью своего разума и своей злонамеренностью. Вокруг него собрались остатки этой гнусной секты из всех провинций и районов и все те, кого разбросало по всей стране. Визирь Абу Али Тахир бен Сайд аль-Маздакани продолжал вести с Измаилом ту же политику, которую вел с Бахрамом, помогал ему в достижении его целей, чтобы таким образом самому избежать нападок с его стороны, не осознавая того, что подобные действия заканчиваются горьким раскаянием и отказом от безопасного пути. Как говорится: «Те, кто отказывается, находят в этом спасение, а те, кто защищает зло, будут отравлены им». Жалобы со стороны простых и знатных людей, как и их урон от рук фанатиков, продолжали множиться, пока Тадж аль-Мулюк, сын атабека Захир аль-Дина, не вознамерился уничтожить их и обнажил клинок своей решимости, чтобы очистить от них провинции. По его мнению, наиболее благоразумный шаг, необходимый для осуществления его планов по достижению этой цели, сводился к тому, чтобы избавиться прежде всего от визиря Абу Али, поскольку тот был самой ясно видимой целью и первым, до кого следует добраться. И тогда он поручил одному из приближенных офицеров, которому полностью доверял, убить его и организовал дело так, что тот должен был ударить визиря саблей по голове, когда Тадж аль-Мулюк подаст сигнал. В среду, 17-й день месяца рамазана 523 года (4 сентября 1129 г.), визирь, как всегда, предстал перед всеми эмирами и командирами в Розовом павильоне дворца цитадели Дамаска, представлял и обсуждал различные дела с Тадж аль-Мулюком и другими присутствующими, пока не пришло время разойтись и вернуться домой. По своему обычаю, визирь поднялся последним, и в этот момент Тадж аль-Мулюк дал сигнал своему офицеру, который нанес несколько ударов саблей по голове визиря и убил его. Ему отрубили голову и вместе с мертвым телом бросили на шлаковый отвал у Железных ворот города, где все люди могли видеть, что свершил Аллах над тем, кто

устраивал заговоры и искал помощи у других, а не у Него. Его тело было сожжено несколькими днями позже, а пепел развеян по ветру. «Это за то, что ранее совершили твои руки, — ведь Аллах не поступает несправедливо со своими рабами»[1].

Молва об этом быстро разлетелась повсюду, и городское ополчение Дамаска вместе с толпой черни обнажило сабли и кинжалы и предало смерти всех батинитов и их последователей[2], которые попались им в руки, а также всех, кто был с ними как-либо связан. Они находили их в их домах, выволакивали оттуда, разрубали на части саблями или закалывали кинжалами и бросали их тела на мусорные кучи, как падаль. Многие из их числа, кто пытался укрыться в богатых кварталах, надеясь найти там спасение и покровительство, были насильно схвачены, и их кровь была пролита без оглядки на последствия. На следующее утро кварталы и улицы города были очищены от батинитов, а собаки выли и дрались над их трупами и отрубленными конечностями. «Это знамение для разумных людей, аминь»[3].

Среди схваченных находился человек, известный под именем Шадхи-вольноотпущенник, ученик батинита Абу Тахира, золотых дел мастера, который до этого находился в Алеппо. Этот обвиняемый вольноотпущенник был первопричиной всех несчастий и зла, за что получил ужасное наказание, которое успокоило сердца многих правоверных. Его распяли вместе с несколькими другими членами секты на зубчатой стене Дамаска, чтобы все видели, как Аллах поступает с угнетателями и показательно наказывает неверных. Канцлер Юсуф бен Фируз, военный правитель города, и его уважаемый городской голова Тикат аль-Мульк Абу л-Дувад Муфарридж бен аль-Хасан ибн аль-Суфи проявили крайнее рвение в организации уничтожения этой поганой секты. Они предприняли тщательно разработанные меры против неожиданного нападения эмиссаров, которых могла послать против них

Реминисценция из Корана, сура 22, стих 10.

В тексте написано *asbābihim*, но, возможно, следует читать *ashyā'ihim*.

[3]. Еще одна реминисценция из Корана.

батиния Аламута, центра этой секты[1], надели доспехи и окружили себя многочисленной стражей, хорошо вооруженной и готовой к действию. Так горе снизошло на творящих зло и не приемлющих Аллаха, вместе с радостью и достойным предупреждением для праведных.

Что же касается Измаила, миссионера, который проживал в Баниясе, и тех, кто был с ним, то, услышав новость об этом несчастье, они переполнились отчаянием и стали обвинять друг друга, а в это время их сподвижники разбежались по всей стране. Сам же Измаил, зная, какая опасность ему угрожает, если он останется в Баниясе, и не имея возможности оказать сопротивление, послал франкам письмо, обещая сдать им Банияс, чтобы таким образом обеспечить свою безопасность. В результате он сдал им крепость и сам вместе с рядом своих сторонников оказался в руках франков, а потом скрылся из Баниясе на территорию франков, униженный и нищий. Заболев диареей, Измаил умер от этой болезни и был похоронен в Баниясе в начале 524 года. Таким образом, этот район был очищен от них и от всей этой нечисти.

Год 523 от хиджры

(25 декабря 1128 г. — 14 декабря 1129 г.).

Рассказ о поражении батинитов и о судьбе других людей в 522 и 523 годах уже был изложен, как того требует последовательность повествования. Когда франки узнали о несчастье, обрушившемся на батинитов, а замок Банияс оказался в их руках, в них воспылало коварное желание заполучить и Дамаск с его провинциями. После долгого обсуждения предстоящего похода они послали своих представителей в регионы, чтобы собрать ратников, рекрутов и всех, кто находился на их территории в Аль-Рухе, Антиохии, Тарабулюсе и прибрежных землях, при-

---

Замок Аламут («Гнездо орла») в горном районе к северо-востоку от Казвина (Касвин) в северо-западной Персии, который был захвачен основателем секты батиния Хасан- и Саббахом в 1090 г. и оставался монастырем ордена до его разрушения монголами (см. *Geographical Journal* за январь 1931 г.).

зывая присоединиться к ним. Они также получили подкрепление по морю от короля[1], который занял место Балдуина среди франков, когда тот умер, и имел с собой большое войско. Собрав свои силы, они остановились у Банияса, где разбили лагерь и стали собирать припасы и провизию для пребывания там. Сообщения об их передвижениях поступали от различных людей, которые видели их, и, по их оценке, численность франков превышала шестьдесят тысяч конных и пеших воинов, большинство из которых были пешие.

Когда Тадж аль-Мулюк узнал об их намерении, он стал готовиться к встрече с ними и главное внимание уделял созданию запасов военного имущества, оружия и припасов, которые были необходимы для преодоления всех трудностей. Он направил письма эмирам туркмен с посланниками, славившимися своим умением просить помощь и поддержку. Он пообещал им большое количество денег и зерна, что заставило их поспешить с ответом на его призыв. К нему присоединились все отважные и умелые воины из различных племен, желавшие выполнить свой долг в священной войне и жаждавшие совершить набег на неверных антагонистов, а он поспешил предоставить им все необходимое для пропитания войск и кормления лошадей.

Проклятые вышли из Банияса и медленно в боевом порядке отправились к Дамаску. В <...>[2] месяца зу-лкаада 523 года (16 октября — 14 ноября) они остановились у Деревянного моста[3] и разбили лагерь на известной равнине рядом. В это утро аскар вышел из Дамаска, к нему присоединились туркмены из их лагеря, расположенного у города, а также эмир Мурра бен Рабия с его арабскими вспомогательными силами. Они разбились на эскадроны (которые окружили франков) со всех сторон и заняли позиции напротив них в надежде, что подразделение франков выйдет (атаковать их), и тогда они поспешно выдвинутся им навстречу и вступят в бой. Но ни один

Фульк, граф Анжуйский, и новая сила рыцарей тамплиеров.

Пробел в тексте.

Возле Дарайи, примерно в шести милях на юго-запад от Дамаска.

рыцарь не вышел, ни один пеший воин не появился, напротив, они сомкнули свои фланги и оставались в лагере. Мусульмане оставались на таких позициях несколько дней, ожидая, что враг направится к городу, но можно было видеть только, как франки собирались вместе, передвигались по лагерю, как блестели их шлемы и оружие. Предпринимались попытки разузнать, что они делали, почему затягивали наступление и почему остаются на месте. Говорили, что они направили своих самых смелых всадников и самых здоровых пехотинцев с мулами в Хауран, чтобы запастись провизией и зерном, необходимыми для длительного пребывания и осады, и поэтому не могут, да и у них просто нет сил двинуться с места до возвращения этих людей.

Узнав о таком положении дел, Тадж аль-Мулюк спешно собрал войско, состоявшее из самых отважных тюрок Дамаска, его туркменских союзников и арабов, пришедших с эмиром Мурра, к которым добавил аскар эмира Сайф аль-Даула Савара из Хамы, и приказал им выступать тем же вечером, идти полным ходом всю ночь, чтобы к утру добраться до района Барак[1], так как по его расчетам проклятые должны достигнуть этого места на обратной дороге из Хаурана. Они поспешили выполнить этот приказ и к утру достигли места назначения со всеми своими огромными силами, поскольку с ними был весь обоз аскара с неисчислимым количеством людей. Мусульмане сразу же пошли в атаку на франков, многие из которых погибли от стрел, еще не успев сесть в седло. Затем они сформировали боевые порядки и стояли в сомкнутой фаланге. Мусульмане атаковали их, но франки держались, однако после нескольких повторных атак армии ислама и больших потерь они дрогнули, пали духом и осознали свою участь. Их предводитель и герой Гийом[2] повернулся и бежал с несколькими рыцарями, и тогда тюрки и арабы навалились на них, окружили оставшихся воинов и стали крушить их саблями, пиками и стрелами, и не успел еще закончиться день, как они все лежали на земле, по-

---

На северном склоне Лейи, примерно в 25 милях к югу от Дамаска.

[2] *Kilyām Dabūr* (т. е. Констебль Гийом де Бюре).

крытые пылью из-под копыт лошадей. Победители захватили многочисленные трофеи, включая лошадей, оружие, пленников, тяжеловооруженных всадников и мулов, несчетное количество. Никому из франков не удалось убежать в свой лагерь, кроме нескольких рыцарей, которые спаслись на быстрых и откормленных конях. Тюрки и арабы вернулись в Дамаск на закате того же дня, радостные, победоносные и отягощенные трофеями.

Народ возрадовался в этот прекрасный день славной победе, воспрянул духом и расправил плечи. Аскар был готов атаковать лагерь врага ранним утром на следующий день, как только прибудут остальные подразделения. Сильный отряд всадников выдвинулся вперед для атаки на них, предположив, что франки все еще находятся в лагере, о чем можно было судить по множеству костров и поднимающимся в небо дымкам. Но, приблизившись, они обнаружили, что франки ушли в конце ночи, когда до них дошла новость (о несчастье в Бараке). Они сожгли все свое имущество, обоз, военное оснащение и оружие, так как у них не осталось животных, на которых можно было все это погрузить. Франки поняли, что больше не могут удерживать свои позиции, поскольку войска тюрков превосходили их по численности, они были не в состоянии отразить их нападение, и у них не осталось другого выбора, как отступить, даже не собрав разрозненные подразделения и не дожидаясь отставших. Войска заняли лагерь франков и собрали большое количество имущества и провизии в качестве трофеев. Они также обнаружили большое число раненых в бою, которые умерли до их прихода и были похоронены тут же, а их лошади лежали рядом все израненные. Арьергард отступавших подвергся атаке аскара, и многие отставшие от основных сил были убиты. Опасаясь нападения мусульман, франки продолжали быстро отступать. Почувствовав безопасность, люди выходили (из Дамаска) и отправлялись к своим земельным наделам, хижинам и местам работы, больше не испытывая страха и печали, наслаждаясь столь неожиданно ниспосланной Аллахом невиданной благодатью. В своих молитвах мы благодарим Его за этот дар и покровительство, да умножатся с годами посылаемые нам Его милость и щедроты.

Туркмены вернулись домой с обильной добычей и почетными одеждами, в то время как войско неверных разбежалось по своим замкам в жалком состоянии и унижении, потеряв лошадей, имущество и отважных воинов. И тогда ужас покинул сердца мусульман, его сменила уверенность в завтрашнем дне, и все люди верили, что после такого поражения неверные не смогут вновь собрать свои силы, когда не стало стольких рыцарей, огромное число людей их погибло, и множество имущества пропало.

Год 524 от хиджры

(15 декабря 1129 г. — 3 декабря 1130 г.)

В этом году сообщалось о прибытии в Алеппо эмира Имад аль-Дина атабека Зенги, сына Ак-Сонкора, правителя Мосула, с его аскаром, полного решимости продолжить священную войну. Он писал Тадж аль-Мулюку Бури, сыну атабека Захир аль-Дина, прося о поддержке и помощи в борьбе против врагов — франков, в связи с чем они долго обменивались посланниками, пока Тадж аль-Мулюк не согласился на его просьбу и не направил к нему офицера с заверениями в верности и дружбе, подтверждением принятых на себя обязательств и уверенности в благих намерениях (Тадж аль-Мулюка). Получив подтверждения от эмира Зенги, гарантирующие выполнение им своих обещаний, которым он мог доверять и не беспокоиться, Тадж аль-Мулюк тотчас отправил главных офицеров своего аскара с отрядом из пятисот всадников и отписал своему сыну Баха аль-Дин Савинджу в Хаму приказ выступить с его войском и присоединиться к аскару Дамаска, которым командовал эмир Шамс аль-Умара аль-Хавасс с несколькими другими эмирами и офицерами. Следуя приказу, Савиндж покинул Хаму со своими тяжеловооруженными всадниками, полным военным оснащением, так что объединенные силы проследовали к лагерю атабека Имад аль-Дина. Он принял их с почетом и относился к ним весьма мягко, но потом несколько дней сторонился их, готовя против них вероломный заговор, и в результате арестовал Савиндж бен Тадж аль-Мулюка и несколько его офицеров,

забрав их шатры, имущество и животных. Некоторым удалось бежать, но атабек взял остальных под стражу, отправил их в Алеппо и приказал заключить там в тюрьму.

В тот же день он пошел маршем на Хаму, лишившуюся своего гарнизона, и завладел городом и всем, что было в нем. Оттуда он направился в Химс, правитель которого, Кир-Кан бен Караджа, сопровождал его со своим аскаром, преданно ему служа и слушаясь его приказов. Фактически именно он поддержал его, подтолкнул к этому предательству и пленению Савинджа...[1] (и Имад аль-Дин схватил его), когда он стал лагерем перед городом, за отвратительное предательство Кир-Кана, его повелителя, заключил в тюрьму, забрал его шатры и имущество, заковал его самого в кандалы и приказал Химсу сдаться. Кир-Кан отписал по этому поводу своим подданным в городе и своему сыну, но те не обратили никакого внимания на его письмо и отказались выполнить его требование. Атабек оставался у города долгое время, интенсивно атакуя его укрепления и поддерживая блокаду, но не смог осуществить своего желания и добиться своей цели. Тогда он отправился к Мосулу, забрав с собой Савиндж бен Тадж аль-Мулюка и офицеров дамасского аскара, а остальных оставил в заточении в Алеппо. Началась переписка по поводу освобождения пленников, но атабек отказался (освободить их) и потребовал за них выкуп в размере пятидесяти тысяч динар, которые Тадж аль-Мулюк согласился собрать и выплатить.

Год 525 от хиджры

(4 декабря 1130 г. — 22 ноября 1131 г.)

Когда новости о катастрофе и уничтожении, постигших по воле Аллаха и его повелению секту батинитов, дошли до их единомышленников в Аламуте, те опечалились их судьбой, сожалели о них и начали плести сети коварства и расставлять капканы вероломства и обмана. Они вознамерились послать эмиссаров из числа невежественных членов своего братства банды убийц, чтобы за-

---

Несколько слов пропущено из-за невнимательности копииста (*waqabdihi... waqabadahu*): сравните Sibt в *R.H.C.* III, 569.

хватить Тадж аль-Мулюка врасплох и убить его. Их выбор пал на двух простаков из Хорасана, которым было приказано найти способ подобраться к Тадж аль-Мулюку и убить его в его дворце при первой удобной возможности. Эти двое явились в Дамаск под видом тюрок, одетые в *qaba* и шарбуши (высокая треугольная шапка), направились к своим знакомым из числа тюрок и попросили устроить их на службу (к эмиру), чтобы получать регулярное жалованье. Обманув их таким образом, поскольку тюрки не подозревали об истинной цели их прибытия, ложью и притворством они постепенно пробились в состав хорасанского войска, выполнявшего роль кортежа и охраны Тадж аль-Мулюка. Поступив на эту службу, они считались вполне надежными, так как предоставили хорошие поручительства. Заговорщики ждали возможности напасть на Тадж аль-Мулюка, и вот во вторник, 5-й день второго месяца джумаада 525 года (7 мая 1131 г.), когда он, возвращаясь после бани, подошел к воротам дворца в цитадели Дамаска, а все члены его кортежа и охранявшие его хорасанцы, дайламиты и тяжеловооруженные всадники разошлись и оставили его одного, убийцы набросились на Тадж аль-Мулюка. Один ударил его саблей, целясь в голову, но нанес лишь неглубокую рану на шее, а (другой) — ударил ножом в бок, но клинок прошел между кожей и тканями. Тадж аль-Мулюк сразу же спрыгнул с лошади и спасся, а всадники его охраны окружили убийц и порубили их саблями на куски. Сразу же послали за врачами и хирургами, умеющими лечить ранения, и они обработали обе его раны. Рана на голове быстро зажила, а рана в боку загноилась. Все вошло в прежнее русло, и он снова стал выезжать и некоторое время, как обычно, принимал в зале для аудиенций старших офицеров, аскари и воинов, которые салютовали ему и выпивали.

В этом же году пришло сообщение из деревни Мактум бен Хассан бен Мисмара о том, что эмир Дубайс бен Садака бен Мазияд[1] пришел в деревню, бежав из Аль-Ирака

[1] См. с. 56 сноску 3.

вместе с приближенными офицерами и гулямами, страшась халифа аль-Мустаршида Биллаха, командующего правоверными. Он заблудился, так как с ним не было проводника, знакомого с дорогами и водными источниками. Целью его путешествия была деревня Мира бен-Рабии[1], однако большинство его спутников исчезло, а после того как несколько человек умерло от жажды, его свита распалась, и он прибыл в деревню [Мактума] как одинокий путник с несколькими товарищами. Тадж аль-Мулюк послал туда группу всадников, чтобы схватить его, и они привели его в цитадель Дамаска ночью в понедельник, 6-й день месяца шаабана 525 года (6 июля 1131 г.). Тадж аль-Мулюк приказал разместить его в апартаментах в цитадели, оказывать ему почет и уважение, угощать изысканными блюдами и напитками. Он также подарил ему одежды и утварь, соответствующие его положению и достоинству, и удерживал его в почетном, а не унизительном заточении. Тадж аль-Мулюк передал отчет об этих событиях в Благородный Двор халифа аль-Мустаршида и получил ответ, обязывающий его следить за этим человеком, чтобы ему не удалось бежать, пока не прибудет офицер, который под охраной отвезет его в Багдад.

Когда Имад аль-Дин Атабек Занги, правитель Мосула, узнал об этом, он отправил посланника к Тадж аль-Мулюку с предложением выплатить пятьдесят тысяч динар, назначенных в качестве выкупа за его сына Савинджа и остальных удерживаемых в плену воинов. Тадж аль-Мулюк согласился, и они заключили договор на предложенных условиях. Также было решено, что аскар Имад аль-Дина направится в район Кара[2], приведет с собой пленников, а эмир Дубайс также должен быть послан туда с аскаром Дамаска, а когда последний получит пленников, они сдадут Дубайса офицерам Занги. Тогда они вышли с ним из Дамаска, привели его в Кару и, получив пленников от аскара Имад аль-Дина, сдали им Дубайса во вторник, 8-й день месяца зу-л-каада этого года (2 октября 1131 г.). Оба аскара вернулись в свои казармы, а Са-

---

[1] Вождь арабов племени Та'и, см. с. 94.

[2] Крупная деревня на дороге Дамаск—Химс, к северу от Небка.

виндж со своими спутниками прибыл в Дамаск на радость и облегчение Тадж аль-Мулюка.

В этом году пришло сообщение из Шархада о смерти его правителя, Фахр аль-Даула Гумуштагина, вольноотпущенника Тадж аль-Мулюка, во втором месяце джумаада (май). Его поведение было праведным, он пользовался хорошей репутацией, строго соблюдал религиозные обряды и аккуратно выполнял свои обязанности[1].

В месяце зу-л-каада (сентябрь—октябрь) этого же года Садид аль-Даула ибн аль-Анбари, секретарь халифа аль-Мустаршида Биллаха, командующего правоверными, прибыл (в Дамаск) в качестве его посланника для решения различных вопросов, вызвавших необходимость его визита, а также настоять на том, чтобы эмир Дубайс сдался офицеру, который должен сопроводить его в Багдад. Хотя время для этого уже ушло, Тадж аль-Мулюк обрадовался его приезду и принял его с почестями. Решив дела своей миссии и получив дары, соответствующие его званию и положению, посланник отправился обратно в Багдад. На своем пути в окрестностях Аль-Рахбы он повстречал всадников эмира Имад аль-Дина, которые схватили его, разграбили весь его багаж и убили несколько охранников. В плену он перенес большие страдания и оскорбления, пока не был отпущен и не вернулся в Багдад.

Во вторник, 26-й[2] день второго месяца джумаада этого года (28 мая), Тадж аль-Мулюк собрал всех своих эмиров, офицеров, придворных, военачальников, секретарей, юристов и знатных горожан в зале для аудиенций. Он сообщим им, что чувствует приближение смерти от нанесенных ему ран, и предложил своим преемником считать его старшего сына Абу'л-Фат Измаила[3]. Собрав-

---

Дословно: «Достоин похвалы в достижении своих целей».

Написанное в тексте («прошли три ночи») следует исправить на «осталось три ночи».

[3] Это суть его обращения, которое в тексте приводится полностью.

шиеся ответили: «Повеление есть повеление, его не отвергнешь и не ослушаешься, а решение есть решение, и не нам его оспаривать. Мы повиновались тебе всю жизнь и будем повиноваться твоему сыну после твоей смерти. Да продлит Аллах годы твоей жизни, укрепит твое здоровье и ускорит выздоровление». Он возрадовался таким словам и поблагодарил их за проявленные к нему чувства, свидетельствовавшие об их благородстве. И тогда он официально назначил своего сына преемником и получил их обещание повиноваться ему, выполнять его повеления, одаривать его прекрасными почетными одеждами, подобающими его высочайшему положению. В тот же день принц въехал в этих одеждах в свою резиденцию в цитадели с большой помпезностью, в окружении эмиров, командиров, хорасанского войска, гулямов, оруженосцев, жезлоносцев и глашатых[1]. Их радость по этому поводу была безмерной, и все войска поддерживали его и были готовы служить ему и салютовать ему каждый день.

Год 526 от хиджры

(23 ноября 1131 г. — 11 ноября 1132 г.)

В этом году из владений франков пришло сообщение о кончине в Акке в четверг, 25-й день месяца рамазана, Балдуина Маленького, короля франков и правителя Иерусалима[2]. Он был уже старым человеком, которого не пощадило время[3], пережившим много превратностей судьбы, бед и несчастий. Он неоднократно попадал в руки мусульман в качестве пленника как в мирное, так и военное время, но ему всегда удавалось спастись благодаря его известной всем изобретательности и хитрости. После него не осталось никого, кто обладал бы здравым рассудком и способностью править. Его место занял но-

---

Maqra 'dārīya wa jāwushīya.

Похоже, это событие отнесено не к тому году. В 525 г. 25-м днем месяца рамазана был четверг (20 августа 1131 г.), а в 526 г. — это был понедельник или вторник (8 или 9 августа 1132 г.).

[3] Или «считался многоопытным» (*'arakahu*).

вый король, Comte d'Anjou[1], прибывший к ним по морю из их страны, но его решения не были здравыми, он не добился успеха в правлении, и поэтому после смерти Балдуина среди франков воцарились смятение и беспорядок.

В этом же году болезнь Тадж аль-Мулюка, вызванная ранами, усилилась, и надежда на выздоровление исчезла. Страдания истощили его, и он возжелал смерти. Слабость и телесное изнеможение усилились, его конец близился, и надежды на выздоровление оставили его. Всепрощающий Аллах призвал его по прошествии одного часа понедельника, 21-го дня месяца раджаба этого года (6 июня 1132 г.), и сердца всех людей переполнились горем по такой утрате, а глаза — слезами по постигшей его участи.

Когда смерть за тобою придет,
Никакой амулет не спасет.

---

[1] В тексте указано *al-Kund Ayjūr* или *Anjūr*, что явно относится к титулу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
С 1132 ПО 1160 ГОД

Правление Шамс аль-Мулюк Абу'л-Фат Измаила, сына Тадж аль-Мулюка Бури, сына атабека Захир аль-Дина

Когда эмир Тадж аль-Мулюк Бури, сын атабека (да будет милостив к нему Аллах), блаженно перешел из этого временного мира в вечное пристанище, прославив свое имя и заслужив славу мученика, а вместо него стал править его сын, Шамс аль-Мулюк Абу'л-Фат Измаил, как завещал перед смертью Тадж аль-Мулюк, он хорошо себя проявил в правлении и поведении, был целеустремленным в своих делах и тайных помыслах. Он установил справедливость меж своих подданных и щедро одаривал все свои войска и аскары. Он утвердил хозяев фьефов владельцами их земель, а получателей государственного жалованья на их постах, расточая повсюду свою щедрость. Он оставил визиря своего отца в должности и сохранил состав правителей и официальных лиц неизменным. Он отдал принятие решений и контроль за состоянием дел в руки управляющего Юсуф бен Фируза, военного правителя Дамаска, полагаясь на него во всех важных делах и полностью доверяя ему, открыто и тайно. В своем правлении он первым делом обращал внимание на положение подданных, ремесленников и землепашцев. Он сократил их долю налога, который называется *fai'a*, взимавшегося с них ежегодно, отменил эту практику и запретил его собирать, компенсируя из других источников пансион тех, кто получал его по этой статье

доходов. Это произошло в месяце раджаб 526 года (начался 18 мая 1132 г.), и во всех концах его доминионов люди восхваляли его и благословляли его имя. Он также проявлял храбрость, силу, отвагу, настойчивость и рассудительность, которых люди и не ждали от него, и примеры этому, которые мы приведем в нужном месте, говорят сами за себя.

Прежде всего примером этому служат захваты замков Аль-Лабва и Аль-Раас[1], находившихся в руках офицеров, которые владели ими от имени его отца Тадж аль-Мулюка и по его приказу занимали эти посты.

Шамс аль-Мулюк получил сообщение о том, что его брат, Шамс аль-Даула Мухаммад, правитель Баальбека, предприняв против них определенные меры, заставил их отдать эти замки, и, решив оставить их под своим собственным управлением, направил туда своих преданных офицеров и правителей. Шамс аль-Мулюк рассердился на направленные против него действия и написал брату, дружески упрекая его и указывая на неправильность такого отношения, и просил его оставить посягательства[2] на эти два замка и восстановить их в прежнем состоянии. Но брат отказался выполнить его просьбу. Тогда Шамс аль-Мулюк долгое время не обращал внимания на это дело и даже не упоминал о нем, но вместе с тем вел подготовку для атаки на эти замки, когда никто даже не догадывался о его намерениях и целях. Когда же наконец он вышел из Дамаска с аскаром и военным снаряжением в месяце зу-л-каада (начался 13 сентября 1132 г.) этого года (526), он сделал вид, что направляется на север, но потом повернул назад и по другой дороге направился на запад, а не на восток. В то время как гарнизон замка Лабва даже не догадывался о его приближении, он стал перед ним лагерем и незамедлительно атаковал замок с такой отвагой и решимостью, что любое сопротивление оказалось бесполезным. Правитель, предчувствуя поражение при таком яростном натиске и зная, что ни при

Л а б в а (Лебона) и Р а а с-Балабакк («Исток Баальбека», т. е. реки Оронт), обе находятся в Бекаа, к северу от Баальбека.

[2] В тексте написано *an-nuzula 'alaihimā* «осаждать их», но *alaihimā*, вероятно, ошибочно использовано вместо *'anhumā*.

каких обстоятельствах он не может рассчитывать на пощаду, в тот же день запросил перемирия. Его просьба была удовлетворена, и надежды оправдались, и тогда он вышел из замка и сдался Шамс аль-Мулюку, который назначил свой гарнизон и офицера, на способности и энергию которого в защите замка мог рассчитывать. Как только он покончил с Лабвой, он отправился маршем к замку Аль-Раас, правитель которого поступил таким же образом, и тогда он завладел замком и посадил в нем своего правителя.

Оттуда он отправился дальше и стал лагерем у Баальбека, правитель которого, его брат, уже провел подготовку и набрал рекрутов, вдобавок заручившись поддержкой большого войска крестьян из Бекаа и окрестных гор, а также банд грабителей. Шамс аль-Мулюк осадил город и атаковал его конными и пешими воинами. Защитники Баальбека вышли сообща против него, многие были убиты, а большое их число ранены, потери были и среди тех, кто оборонял стены. Несколькими днями позже он яростно атаковал пригороды, а его аскар занял позиции вокруг всего города, чтобы атаковать его одновременно со всех сторон.

К этому времени огромное число находившихся в стенах города защитников было убито и ранено. Тогда Шамс аль-Мулюк установил катапульты напротив города и замка и непрерывно обстреливал их. Когда правитель города увидел, с какой яростью он наседал, убедился в его намерении остаться и продолжать атаки, он направил Шамс аль-Мулюку послание с обещанием верности и подчинения, прося сохранить за ним собственность, которой он владел во времена его отца. Шамс аль-Мулюк, руководствуясь братской привязанностью, забыл о том, что случилось в прошлом, согласился с этой просьбой и любезно предоставил ему то, что он просил. На этих условиях между ними было достигнуто согласие, и Шамс аль-Мулюк со своим аскаром вернулся в Дамаск, радостный и победоносный, в начале месяца мухаррама (середина ноября)[1].

---

[1] В тексте добавлено «этого года».

Год 527 от хиджры

(12 ноября 1132 г. — 3 октября 1133 г.)

В месяце мухаррам из владений франков пришло сообщение о споре, возникшем между ними, — хотя для них это было необычным делом, — и ссора закончилась схваткой, в которой многие из них погибли.

В этом же году отряд туркмен встретился с правителем Зарадны и его кавалерией, нанес им поражение, убил его и его спутников и захватил всех их лошадей и животных. Говорили также, что Ибн Данишменд[1] победил и истребил значительный отряд, прибывший из Константинополя, убив греков и тех, кто был с ними.

На 17-й день второго месяца джумаада (25 апреля 1133 г.) эмир Савар совершил рейд со своей конницей из Алеппо на Телль-Башир. Франкские рыцари, находившиеся в городе, вышли ему навстречу, и примерно тысяча их, конных и пеших, была убита, а их головы отвезены в Алеппо.

Когда Шамс аль-Мулюк вернулся из Баальбека, уладив все дела со своим братом, правителем города, как рассказывалось выше, из земель франков ему пришло сообщение об их злобных намерениях нарушить договор, основанный на общем согласии. Некоторые купцы Дамаска жаловались ему, что правитель Байрут захватил у них несколько отрезов тканей на значительную сумму. Тогда он написал командиру франков и потребовал вернуть эти вещи их собственникам, правомочным обладателям, но, несмотря на длительную переписку, франки не выполнили его требования. Злоба и отвращение подталкивали его ответить им тем же, но он скрыл эти желания, не выказав их даже своим приближенным офицерам и придворным, и занялся подготовкой к осаде Банияса, чтобы забрать город у проклятых, которые его захватили. Шамс аль-Мулюк отправился туда в конце месяца мухаррама этого года и, став лагерем перед городом в воскресенье, 1-й день месяца сафара (11 декабря), повел свой аскар на штурм. Гарнизон города состоял из

[1] См. с. 38.

значительного числа конных и пеших воинов, но, когда он столь неожиданно напал на них, защитников охватил страх, и их боевой дух упал. Шамс аль-Мулюк приблизился к стене города вместе с прятавшимися под сводчатыми щитами[1] хорасанцами[2] и стенобитными орудиями, и, когда он слез с лошади, отряд тюрок тоже спешился и осыпал защитников стены градом стрел. Те укрылись, и никто не высовывал головы, скрываясь от многочисленных лучников. Тогда Шамс аль-Мулюк приказал сомкнуть сводчатые щиты в том участке стены, который он считал слабым, и мастера по прокладке минных галерей пробили стену насквозь, проникли через этот проход и стали заполнять город во все большем числе. Находившиеся в городе франки спасались в цитадели и на бастионах, где защищались, отбивая все атаки. В это время Шамс аль-Мулюк захватил город, открыл ворота и убивал или захватывал в плен всех встречавшихся ему на пути франков. Когда укрывшиеся в цитадели и на бастионах войска увидели, что произошло, что город захвачен, их непрестанно атакуют, неоткуда ждать помощи, и никто не помешает врагу атаковать их, они запросили перемирия, получили согласие и сдались в плен. Шамс аль-Мулюк, захватив город, учредил в нем гарнизон из отважных воинов, способных защитить его, и отправился со своим аскаром, пленными и головами убитых, а также с женщинами и детьми прежнего правителя и множеством военного имущества в Дамаск, куда и прибыл в четверг, 6-й день месяца сафара этого года[3]. Население города вышло ему навстречу поглазеть на связанных веревками пленных и головы убитых на пиках. Увиденное порадовало глаза и сердца народа, подняло его дух, все были довольны и непрестанно восхваляли Всемогущего Аллаха за эту славную победу и поразительный успех, дарованный Им. Слухи об этом событии распространились среди франков, переполнив их страхом и беспокойством. Их сердца охватил ужас, и они не могли

Ad-daraq al-jafatiāt.

То есть саперы; сравните у Усамы (ред. Хитти) с. 73, перев. с. 102.

В дату вкралась ошибка — это должен быть либо четверг, 5-е число, либо пятница, 6-е число месяца сафара (15 или 16 декабря).

понять, как мог Банияс быть захвачен так быстро и просто, несмотря на силу его укреплений и число защитников. Они также скорбели по убитым рыцарям, конным и пешим.

В этом году Шамс аль-Мулюк Измаил решил отправиться к Хаме, осадить город и забрать его у тех, кто завладел им. Готовясь к походу, он скрывал свои намерения от всех, однако слухи о его решении дошли до командующего, который со всей энергией стал укреплять фортификационные сооружения и готовить для их защиты все необходимое оборудование. Об этом было сообщено Шамс аль-Мулюку, но он не обратил внимания на эту активность и не оставил своих планов. Напротив, он выступил в поход в последние десять дней месяца рамазана 527 года (конец июля 1133 г.). Многие главные эмиры и придворные пытались удержать его и советовали ему не отправляться в этот поход, но он не обращал никакого внимания на их слова и даже не отвечал на их доводы. Его уговаривали отложить поход до окончания поста, до завершения которого оставалось лишь несколько дней этого священного месяца[1], и праздника (по его окончании), и приступить к выполнению своего плана после. Но он не прислушался к этому совету, ни с кем не посоветовался и вознамерился отправиться в поход во время поста, когда население и гарнизон города не будут начеку, считая, что никто в такие дни не придет, а будет ждать окончания праздника, когда у войска закончатся отпуска. Поэтому он незамедлительно отправился туда маршем, стал перед городом лагерем и тут же атаковал его жителей в сам праздничный день (1-й день месяца шаввала — 5 августа). Грядущая опасность наполнила жителей города ужасом, и, когда он без задержки атаковал их значительными и хорошо вооруженными силами, они отчаянно защищались на улицах и в домах, под градом стрел. В этот день его аскар вернулся в лагерь, нанеся тяжелые потери защитникам убитыми и ранеными, грабежами и захваченными трофеями. На следующий день Шамс аль-Мулюк атаковал их ранним утром, рас-

[1] Все мусульмане ежегодно соблюдают пост в месяце рамазан.

пределив конных и пеших воинов вокруг города (чтобы отвлечь защитников одновременно) со всех сторон, и сам пошел в атаку со своей личной охраной, состоящей из тюрков, гулямов, и значительными силами пеших и конных воинов. Выбрав слабый участок в обороне Хамы, он направил свой удар именно туда, намереваясь прорваться в город. Ожесточенные атаки на воинов и лучников, оборонявших это место, заставили их уступить ему дорогу, и он лично прорвался в город на этом участке. Жители спасались и просили мира, а гарнизон города согласился сдаться ему в обмен на гарантии жизни. Шамс аль-Мулюк не только пощадил их, но и подарил им почетные одежды и другие подарки. Он также издал указ, запрещающий трогать горожан, и потребовал вернуть им все награбленное. Тогда большая часть войска вышла из цитадели, моля о мире, и он также одарил их одеждами и подарками. Когда правитель увидел это и понял свое бессилие устоять перед ним, он тоже запросил безопасности для себя, и Шамс аль-Мулюк дал ему такое обещание. Тогда правитель сдал ему цитадель со всем, что в ней находилось, и она перешла в его руки вместе с городом быстро и без труда. Учредив там гарнизон под командованием надежного и верного правителя, Шамс аль-Мулюк теперь направился в Шейзар, разбил там лагерь и приказал опустошить все окрестности. Он оставался на своих позициях, пока не успокоился и в нем не возобладали благие намерения. Тогда он отправился обратно в Дамаск, куда и прибыл, радостный и победоносный, в месяце зу-л-каада этого года (сентябрь 1133 г.).

В этом году эмир аль-Мунтади Абу-л-Фаварис Ваттаб бен Мусафир аль-Ганави прибыл после выполнения своей миссии из Египта в субботу, 26-й день месяца зу-л-каада (30 сентября), с ответом на письмо от Шамс аль-Мулюка. Он преподнес подарки, которые привез с собой: прекрасные одежды, сундуки с египетскими диковинками, коней и большую сумму денег, и тогда привезенное им письмо было зачитано. Он оставался в Дамаске, пока готовили его в обратный путь, после чего отправился назад в Египет в субботу, 28-й день первого месяца раби 528 года (27 января 1134 г.).

В месяце зу-л-хиджа (октябрь) пришло сообщение о прибытии значительных сил туркмен в северный район, об их набегах на Тарабулюс и замки франков, расположенные в его провинциях, в результате чего было убито огромное число франков, захвачено много трофеев и животных. Говорили, что правитель Тарабулюса Понс, сын Бертрама Сен-Жилльского[1], вышел против них с силами, которые собрал в провинциях, и вступил в бой с аскаром туркмен, но те разбили его наголову, и Аллах даровал им победу над его богом забытым сбродом. Большая часть его людей, защитников города и рыцарей, была убита, и он бежал с кучкой оставшихся в замок, известный под названием Баарин[2], за стенами которого они укрылись. Армия тюрок[3] стала перед ним лагерем и осаждала до тех пор, пока запасы продовольствия и воды в крепости не иссякли, и большое количество людей и лошадей не умерло. Франки разработали стратегию и воспользовались случаем, когда туркмены ослабили свою бдительность, чтобы пробиться из замка. Из него вышло примерно двадцать человек, вместе с их предводителем, и им удалось бежать в Тарабулюс. Король Понс (Талула), правитель Тарабулюса, написал королю франков в Акке, прося его и проживающих на его территориях франков прийти ему на помощь. Собралось большое войско франков и пошло на туркмен, чтобы заставить их снять осаду Баарина и помочь их людям, которые еще оставались там. Узнав об их намерениях, туркмены вышли им навстречу, истребили большое их количество, и могли бы разбить их полностью, если бы те, все вместе, не отступили в Рафанию. Позже им было сообщено, что франки ушли оттуда и возвращаются назад по прибрежной дороге, и тогда туркмены, печалясь по поводу ускользнувших от них трофеев, разбрелись по своим собственным районам.

В месяце сафар этого года правитель Иерусалима, король франков, выступил со своими конными воинами к границам провинции Алеппо и прибыл к местечку под на-

---

Buns (в тексте — *Bund*) *Talūlā ibn Badrān as-Sanjūlū*.

[2] Mons Ferrandus (*лат.*), к северу от Рафании.

[3] *Al-Atrāk*.

званием Наваз[1]. Эмир Савар, который был представителем (Занги) в Алеппо, вышел против него с аскаром Алеппо и небольшим количеством туркмен, присоединившихся к нему. Обе армии встретились и приступили к военным действиям, пока не оказались на территории Киннасрина, и тогда франки атаковали мусульман и нанесли им сокрушительное поражение, в котором было убито примерно сто мусульманских всадников, включая нескольких именитых и уважаемых лидеров. Сами же франки потеряли еще больше людей. Побежденная армия добралась до Алеппо, а франки продолжили свой поход к Киннасрину, а оттуда дальше, к Аль-Мукаваме и Накире[2]. Эмир Савар снова выступил против них из Алеппо с остатками своего аскара и туркмен. Повстречав отряд франков, он атаковал их, обратил в бегство и убил около сотни всадников. Побежденные франки отступили в свои собственные земли, а мусульмане вернулись в Алеппо с головами убитых и трофеями. Таким образом, печаль первого поражения сменилась радостью второй дарованной победы. Король прибыл в Антиохию, а Савару пришло сообщение о передвижении конницы из Аль-Рухи. Узнав об этом, он и Хассан аль-Балабекки выступили против них в северные территории и истребили их всех до последнего человека, захватив в плен тех, кто попался им в руки живым. После этого они вернулись в Алеппо, невредимые и победоносные, и привезли с собой пленников и головы убитых.

Год 528 от хиджры

(1 ноября 1133 г. — 21 октября 1134 г.)

В этом году Шамс аль-Мулюк Измаил бен Тадж аль-Мулюк выступил со своим аскаром в Шакиф-Тирун, который находился в горах у прибрежной зоны Бейрута и Сидона, и завладел им в пятницу, 24-й день месяца мухаррама (24 ноября), отбив его у Даххак бен Джандала аль-Тамими, который провозгласил себя его хозяином.

К северо-западу от Атариба. В печатном тексте Навар.

Накира — одна остановка к северу от Маарат-ан-Нумана. В тексте — *Naqira al-Ākharīn* (?).

В этом же году Шамс аль-Мулюк отправился в конце первого[1] месяца раби (конец января) в свои охотничьи владения в окрестностях Сайдная и Асала[2]. Во вторник, 9-й день второго месяца раби (6 февраля), когда он отделился от личной охраны и приближенных офицеров, один из тюркских мамлюков его деда атабека Захир аль-Дина, по имени Илба, воспользовался случаем, когда они остались одни, набросился на него и собрался нанести ужасный удар саблей с намерением отрубить ему голову. Но Аллах Всемогущий распорядился по-своему, и сабля выпала из руки мамлюка, когда он еще ничего не успел сделать. Он тут же соскочил с лошади и нанес второй удар князю, который пришелся по шее лошади и убил ее. Князь оказался между ним и его лошадью и сдерживал убийцу, пока не стали прибывать охранники во все большем количестве, а нападающий бежал. Князь послал за ним в погоню группу всадников, чтобы те выследили и схватили его, а сам вернулся в город. Когда сообщение об этом распространилось вокруг, люди растерялись и переживали за него, но, когда князь появился, живой и здоровый, все улеглось. Посланные в погоню за убийцей всадники тщательно прочесали в поисках его горы, дороги и перевалы, пока наконец не нашли, но и тогда он успел ранить стрелами многих из них, пока не был схвачен. Когда его привели к Шамс аль-Мулюку, тот спросил: «Что толкнуло тебя к таким действиям?» — и он ответил: «Я свершил это дело только лишь на благо Аллаха Всемогущего, чтобы убить тебя и освободить народ от тебя потому, что ты угнетаешь бедных и слабых, ремесленников, рабочих и землепашцев, притесняешь как воинов, так и мирных жителей». Он также назвал имена нескольких не причастных членов стражи, которых обвинил в заговоре для свершения этого преступления. Князь арестовал их и хладнокровно предал смерти. Люди порицали его за казнь этих стражников на основе лишь голословного обвинения, без каких-либо доказательств и свидетельств. Но даже несправедливая казнь этих людей не удовлетворила князя, фактически он подозревал

---

[1] В тексте «второй месяц раби», что противоречит дате, следующей за этим.

[2] 15—20 миль к северу от Дамаска.

во всем своего брата Савиндж бен Тадж аль-Мулюка и, несмотря на то что он был старшим братом Савинджа, предал того страшной смерти от голода в каземате. Он доходил до крайности в своей жестокости и тирании и не останавливался ни перед чем.

В месяце зу-л-каада этого года (начался 23 августа 1134 г.) из земель франков до Шамс аль-Мулюка дошли сведения об их намерении разорвать договор о перемирии и нарушить дружественные отношения, установленные между ними, об их подготовке и объединении сил, набегах и разграблении провинций Дамаска. Получив эти новости, Шамс аль-Мулюк начал собирать своих воинов и призвал на помощь туркмен изо всех провинций. Ему сообщили, что франки направились к Хаурану, и тогда он вышел со своим аскаром им навстречу и стал лагерем напротив их. Франки начали опустошать основные обрабатываемые поместья Хаурана, и между двумя этими силами стали происходить столкновения. У франков число как конных, так и пеших воинов было столь велико, что они окружили мусульман в их лагере, и ни один конный или пеший воин не мог выйти оттуда, не рискуя погибнуть от стрел. Такая дуэль лучников между двумя сторонами продолжалась несколько дней, пока Шамс аль-Мулюк не обманул их и не вышел со значительной частью своего аскара, застигнув врагов врасплох. Направившись в города Акку, Назарет и Тиверию и их окрестности, он захватил огромное число скота, тягловых животных, мужчин, женщин и детей, убивая и обращая в рабство всех, кто встречался ему на пути, сжигая все вокруг. Руки туркмен отяжелели от захваченных трофеев. Когда новости об этом дошли до франков, они опешили, растерялись и стали беспорядочно покидать свой лагерь, направляясь в свои собственные земли. Узнав об этом, Шамс аль-Мулюк отступил назад в свой лагерь по пути через Аль-Шаара[1]. Ни он сам, ни его силы не пострадали, остались победоносными и захватили большие трофеи. Когда франки добрались до своих районов и увидели, что с ними стало, какое несчастье обрушилось на их народ, они опечалились, утратили свой боевой дух и поникли

Обычное название местечка в Сирии («кусты»); здесь имеется в виду, вероятно, район к северу от озера Хуле и Кунайтры.

сердцем, их единство распалось, и они стали слезно просить (Шамс аль-Мулюка) о перемирии. Шамс аль-Мулюк с радостью вернулся в Дамаск в конце месяца зу-л-хиджа этого года (середина октября).

В этом же году пришло сообщение о том, что эмир, атабек Имад аль-Дин и эмир Хусам аль-Дин Тимурташ, сын Иль-Гази бен Ортука, объединенными силами напали на территории Дауд бен Сукман бен Ортука. Дауд пошел на них со своим аскаром, и оба войска встретились у ворот Амисы. Дауду пришлось отступить, его аскар разбежался, несколько его детей попали в плен, а многие его офицеры были убиты. Это случилось в пятницу, последний день второго месяца джумаада (27 апреля). Имад аль-Дин стал лагерем у Амисы, осадил город и срубил все деревья вокруг, но, не добившись успеха, отступил. Сообщалось также, что атабек Имад аль-Дин разбил свой лагерь у замка под названием Аль-Сур и захватил его после осады в месяце раджаб этого года (28 апреля — 27 мая). В этом году также поступали сообщения из окружения эмира, атабека Имад аль-Дина о его намерении подготовить наступление на Дамаск, чтобы окружить его и взять в осаду, и о том, что все его силы направлены на подготовку к этому.

Год 529 от хиджры

(22 октября 1134 г. — 10 октября 1135 г.)

В этом году среди официальных лиц и простого народа Дамаска распространились слухи о его правителе, эмире Шамс аль-Мулюк Абу 'л-Фат Измаиле. Говорили[1], что он вел себя исключительно аморально, совершал запрещенные религией поступки, что свидетельствовало о деградации его ума, был склонен к несправедливости и отступил от ранее характерного для него рвения блюсти интересы веры и вести священную войну против еретиков. Он начал захватывать собственность официальных лиц и правителей, выдвигая злобные и клеветнические обвинения против знатных людей провинций. Он взял к себе на службу

[1] В переводе этот отрывок сокращен.

некоего курда из Химса, известного как Бертрам Неверный, человека несведущего в исламе и его принципах, в вере и ее догматах, который грубо нарушал все обязательства, принятые в отношении любого мусульманина. Его наняли для того, чтобы он изымал подлежащую конфискации собственность официальных лиц и знатных людей с помощью жестоких, придуманных им пыток, различных отвратительных угроз и оскорбительных слов. Помимо такого коварства и безобразного поведения, Шамс аль-Мулюк проявлял все большую алчность и постоянную склонность к недостойным поступкам, например, он враждебно и тиранически обращался с простыми и презренными простолюдинами. <...> Помимо этих позорных деяний и порочных качеств, он тайно предложил конфисковать собственность своих конфиденциальных секретарей, приближенных офицеров и личной свиты из числа эмиров и высоких чиновников. Он решил начать с Сайф аль-Даула Юсуф бен Фируза[1], который в прошлом пользовался высочайшим почетом со стороны его отца, а позже и его самого. О его замысле стало известно, и Юсуф бен Фируз сбежал от него в Тадмур, посчитав за счастье находиться вне досягаемости коварного князя. В самый разгар этой смуты и нестабильности Шамс аль-Мулюк, узнав о намерении эмира, атабека Имад аль-Дина пойти на Дамаск, осадить и блокировать город с целью завладеть им, написал ему и просил его поспешить с этим, так как он и сам хотел сдать город ему, чтобы отомстить всем командирам, эмирам и знати, которыми он был недоволен, придать их смерти, захватить их собственность и изгнать их из их жилищ. Все это зиждилось на какой-то надуманной причине и каком-то непонятном замысле, родившемся в его неуравновешенной голове. Он непрерывно писал письма, настаивая на скорейшем его приходе, без каких-либо задержек и отсрочек, заявляя в ходе своих переговоров: «В случае невнимания или пренебрежения к этому делу либо задержки, я буду вынужден призвать франков из их земель

Шихна или военный правитель Дамаска. Он получил Тадмур (Пальмира) в качестве фьефа от Тадж аль-Мулюка, значительно укрепил и снабдил город продовольствием и укрылся там в 1-й день месяца мухаррама этого года.

и сдать им Дамаск со всем, что в нем находится, и тогда кровь его жителей будет на совести его [Имад аль-Дина]». Вместе с тем он хранил свой замысел в тайне от всех его старших офицеров и придворных, поскольку все его письма по этому поводу были написаны его собственной рукой. Он также стал перевозить деньги, сосуды и одежды из своей казны в замок Шархад, пока все ее содержимое не перекочевало туда, замыслив использовать все это добро на свое собственное благо и впоследствии предать всех своих придворных смерти.

Когда дело раскрылось, его тайные мотивы стали известны, и он начал[1] арестовывать своих офицеров, секретарей и официальных лиц, а также жителей Дамаска и интендантов поместий[2], эмиров, командиров и начальников бывшей стражи атабека, все воины и граждане озлобились на его поступки, опасаясь за свои собственные судьбы в случае исполнения такого сомнительного плана. Они прекрасно знали, как поведет себя атабек Имад аль-Дин в случае захвата их города. Тогда они обсудили создавшееся положение между собой и рассказали о ситуации с князем его матери, Хатун Сафуат аль-Мульк. Ужаснувшись такому положению дел и его поступкам, она призвала его к себе и отчитала в крепких выражениях. Ее благие желания, праведное отношение к религии и уравновешенный разум заставили ее задуматься над тем, как искоренить это зло и восстановить благополучие Дамаска и его жителей. Тогда она здраво и тщательно обдумала ситуацию и не нашла никакого другого решения, кроме как избавиться от сына и таким образом ликвидировать источник постоянно усиливающегося по его вине беспорядка. Лидеры и старшие офицеры стражи помогли ей советом, одобрили ее суждения и настаивали на скорейшем осуществлении ее планов, пока их не раскрыли и возможность не была упущена, добавив, что ее сын не должен об этом ничего знать и не должен догадываться о каких-либо последствиях для себя. Тогда она приступила к осуществлению этого плана и стала ждать возможности, когда князь останется один. Наконец, такая возможность

Следует читать *washara* вместо *shara'a*.
Muqaddamī 'ddiyā'.

представилась, он остался без стражи и оруженосцев, и она приказала своим стражникам без промедления убить его, не проявив к нему ни сострадания, ни жалости за его злобные деяния, деградацию ума и достойное порицания порочное поведение. После его убийства она приказала отнести его тело и оставить в определенном месте во дворце, где его смогут найти охранники. Все возрадовались такой перемене, люди были рады избавиться от него и постоянно восхваляли Всемогущего Аллаха за это. Все также непрестанно благодарили и благословляли его мать. Это случилось в среду, в первой половине 14-го дня второго месяца раби 529 года[1].

Между тем человек, которого знали как Бертрама Неверного (да проклянет его Аллах), покинул князя во вторник, предшествовавший среде, когда тот был убит, получив тайные инструкции выполнить для него одно злое дело. Когда он вернулся домой во второй половине этого дня, Аллах ниспослал на него ужасную болезнь, по причине которой у него перехватило дыхание, язык распух так, что заполнил весь рот, после чего он и скончался. Второе событие произошло на следующий день, и все люди всячески восхваляли Аллаха Всевышнего, прославляя великое Его знамение и проявление Его великой силы.

Незамедлительно была выпущена декларация всеобщей верности брату Шамс аль-Мулюка эмиру Шихаб аль-Дин Махмуду, сыну Тадж аль-Мулюк бен Атабека. Он занял трон брата в присутствии своей матери, Хатун Сафуат аль-Мульк, а эмиры, главные воинские командиры и знатные горожане предстали перед ним и поздравили его с эмиратом. Они принесли ему и его матери клятву верности, преданности своей службе, обещали поддерживать их сторонников и бороться с их врагами, и каждый человек произносил эту клятву с радостью в сердце, полный надежд. Радовались все, знатные и простые, трудно

Календарный день, соответствующий этому, — пятница, 1 февраля 1135 г., но при сравнении с приведенными ниже датами становится ясно, что отсчет в Дамаске велся по крайней мере на день вперед по сравнению с астрономическим календарем.

описать это счастливое событие и эти похвальные деяния, так как народ уверовал в избавление от висевшего над всеми ужаса, и тогда общественные дела упорядочились и надежды осуществились.

В это время пришло несколько писем с сообщениями о приближении Имад аль-Дина с его аскаром и его спешной переправе через Евфрат с целью захвата Дамаска у его правителя Шамс аль-Мулюка. [Немногим позже] прибыли его посланники для составления протокола о сдаче города[1], но тут они узнали, что дела теперь обстоят совсем иначе, и планы изменились. Несмотря на это, их приняли с почестями и уважением, всячески ублажали и отправили назад с самым вежливым и дружественным письменным ответом, из которого Имад аль-Дин узнал о фактическом состоянии дел, о единстве населения в защите династии и ее наследия, а также о стремлении поддерживать взаимные дружеские отношения.

Получив такой ответ и ознакомившись с его содержанием, Имад аль-Дин отказался его учесть и не оставил намерения завладеть Дамаском в надежде на то, что эмиров и начальников стражи все еще раздирают фракционные противоречия. Однако дела обстояли совсем не так, как он их себе представлял. Тогда он продолжил свой поспешный марш, пока не достиг пригородов Дамаска и не стал лагерем в районе от Адхры до Аль-Кусаира[2] в начале первого месяца джумаада 529 года (начался 16 февраля 1135 г.). После получения новостей о его намерениях началась активная подготовка к отражению его нападения. Окрестные поместья опустели, и люди в панике приходили в город. Когда Имад аль-Дин занял осадные позиции, все стали готовиться к схватке с ним и объединились, чтобы отразить его атаки и изгнать его. Ситуация оставалась неизменной, как и твердое решение народа противостоять ему. Всех воодушевляла великая цель, решимость вступить в борьбу и подготовиться к отражению его наступления на город. В это время Имад аль-Дин перешел от Адхры к Южному перевалу[3]. Он снова и снова подтягивал свой аскар, рас-

---

Litaqrīri 'l'amri.

Примерно в 10 милях на северо-восток от города.

Al 'Aqaba al-qiblīya, см. с. 126 сноску 1.

пределив его по многим пунктам, подобно многочисленным кавалькадам[1], пока они не приблизились к городу вплотную. Но тут от вида огромного вышедшего из города войска, аскаров и городских рекрутов, блеска их оружия, когда Мусалла и другие места наполнились [войсками], а на всех дорогах устраивались засады, его охватил страх и он отказался от дальнейшего наступления. Каждый день дезертиры из его аскара приходили под гарантии безопасности, и это не считая [потерь, которые он нес] из-за краж его лошадей и захвата имущества их хозяев.

Шел день за днем, а усилия Имад аль-Дина не приносили никакого результата, его цель оставалась такой же недостижимой, и тогда он направил посланника с предложением мира и признания его сюзеренитета и потребовал, чтобы эмир Шихаб аль-Дин Махмуд, сын Тадж аль-Мулюка, вышел из своего лагеря, чтобы отдать почести сыну султана, который его сопровождал, и пообещал наградить его почетными одеждами и позволить вернуться обратно в город. Он составил свое письмо в дружеских выражениях и раздавал всяческие обещания, но, несмотря на это, требование о том, чтобы Шихаб аль-Дин вышел из города, было отклонено, и вместо этого было решено, что выйдет его брат Тадж аль-Мулюк Бахрам-шах, сын Тадж аль-Мулюка (вместо него).

В это время случилось так, что *ra'is* Бишр бен Карим бен Бишр прибыл в качестве посланника от халифа Аль-Мустаршида Биллаха, командующего правоверными, к атабеку Имад аль-Дину, привез с собой почетные одежды, специально изготовленные для него, вместе с приказом покинуть Дамаск и не вмешиваться в его дела, а вместо этого прибыть в Аль-Ирак, чтобы принять правление городом и вести все его дела, а также повеление о том, что имя султана Алп-Арслана, который проживал в Мосуле, должно упоминаться при чтении хутбы[2]. Это посольство вместе с

Написано *kalmawākibi* вместо *kalmarākibi* («как корабли»), если только последнее не используется в смысле первого.

[2] См. с. 99. Алп-Арслан, «сын султана», о котором упоминалось в предыдущем абзаце, был сыном Мугит аль-Дин Махмуда (правил 1117—1131) и приходился племянником правящему султану Ирака Гийас аль-Дин Масуд бен Мухаммаду (1133—1152). Халиф Мустаршид был на грани ссоры (которая стоила ему жизни) с султаном Гийас аль-Дином.

кади Баха аль-Дин Ибн аль-Шахразури прибыло в Дамаск, чтобы заключить соглашение и проследить надлежащее выполнение указа во время пятничной молитвы в 28-й день первого месяца джумаада (15 марта). Соглашение было составлено, клятвы принесены, и оба посланника после посещения кафедральной мечети и пятничной молитвы, во время которой имя султана Алп-Арслана, как командующего правоверными, было провозглашено с кафедры, вернулись в лагерь атабека. Бахрам-шах был принят Занги с почестями и отправлен в обратный путь исключительно любезно. Атабек отправился назад в субботу, ранним утром, и страх, который наполнял сердца всех людей, сменился чувством безопасности, все успокоились после перенесенного стресса и паники и выражали огромное признание и многочисленные благодарности Аллаху.

По прибытии в Хаму атабек разгневался на его правителя, Шамс аль-Умар аль-Хавасса, из-за нескольких его дел, о которых ему стало известно[1], и все возрастающего числа жалоб жителей города на его офицеров и представителей, и поэтому, сместив его с должности, он назначил правителем человека, выбранного им самим.

Эмир Шуджа аль-Даула Базвадж и эмир Муин аль-Дин Унур, оба проявили себя достойно в этих операциях, доказав свои возможности и умение командовать регулярными войсками и рекрутами (Дамаска) во время подготовки к битве, и за свою службу получили похвалу и благодарность.

Год 530 от хиджры

(11 октября 1135 г. — 28 сентября 1136 г.).

В первый месяц раби (начинается 9 декабря) эмир Шихаб аль-Дин Махмуд, сын Тадж аль-Мулюка, получил в свое владение город и цитадель Химс. Когда сыновья Кир-Кан бен Караджа, которые находились в Химсе и его цитадели, и Кумарташ, который правил там от их имени, увидели, как настойчиво эмир атабек Имад аль-Дин вел осаду города, с какой энергией стремился к достижению

[1] Следует читать *zahara* вместо *'azhara*.

своей цели захватить и удержать его так же, как он поступил с соседним городом Хама, с какой яростью он, непрерывно его атакуя, прорвал оборону города, и когда они поняли свою неспособность удержать его, ввиду нехватки в нем продовольствия, тогда они направили к Шихаб аль-Дину посланника с просьбой назначить его собственного офицера, чтобы тот принял Химс, а им за это дал то, что сочтет возможным. Управляющий Сайф аль-Даула Юсуф бен Фируз взялся устроить это дело, так как горел желанием занять Химс и перебраться туда из Тадмура, поскольку это была сильная и прекрасно укрепленная крепость. Он действовал как посредник и просил разрешения прибыть в Дамаск для обсуждения и составления соглашения по этому вопросу. Получив разрешение, он прибыл в Дамаск, где состоялся длительный обмен мнениями, в результате которого было принято решение передать Химс и его крепость Шихаб аль-Дину, а взамен отдать Кумарташу Тадмур. Эти условия были одобрены, а их соблюдение закреплено клятвой. Шихаб аль-Дин вышел из Дамаска со своим аскаром и отправился туда. После прибытия Кумарташ вместе с сыновьями и семьей Кир-Кана забрал свое добро, оставил цитадель и передал ее Шихаб аль-Дину. Он вступил во владение ею в воскресенье, 22-й день первого месяца раби 530 года (29 декабря 1135 г.), расположился в цитадели, учредил там гарнизон и поручил управление управляющему Юсуф бен Фирузу при условии, что тот будет пребывать там на положении представителя эмира Муин аль-Дин Унура аль-Атабеки, как и было оговорено. Шихаб аль-Дин также писал в различные места письма с требованием прислать для укрепления города продукты и все необходимое и, наладив все дела, вернулся в Дамаск.

Эмир Савар, представитель Имад аль-Дина в Алеппо и назначенный атабеком правитель Хамы, начал устраивать набеги на районы и посевы Химса. После этого состоялся обмен посланниками и письмами, в результате которого было установлено перемирие, и в течение оговоренного периода поддерживались дружеские и мирные отношения, поскольку причины конфликта были устранены и все вопросы решались на благо обеих сторон.

В субботу, 13-й день месяца шаабана (16 мая), с севера поступило сообщение о том, что эмир Масуд Савар с отрядом туркмен вышел из Алеппо и отправился с ними в провинции франков, захватил большую часть из них, завладев при этом огромными трофеями. Подтверждающие этот успех сообщения поступали со всех сторон, преувеличивая и раздувая факты. Пришло письмо из Шейзара, подтверждающее благие слухи о данном событии и содержащее подробный рассказ о нем, почему его содержание и приводится здесь как подтверждение этих сообщений и детальное повествование со всеми подробностями. Вот это письмо:

«Последние новости, полученные нами в этих местах, таковы, что во имя веры мы должны поведать их другим и поздравить с этим событием всех мусульман. Туркмены (да умножит Аллах их число и поддержит их в трудную минуту) собрались численностью в три тысячи всадников, создали полностью оснащенное войско и спешно отправились набегом на города и районы Лаодикии, где их никто не ждал, и мало что было сделано для отражения их набега. Они вернулись в Шейзар в среду, 11-й день месяца раджаба (15 апреля), и привели с собой более семи тысяч пленных, мужчин, женщин, юношей и девушек, и сто тысяч голов скота, включая коров, овец, коз, лошадей и ослов. Район, который они захватили и опустошили[1], превышает сотню деревень, больших и малых. Они наступали волна за волной[2], и вся Сирия теперь наполнена пленными и животными. Такое несчастье еще никогда не обрушивалось на неверных франков. Более того, все эти пленные будут проданы по разумной цене, и никакие скидки не будут делаться с первой объявленной цены. Туркмены отвели пленных в Алеппо, Диярбакыр и Джазиру.

В конце дня в среду 24 мая[3] над Дамаском собрались черные тучи, от которых весь мир померк и превратился

Следует читать *ijtāhūhu* вместо *ihtājūhu*.

Wahum mutawāsilūna.

Когда автор рассказывает о погоде или урожае, он обычно использует даты из сирийского (солнечного) календаря.

в ночь. Их сменили красные облака, озарившие весь мир, а тем, кто их видел, казалось, что они горят ярким огнем. Перед этим дул сильный и порывистый ветер, который покалечил многие деревья. Говорят, что в это же время сильный ураган с ливнем бушевал примерно час над Хаураном, переполнив все реки, а ночью разразились буря с дождем, каких никто ранее не видел».

Год 531 от хиджры

(29 сентября 1136 г. — 18 сентября 1137 г.).

В этом году сообщалось о том, что Эмануил[1], король греков, вышел из Константинополя в месяце зу-л-каада (начинается 1 августа) 530 года или, по другому сообщению, в первый день месяца мухаррама 531 года. Он добрался до острова Антакия (?) и оставался там, пока 10 апреля не прибыли его корабли, тяжело груженные провизией, деньгами и военным снаряжением. Затем он осадил Никею и захватил город (или, по другому рассказу, его жители договорились с ним), потом отправился маршем дальше, завладел Аханой, Аль-Массисой и другими местами, а также силой взял Айн-Зарбу[2] после осады. Он также завладел Телль-Хамдуном, правителем которого был армянин Ибн Хайтам, и переместил его население на остров Кипр, затем он восстановил порт Аль-Искандерия (Александретта) и направился к Антиохии, разбил там лагерь и блокировал жителей города в конце месяца зу-л-каада (середина августа). Между ним и правителем города, Раймондум, сыном...[3], было достигнуто примирение, и он отправился обратно к воротам и, захватив все замки, которые еще оставались в руках сына Лео-армянина, зазимовал там.

В тексте написано *Kiyālyānī*, что может оказаться искаженным копиистом написанием *Imānyāl*.

[2] Аназабра крестоносцев, впоследствии Наварза между Сисом и Аль-Массисой (Мамистра).

[3] Это имя написано неразборчиво, возможно, это *bidafīn* = Poite-vin (?) или его первая часть может быть Kund = Comte, последняя же часть не ясна.

В месяце раджаб этого года (начался 25 марта) эмир Базвадж отправился со значительными силами туркмен аскари из Дамаска к Тарабулюсу. Его глава вышел с войском навстречу, и между ними произошло сражение. Базвадж одержал победу, убил значительное число его воинов и, помимо всего прочего, захватил замок Вади Ибн аль-Ахмара.

В месяце раджаб также Ибн Салах, правитель Хамы, отправился маршем во своими воинами к замку Аль-Хариба[1] и захватил его.

В месяце шаабан (начался 24 апреля) пришло сообщение о том, что атабек Имад аль-Дин, сын Ак-Сонкора, вышел со своим аскаром из Мосула и переправился через Евфрат в первые десять дней этого месяца. Он направился в Химс вслед за Салах аль-Дином, который возглавлял авангард аскара, и они стали там лагерем и осадили город. Его правитель, Муин аль-Дин Унур, который находился в городе, получив предложение сдаться, отказался на том основании, что город принадлежит эмиру Шихаб аль-Дину, а он является лишь представителем последнего. Тогда атабек попытался атаковать город, осаждал его несколько дней, но все его попытки не увенчались успехом, после чего он отступил в 20-й день месяца шаввала (11 июля) и стал лагерем у замка под названием Баарин с целью отобрать его у франков. Узнав об этом, франки собрали свои силы и стали лагерем неподалеку, чтобы защитить замок и поддержать людей, находящихся в нем. Прослышав об их приближении, Имад аль-Дин устроил им засаду. Когда две армии встретились, отряд тюрок побежал от франков, и они убили достаточное их[2] число по пути обратно в лагерь. Тогда Имад аль-Дин атаковал их с теми, кто прятался в засаде, истребил пеших воинов и захватил их обоз с багажом. Когда франки вернулись в лагерь и увидели, какое несчастье их постигло, они пали духом, и их охватил страх. В этот момент аскар Имад аль-Дина атаковал их, разбил и уничтожил весь отряд, убивая и захватывая в плен. В руках мусульман оказалось огромное количество трофеев в виде животных, обозов и иму-

[1] См. у Дуссауда, *Topographie*, 145—147.

[2] Местоимение может относиться к любой из сторон.

щества, и Имад аль-Дин вернулся к замку Баарин, куда бежал их предводитель, граф Анжуйский, с теми из лидеров франков, которые его сопровождали, обескровленные и перепуганные. Тогда Имад аль-Дин разбил свой лагерь и осадил замок, где они укрывались, страдая от блокады и его атак, пока запасы их продовольствия не истощились и они не стали есть собственных лошадей. Остальные франки на своих землях и в укрепленных районах собрали свои силы и присоединились к сыну Жослена и правителю Антиохии и, набрав рекрутов, отправились на помощь забытому богом и охваченному горем гарнизону Баарина, чтобы оградить его от горя, страха и истребления, угрожавших ему. Когда же франки приблизились к лагерю атабека и новость об этом дошла до него, обстоятельства вынудили его предоставить осажденным свободу, и он заключил с ними соглашение на том условии, что они признают его сюзеренитет и выплатят ему в ближайшее время оговоренную сумму в размере пятидесяти тысяч динар. Тогда он освободил людей, но забрал скот, после чего прибывшие на помощь франкам силы вернулись восвояси.

С севера пришла новость[1] о том, что эмир, атабек Имад аль-Дин покинул Алеппо со своим аскаром в пятницу, 16-й день месяца рамазана (27 мая) этого года, и стал лагерем у Химса, поставил шатры и стал атаковать город. (Там же) посланец императора греков встретился с ним.

В 4-й день месяца раджаба этого года (24 марта) эмир Базвадж направился к Тарабулюсу со своим аскаром и теми туркменами, которых сумел собрать. Правитель города вышел против него с конными франками, но тот устроил им засады в нескольких местах, и, когда франки достигли места, известного как Аль-Кура, воины из засады набросились на них и обратили в бегство. Большинство из них было зарублено, и лишь некоторым удалось спастись. Тогда Базвадж атаковал замок, расположенный в этом месте, разграбил его и убил начальников и их подчиненных, находившихся там. Он также захватил не-

---

[1] Этот и последующие абзацы представляют собой повторения с некоторыми дополнительными подробностями событий, уже описанных выше.

сколько человек, которые откупились большими деньгами, и он сам и его аскар получили большие суммы.

В месяце шаввал (начался 22 июня) соглашение о мире и дружественных отношениях было достигнуто между Имад аль-Дином и Шихаб аль-Дином, правителем Дамаска, на разумной основе.

В месяце зу-л-каада поступили сообщения о том, что император греков со своей армией покинул Антиохию, отправился к Баарину, расположенному в ее провинции[1], в 24-й день этого месяца (13 августа) и направил своего посланника к атабеку Имад аль-Дину. Эмир Савар, представитель атабека в Алеппо, с крупным эскадроном перехватил несколько подразделений греческого войска, некоторых убил, а других взял в плен и привел в Алеппо.

В этом году также люди Алеппо начали укреплять свой город и рыть рвы, чтобы защититься от греков, которые находились неподалеку.

Год 532 от хиджры

(19 сентября 1137 г. — 7 сентября 1138 г.).

Первым днем месяца мухаррама в этом году был понедельник, 20 сентября.

В этом месяце управляющий Хасан, который был послан к императору греков, прибыл вместе с посланником князя атабека Имад аль-Дина.

На 14-й день месяца мухаррама (3 октября) атабек со своим аскаром прибыл в Хаму и оттуда отправился по направлению к Бекаа. Он захватил замок Аль-Маджда[2], принадлежавший Дамаску, и Ибрагим бен Тургут, правитель Банияса в провинции Дамаска, признал его сюзеренитет.

Поступило сообщение о том, что правитель Антиохии арестовал там франкского патриарха и разграбил его дом. Причина заключалась в том, как рассказывали, что император греков при заключении мирного договора между ним и Раймундом, правителем Антиохии, одним из усло-

---

[1] Похоже, что это ошибка — вероятно, здесь Баарин назван по ошибке вместо Баграса (Pagrae).

[2] Маджда-Айнджар, см. с. 96.

вий мира назвал возможность направить в Антиохию греческого патриарха, как это делалось ранее, но в последние годы положение изменились. Раймунд, правитель Антиохии, вышел к императору греков, который стоял в лагере со своей армией у Мардж-аль-Дибаджа, и, обсудив с ним условия мирного договора, вернулся в Антиохию.

Во втором месяце раби (начался 18 декабря) атабек Имад аль-Дин отступил из (провинции) Дамаска к Хаме, разбил там свой лагерь, а потом отправился маршем к Химсу, стал там лагерем и осадил город.

В этом году франки нарушили мирное соглашение между ними и атабеком Имад аль-Дином, проявили своенравие и упрямство и стали сеять кругом зло и беспорядок, несмотря на его хорошее отношение к их начальникам, которым он не причинил вреда, когда по воле Аллаха они оказались в его руках. В Антиохии и прибрежных городах во второй месяц джумаада (начался 14 февраля) они арестовали многих мусульманских купцов, людей из Алеппо и торговцев, всего около пятисот человек.

В этом году султан Масуд проводил зиму в Багдаде, и его посыльный прибыл к атабеку в Химс. Император греков зимовал в долине Аманских ворот, разбив лагерь у Мардж-аль-Дибаджа (в окрестностях Аль-Массисы).

В воскресенье, 15-й день (первого) месяца джумаада (30 января), эмир Базвадж вышел со своим аскаром по направлению к территориям франков. Его отношения с Шихаб аль-Дином, правителем Дамаска, стали натянутыми из-за его властной манеры поведения и пристрастия к жестоким мерам. Он прославился несправедливостью в делах, предательством и обманом, взяточничеством и несносным поведением. Базвадж некоторое время оставался на подступах к городу, пока примирение не было достигнуто, и тогда он вернулся в город и стал вести себя праведно, оправдав надежды многих. Однако Шихаб аль-Дин организовал против него заговор и убил его в цитадели Дамаска руками шамсии[1] в понедельник, 6-й день месяца шаабана (18 апреля). Причина тому крылась в том, что Шихаб аль-

---

Читается как *as-Sumanīya* («буддисты»), но шамсии были армянами солнцепоклонниками (*Arevordīk* «сыны солнца»), просуществовавшими в Месопотамии до XVIII в.

Дин имел против него зуб за некоторые деяния, которые он не одобрял и которые внушили ему отвращение к нему. Более того, Базвадж неразумно распоряжался деньгами из доходов, бездумно растрачивая большие суммы. Тогда Шихаб аль-Дин задумал заговор с целью его убийства, но поддерживал с ним дружественные и доверительные отношения до тех пор, пока не представилась возможность совершить убийство. Случилось так, что Базвадж пришел навестить его в Розовом павильоне его дворца в цитадели. Шихаб аль-Дин подговорил группу армян из шамсии, входивших в его свиту, расправиться с ним и объяснил им, как это сделать. Когда же представилась возможность расправиться с ним в отсутствии его слуг, они убили его, завернули тело в плащ, отнесли к гробнице, построенной для его жены, и похоронили его там.

В воскресенье, 17-й день месяца шаабана[1], Шихаб аль-Дин одарил почетными одеждами эмира Муин аль-Дин Унура[2] и назначил его на пост исфахсаллара (главнокомандующего) с титулом атабека. Он также вернул должность управляющего Амир-Хаджиб Асад аль-Дин Акизу и, выказав им знаки доверия, передал им правление и контроль за всеми провинциями и всеми государственными делами.

В этом месяце также пришло сообщение с севера о нападении императора греков с его армией на Шейзар с целью взять город в осаду и блокировать его. Он установил у города несколько катапульт, и между ним и гарнизоном города завязалась жаркая битва. Много мусульман было убито, и город оказался на грани краха, несмотря на отчаянные попытки эмира, атабека Имад аль-Дина помочь ему воинами, оружием и военными материалами, когда он занял позиции напротив греков, а его кавалерия действовала на флангах, убивая всех, кто попадался им в руки. Обе стороны оставались на своих позициях, пока силы греков не истощились и они не отчаялись достичь своей цели. Сообщалось об их отступлении от Шейзара по направлению

---

[1] Возможно, ошибка вместо воскресенья, 19-го дня месяца шаабана (1 мая).

[2] Похоже, это правильное написание имени, обычно пишется как Анар.

к Антиохии, и люди радовались тому, что они уходили с пустыми руками без каких-либо трофеев — хвала Всевышнему Аллаху за его неистощимую щедрость.

После сказанного сейчас о греках и их деяниях следует рассказать о начале их наступления. Сначала они появились по пути из города Аль-Балат[1] в великий четверг их поста[2] и неожиданно стали лагерем перед замком Бузаа в Вади в воскресенье, их праздник[3]. Их кавалерия совершала рейды в окрестностях Хамы в 19-й день месяца раджаба (3 апреля). Многие неверные тюрки[4] бежали, спасаясь от них в Алеппо, и предупредили жителей города о [приближении] греков. Воспользовавшись этим предупреждением, горожане эвакуировали свои внешние посты[5], выставили наблюдателей, приняли меры для самозащиты, все подготовили и были начеку в ночь перед атакой. Это предупреждение беженцев явилось благословенным даром Аллаха. После того как были предприняты такие меры предосторожности и обороны, греки по своей обычной практике схватили большое число людей из Алеппо и его пригородов. Жители города отправили группу своих знатных людей к атабеку Имад аль-Дину в его лагерь перед Химсом с просьбой о помощи. Он отправил им в поддержку всех своих всадников, пехотинцев и лучников, сколько мог, вместе с определенным количеством оснащения. Их отряд достиг Алеппо на 27-й день месяца раджаба (10—11 апреля).

Сообщалось, что греки захватили замок Бузаа, который капитулировал в воскресенье, 25-й день месяца раджаба (9 апреля), после осады и блокады, а также его обстрела из катапульт. После сдачи города [король] повел себя предательски с его населением, нарушив данные им обещания. Он собрал обманутых им людей и пересчитал

Неопределенное место к северу от Атариба, где находится замок крестоносцев Телль-Акибрин, на расстоянии немногим более 25 миль к западу от Алеппо.

[2] То есть четверг перед Пасхой, 31 марта 1138 г.

[3] Следует читать *'idihim* вместо *'indahum*.

[4] *Jamā 'atun min kafiri turkin*. Эта любопытная фраза встречается снова на с. 275, I. 9 (*alwad ' atu... baina's-sultani Sinjara wa-baina kafiri turkin al-wasiti min nahiyati's-sini*) и на с. 277, I. 8.

[5] *Dammū atrafahum*.

их. Говорят, что их было пять тысяч и три сотни душ. Кади Бузаа принял христианство, вместе с многими уважаемыми горожанами и другими людьми числом примерно четыре сотни человек. Император оставался в этом месте еще десять дней, окуривая дымом несколько пещер, в которых спряталось люди, и захватил их, вынудив выйти из пещер.

В воскресенье[1], 5-й день месяца шаабана (17 апреля), греки напали на землю Аль-Наура[2], а оттуда в понедельник, 6-й день, отправились маршем к Алеппо в сопровождении армии Антиохии и сына Жослена. Они стали лагерем перед Алеппо, разбив свои шатры у реки Кувайк и на земле Аль-Саади. На следующий день император атаковал конными и пешими войсками южные и западные окраины города под углом от Бурж-аль-Ганам. Значительные силы городского ополчения Алеппо вышли против него, сражались с врагом и победили, убив и ранив[3] многих из них. Среди потерь числился знаменитый полководец греков, который с позором вернулся в их лагерь. Греки оставались у Алеппо всего несколько дней и отступили в среду, 8-й день месяца шаабана, по направлению к Сальде. Гарнизон форта Аль-Атариб бежал от них в панике в четверг, 9-й день месяца шаабана (21 апреля), предварительно предав огню съестные лавки. Это стало известно грекам, и их отряд отправился в форт, напал и захватил его, завладев всем его имуществом. Они отвели пленных, которых захватили в замке Бузаа, в пригород и загнали в ров перед Аль-Атарибом. Эмир Савар, представитель правителя в Алеппо, узнав об этом и об отходе греков от города, вышел со своим аскаром из Алеппо, перехватил их у Аль-Атариба и, нанеся им сокрушительное поражение, освободил пленников, потеряв при этом лишь несколько человек. Это свершилось в воскресенье, 11-й день месяца шаабана, и люди Алеппо очень обрадовались этой победе.

В тексте указана среда, что явно ошибочно. Соответственно, в тексте «четверг, 8-е число» был заменен на «понедельник, 6-е число».

[2] В нескольких милях к востоку от Алеппо.

[3] Следует читать *faqatalū (fīhim)* вместо *faqutilu*, что синтаксически невозможно.

В четверг, 9-й день того же месяца, атабек Имад аль-Дин вышел маршем из Хамы в Саламию и, отправив караван со своим имуществом в Аль-Ракку, остался со своей кавалерией и легким подразделением. В понедельник император греков оставил город Аль-Маарру, и все местные войска, занимавшие позиции в Кафр-Табе, бежали в страхе за свою жизнь. Поступило несколько подтверждающих сообщений о том, что армия туркмен переправилась через Евфрат и направляется к Алеппо под командованием сына эмира Дауда (внука) Ортука, с целью устроить экспедицию против греков. Они стали лагерем у Маджм-аль-Муруджа. По приказу атабека Имад аль-Дина крупный отряд из аскара Дамаска тоже вышел, чтобы присоединиться к этой экспедиции. Причина отступления греков от Шейзара с пустыми руками заключалась в том, что они получили сообщение о прибытии туркмен и соединении обеих армий. Простояв перед городом двадцать три дня, император на обратном пути прибыл в Антиохию, в воскресенье, 8-й день месяца рамазана (22 мая). Позже неоднократно сообщалось об отступлении греков на их собственную территорию, и в сердцах многих людей воцарился покой, сменив растерянность и страх.

В этом году эмир, атабек Имад аль-Дин неоднократно писал эмиру Шихаб аль-Дину, предлагая подписать брачный контракт между ним и матерью князя Хатун Сафуат аль-Мульк Зумурруд, дочерью эмира Джавали. Наконец, его предложение было принято и составлено соответствующее соглашение. Из Дамаска было направлено посольство, чтобы заключить договор от ее имени в лагере атабека у Химса в понедельник, 17-й день месяца рамазана. По этому соглашению Химс переходил к нему, и он теперь владел городом и цитаделью. Его правитель, эмир Муин аль-Дин Унур, в качестве компенсации получал замок Баарин. Хатун Сафуат аль-Мульк, мать Шихаб аль-Дина, покинула свой дворец, чтобы проследовать в лагерь атабека Имад аль-Дина поблизости от Химса и Хамы в сопровождении офицеров Имад аль-Дина, которым было поручено сопровождать ее к нему в конце месяца рамазана (начало июня).

Год 533 от хиджры

(8 сентября 1138 г. — 27 августа 1139 г.)

Первым днем месяца мухаррама этого года была пятница (9 сентября).

В этом месяце эмир, атабек Имад аль-Дин встретил Хатун Сафуат аль-Мульк, мать Шихаб аль-Дина, перед Химсом, где собралось большое количество посланников халифа, султана, из Египта, от греков, из Дамаска и других мест. В этом же месяце франки совершили набег на окрестности Банияса. Шихаб аль-Дин вышел им навстречу со своим аскаром, но не смог их перехватить и вернулся обратно в город.

Утром в пятницу, 23-й день месяца шаввала (23 июня), стало известно о заговоре, направленном против эмира Шихаб аль-Дин Махмуда, сына Тадж аль-Мулюка, сына атабека Захир аль-Дина, и о его убийстве спящим в кровати предыдущей ночью. Он погиб от рук проклятых рабов: Альбагаша (?) армянина, к которому проявлял особую благосклонность и которому доверял во всех своих делах, евнуха Юсуфа, которому позволял спать подле него, и аль-Харкави, конюха, который тоже спал неподалеку от него. <...> Эти трое проклятых злодеев спали вокруг его кровати. Договорившись обо всем между собой, они улеглись на своих обычных местах, а в полночь, когда эмир спокойно спал, они набросились на него и убили в кровати на его ложе. Еще один конюх, который оказался вместе с ними, стал звать на помощь, и они убили также и его. Злодеи заранее спланировали путь отступления, тщательно хранили свой секрет, и поэтому им удалось выйти из цитадели. Когда об убийстве стало известно, стали разыскивать Альбагаша, но он сбежал, и тогда его дом разграбили. Остальных двоих схватили и распяли на стене над воротами Джабии. Письма были направлены его брату эмиру Джамаль аль-Дин Мухаммаду, сыну Тадж аль-Мулюка, правителю Баальбека, с рассказом о положении дел. Не теряя ни минуты, он спешно отправился в Дамаск и занял место Шихаб аль-Дина. Он

официально получил власть, и ему принесли присягу верности и послушания эмиры, командиры и знатные люди. Таким образом, дела были улажены, и спокойствие восстановлено.

Когда эта новость дошла до Хатун Сафуат аль-Мульк, матери эмира Шихаб аль-Дина (да будет милостив к нему Аллах), она опечалилась и горевала об этой утрате, негодуя о том, что такая судьба постигла ее сына. Она написала эмиру, атабеку Имад аль-Дину, который находился в Мосуле, поведала ему о случившемся и настаивала на том, чтобы он безотлагательно отправился совершить возмездие. Узнав об этом, он был потрясен таким мерзким преступлением и недоволен тем, что такие события продолжали происходить. Тогда атабек начал готовиться к выполнению задачи, которую она перед ним поставила, и, собрав для этого силы, решительно направился в Сирию, следуя быстрым маршем к Дамаску для осуществления всех поставленных перед ним целей. В Дамаск было доставлено несколько сообщений, подтверждающих его намерения, и там были предприняты все меры предосторожности и проведена всяческая подготовка к защите города. Вслед за этим пришли сообщения о нападении атабека на Баальбек в четверг, 11-й день месяца зу-л-хиджа, силами огромной армии и большого войска. До его появления перед городом в нем был размещен гарнизон тяжеловооруженных всадников, доставлены все необходимые припасы, а командующего назначил Муин аль-Дин Унур, чье положение в княжестве стало весьма прочным, он занимал высокое положение, а его команды и распоряжения выполнялись беспрекословно. Атабек установил у города несколько катапульт, тщательно блокировал город и непрерывно атаковал его гарнизон. Говорили, что число этих катапульт составляло четырнадцать, они бомбардировали город поочередно день и ночь, пока его обитатели не оказались на грани краха. Затем пришли новости о сдаче города на определенных условиях, ввиду тяжких испытаний, свалившихся на его обитателей в результате блокады и пролома стены. Башню удерживал отряд самых храбрых тюрок, славившихся своим умением обороняться и оттеснять врага, но, когда они отчаялись получить помощь от Муин аль-

Дина[1] и не могли больше ждать прибытия дополнительных сил, которые избавили бы их от этого несчастья, они сдали башню атабеку Имад аль-Дину, заручившись его торжественным обещанием и клятвой сохранить им жизнь. Однако, когда крепость оказалась в его руках, он нарушил свое обещание и гарантии их безопасности, так как лично имел на них зуб и в глубине души был раздражен действиями защитников крепости. Он приказал всех их распять, и никому не удалось спастись, кроме тех, кому это было уготовано судьбой. Людей охватил ужас при виде его действий и такого неслыханного нарушения клятвы с его стороны.

Перед этим сообщалось о захвате атабеком Имад аль-Дином замка Аль-Атариб в пятницу, 1-й день месяца сафара (7 октября этого года).

В месяце рамазан этого года (май) поступило сообщение о том, что эмир аль-Афдал Рудван бен аль-Валахши, держатель власти в Египте, покинул свою страну по одному очень важному делу, внушившему ему страх перед его правителем (Фатимидом) Имам аль-Хафиз ли-Дин Аллахом, командующим правоверными. Он прибыл в Шархад, и, как сообщалось, его правитель, Амин аль-Даула Гумуштагин аль-Атабеки, принял его с почестями и величайшим уважением. Некоторое время он пользовался гостеприимством и добротой, но затем покинул город, чтобы вернуться в Египет для выполнения разработанного им плана и достижения намеченной цели. В Каире стало понятно, что этому плану не суждено было осуществиться и он не смог добиться задуманного, а его самого поместили в почетное заключение во дворце.

Год 534 от хиджры

(28 августа 1139 г. — 16 августа 1140 г.)

Первый день месяца мухаррама этого благословенного года пришелся на вторник (29 августа).

В этом месяце пришла новость о том, что атабек Имад аль-Дин закончил перестройку оборонительных сооруже-

---

[1] В оригинале присутствует игра слов с именем *Mu'īn al-Dīn* «Помощник правоверных».

ний Баальбека и его башни, закрыл бреши в фортификациях, после чего занялся подготовкой наступления на город Дамаск. Впоследствии сообщалось о его отъезде вместе с аскаром и прибытии в Бекаа в первом месяце раби (начался 26 октября).

Он направил посланника к эмиру Джамаль аль-Дин Мухаммаду, сыну Тадж аль-Мулюка Бури бен Атабеку, правителю Дамаска, с требованием сдать город и обещал взамен все, что тот пожелает и выберет. Получив отказ, он вышел из Бекаа и стал лагерем у Дарайи[1] в предместьях Дамаска в среду, 13-й день второго месяца раби (6 декабря). Пока он стоял лагерем у Дарайи, авангарды армий уже участвовали в стычках друг с другом, и ему удалось захватить несколько человек, остальные же укрылись в городе. После этого, в пятницу, 28-й день второго месяца раби, он подошел к городу со своим аскаром в боевом порядке со стороны Мусаллы. Он перебил значительное число ополченцев из города и из Гуты, предав их мечу. Одни из них погибли или попали в плен, другие же вернулись в город, раненные и безоружные. В этот день город оказался на грани краха, если бы Аллах не смилостивился над ним. Атабек вернулся в свой лагерь с пленными, пройдя по убитым, и не предпринимал других атак в течение нескольких дней.

Он продолжал посылать письма, пытаясь уговорить [князя] сдать ему город и получить взамен Химс, Баальбек и любые другие места, которые он пожелает. Джамаль аль-Дин Мухаммад бен Тадж аль-Мулюк уже был склонен согласиться на это предложение при условии гарантий установления мира, предотвращения кровопролития, сохранения процветания провинций и восстановления спокойствия, но, когда он попросил совета в этом вопросе у других, они отказались даже обсуждать это[2]. Атабек все еще посылал свой аскар на приступ, но эти схватки не были уже ожесточенными, и блокада города не была плотной, так как он стремился избежать кровопролития и скорее пытался восстановить мир, чем вести войну и чинить разрушения. В первый месяц джумаада (начался 24 дека-

[1] Обширный пригород к северо-западу от Дамаска.

[2] Следует читать *'abāhu* вместо *'ibā'ati*.

бря) Джамаль аль-Дин стал жертвой болезни, которая то усиливалась, то ослабевала, то обострялась, то отпускала, пока не стала столь тяжелой, что все надежды на его выздоровление исчезли. Ему не помогали ни умение врачей, ни заклинания знахарей, и он продолжал оставаться в таком состоянии, пока не подошел к предрешенному концу и не скончался на милость Аллаха в преддверии пятницы, 8-го дня месяца шаабана (29 марта), в тот же час, когда был убит его брат Шихаб аль-Дин Махмуд бен Тадж аль-Мулюк (да будет милостив Аллах к ним обоим). Люди удивлялись такому совпадению дня и часа, превозносили Аллаха и прославляли Его имя. Джамаль аль-Дина подготовили к погребению и похоронили в мавзолее его бабушки в Аль-Фарадисе («Райские сады»).

После его смерти лидеры и властители, посовещавшись, решили восполнить эту потерю, посадив на трон его сына эмира Абд аль-Даула Абу Саид Абак бен Джамаль аль-Дин Мухаммада. Обязательства повиновения и преданной службы были подтверждены торжественными клятвами перед ним и его титулом. Порядок и управление вошли в прежнее русло, разногласия были сведены к нулю, растерянность уступила место спокойствию, а печаль в сознании улеглась. Узнав о таком повороте событий, атабек Имад аль-Дин подошел со своим аскаром к городу, желая воспользоваться любыми трениями, которые могут возникнуть между лидерами после смерти их властителя, чтобы таким образом осуществить некоторые свои планы. Однако ситуация изменилась вопреки его надеждам и отнюдь не соответствовала его представлениям. Среди войск и вооруженного ополчения Дамаска он не встретил никого, кто не хотел бы продолжить борьбу и не горел бы желанием сразиться с ним в бою. Тогда он вернулся в свой лагерь, пав духом и расстроившись из-за своей неудачи.

Между тем с франками было достигнуто соглашение общими усилиями и при поддержке друг друга объединить силы, чтобы изгнать атабека и не позволить ему добиться своей цели. Для этого было подписано официальное соглашение с торжественными клятвами и гарантиями честного выполнения этих обещаний. Франки выставили

условие выплатить им определенную сумму денег для укрепления их сил, а также предоставить им несколько человек в заложники во избежание каких-либо сомнений. Их требования были выполнены, деньги выплачены, и заложники из числа родственников командиров были направлены к ним. После этого франки стали вести подготовку к отправке подкрепления и оказания поддержки, для чего посылали друг другу письма с требованием собрать силы из всех замков и городов, чтобы изгнать атабека и не позволить ему осуществить его планы в отношении Дамаска, не дожидаясь того, когда он прочно укрепится и его трудно будет изгнать, так как его силы станут непобедимыми, и он станет одерживать победы над подразделениями франков и атаковать их города.

Со своей стороны атабек, поняв действительное положение дел и учитывая решение врагов объединить силы для нападения на него совместно с армией Дамаска, покинул свой лагерь у Дарайи в воскресенье, 15-й[1] день месяца рамазана (4 мая), и отправился к Хаурану, чтобы там противостоять франкам, если они атакуют его, или преследовать их, если они будут держаться от него на расстоянии. Некоторое время он проводил эту политику, а затем вернулся в Гуту у Дамаска и стал лагерем у Адхры в среду, 24-й день месяца шаввала (12 июня). Предав огню несколько ферм в Мардже и Гуте, вплоть до Харастааль-Тина, он отправился на север в последующую субботу, когда узнал, что франки со всеми своими силами разбили лагерь у Аль-Мадана.

Среди прочих обещаний условия соглашения с франками предусматривали возвращение им приграничного форта Банияса, который должен был сдать им находившийся там Ибрагим бен Тургут. Но случилось так, что Ибрагим бен Тургут, его правитель, направился со своим войском к Тиру, чтобы совершать набеги, и там встретил Раймунда, правителя Атиохии, который направлялся на помощь франкам, чтобы оказать поддержку жителям Дамаска. Они встретились в сражении, и Раймунд одержал победу над Тургутом, который сам был убит в схватке

[1] В тексте указано 5-е число, но это произошло в середине недели.

вместе с большим числом своих воинов. Уцелевшие укрылись в Баниясе, укрепились там и привлекли к обороне крепости людей из Вади-л-Тайма и всех, кого могли собрать. Эмир Муин аль-Дин выступил со своим аскаром из Дамаска, разбил там лагерь и находился в течение всего месяца шаввала (начался 20 мая), приказывал обстреливать крепость из катапульт и осаждать ее с помощью различного вида военных хитростей, в чем значительную помощь оказывало подразделение армии франков. Сообщалось, что эмир, атабек Имад аль-Дин остановился у Баальбека и в течение месяца шаввала посылал призывы туркменам оставить их жилища и проследовать к Баниясу, чтобы прогнать оттуда осаждавших. Войска продолжали свои операции в таком ключе до конца этого года... Осада Банияса продолжалась без перерыва, пока запасы в крепости не истощились и гарнизон остался без продуктов. Тогда крепость сдалась Муин аль-Дину, а ее командир в качестве компенсации получил фьеф и вознаграждение, которое его удовлетворило. Муид аль-Дин отдал крепость франкам, выполнив таким образом условия соглашения с ними, и направился в обратный путь в Дамаск в конце месяца шаввала (середина июня), осуществив свои надежды и понапрасну потратив столько сил.

Утром в субботу, 7-й день месяца зу-л-каада[1], атабек Имад аль-Дин со своим аскаром совершил стремительный набег к стенам Дамаска. Он добрался до Мусаллы и подошел к стене города незамеченным, когда люди еще не пробудились ото сна. Когда же забрезжил рассвет и новость о его появлении разлетелась по округе, повсюду стали раздаваться крики, и люди, схватив оружие, стали собираться на стенах. Ворота открылись, и конные и пешие воины вышли из них. К этому времени Имад аль-Дин распустил свой аскар, направив его подразделения в Хауран, Гуту и Мардж, а также во все окрестные районы для совершения рейдов, а сам остался со своей личной стражей лицом к лицу с аскаром Дамаска, чтобы не позволить ему преследовать кого-либо из его всадников, совершавших рейды. Между ним и аскаром Дамаска завя-

[1] Календарная дата 24 июня; возможно, суббота 22 июня.

залась битва, и значительное число воинов с обеих сторон было ранено[1]. Затем он вышел из боя, беспокоясь о своих эскадронах, которые послал для совершения рейдов. Бесчисленное количество захваченных на пастбищах лошадей, овец и коз, крупного рогатого скота и другого имущества оказалось в их руках, поскольку этих рейдов никто не ожидал, и люди были застигнуты врасплох. В тот же день атабек остановился у Мардж-Рахита[2], дождался, пока все его воины не собрались с добычей, и отправился в обратный путь по северной дороге, увозя с собой огромное количество трофеев.

Год 535 от хиджры

(17 августа 1140 г. — 5 августа 1141 г.)

В месяце рамазан (начался 10 апреля) этого года сообщалось о выходе войск из Аскалона против конницы франков, которая грабила его территории. Большое их число[3] было убито, и они вернулись сломленные и с пустыми руками.

В этом же году с севера пришло сообщение о захвате замка Мазият, которым батиниты овладели хитростью.

Год 536 от хиджры

(8 августа 1141 г. — 26 июля 1142 г.)

В этом году пришли новости с севера о том, что турецкий эмир Лаях, который оставил Дамаск и отправился на службу к эмиру атабеку Имад аль-Дину, совершил набег на страну франков и одержал победу над их конницей, нанеся ей такие огромные потери, что число убитых, по сообщениям, составляло около семисот человек.

В этом же году сообщалось о кончине эмира Саад аль-Даулы, правителя Амиса[4], и вступлении на трон его сына

Следует читать *juriha* вместо *kharaja* («вышел»).

К северо-востоку от города.

Предположительно франки, но местоимение двусмысленно.

[4] Айджилди, см. с. 72.

Махмуда.., а также о смерти эмира, сына аль-Данишменда[1] (да будет милостив к нему Аллах), и вступлении на трон его сына.

Год 537 от хиджры
(27 июля 1142 г. — 15 июля 1143 г.)

В этом году сообщалось о выступлении правителя Антиохии по направлению к Бузаа и о том, что эмир Савар, наместник, которому было поручено заниматься обороной Алеппо, оттеснил его и не позволил ему атаковать. Сообщалось также, что император греков снова появился в приграничных территориях. Правитель Антиохии вышел ему навстречу, приветствовал его, некоторое время оставался у него и, успокоив императора, вернулся обратно в Антиохию.

В этом же году сообщалось о том, что эмир, атабек Имад аль-Дин захватил цитадель Ашиб, славившуюся своей мощью и неприступностью[2].

В месяце рамазан (начался 20 марта) пришла новость о кончине императора греков.

Год 538 от хиджры
(16 июля 1143 г. — 3 июля 1144 г.)

В этом году сообщалось о захвате цитадели Хизан[3] эмиром Имад аль-Дином.

На 3-й день первого месяца джумаада (13 ноября) эмир и управляющий Асад аль-Дин Акиз был арестован, его собственность конфисковали, его самого ослепили и поместили в заточение, а его сторонники разбежались.

В этом году также пришла новость из окружения франков о смерти графа Анжуйского, короля Иерусалима, от

Мухаммад бен Гумуштагин, правитель Сиваса.

Впоследствии это место было известно как Имадия во владениях Занги. Оно находилось примерно в 75 милях к северо-востоку от Мосула.

[3] В Армении к северо-западу от озера Ван. Прежде этим районом владел Якуб, сын Кылыч Арслана I, сельджукского султана Анатолии.

болезни, оказавшейся фатальной. Его младший сын и мать мальчика были назначены править вместо него. Франки удовлетворились таким решением, и его положение укрепилось.

Год 539 от хиджры

(4 июля 1144 г. — 23 июня 1145 г.)

Во втором месяце раби (октябрь) сообщалось о выходе аскара против значительного подразделения франков, вторгшегося в район Баальбека, чтобы совершать по нему рейды и грабить. Произошло сражение, и Аллах даровал победу над врагом мусульманам, которые убили их множество и захватили все, что было у них. Руки мусульман отяжелели от множества трофеев, и они благополучно вернулись в Баальбек, радостные и с большой добычей. Уцелевшие франки вернулись в свои владения, побежденные, униженные и с пустыми руками.

В первом месяце джумаада (начался 30 сентября) с севера пришло сообщение о том, что аскар Алеппо захватил большую группу торговцев, воинов и других людей, которые вышли из Антиохии и направлялись в земли франков, имея при себе много денег, животных, товаров и другого имущества. Мусульмане напали на обоз, убили всех охранявших конных франков, захватили все и вернулись в Алеппо с деньгами, пленными и животными.

В этом году также пришла новость с севера о том, что эмир, атабек Имад аль-Дин захватил силой оружия город Аль-Руху, невзирая на его мощь и неприступность, а также его способность сражаться и защищать себя от нападений и осад могущественных армий, и что это произошло именно так. Эмир, атабек Имад аль-Дин давно этого желал, стремился завладеть городом и ждал только возможности напасть на него. Эта мысль непрестанно преследовала его, и он долго вынашивал свои амбициозные планы. Наконец он узнал, что Жослен, его правитель, покинул город с войском тяжеловооруженных всадников, старшими офицерами гарнизона и самыми отважными воинами по причине, которая по предрасположению свы-

ше вызвала необходимость его отсутствия. Как только Имад аль-Дин получил подтверждение этому сообщению, он спешно отправился маршем туда и разбил там лагерь со своим многочисленным аскаром, чтобы блокировать город и оказывать давление на его жителей. Он отписал племенам туркмен, призывая их оказать ему помощь и поддержку и выполнить тем самым их обязательства в отношении священной войны. Огромное войско туркмен присоединилось к нему, они окружили город со всех сторон, не давая никому подвозить туда припасы и продовольствие. Даже птица не могла бы пролететь, не рискуя потерять жизнь от метких стрел бдительных воинов, осаждавших город. Имад аль-Дин установил у стен города баллисты и непрерывно бомбардировал его, не прекращая бои[1] с его защитниками. Люди из Хорасана и Алеппо, знакомые с техникой подкопов, достаточно отважные, чтобы выполнить эту работу, взялись за дело и вырыли сапы в нескольких местах, которые сочли подходящими для таких операций[2]. Они продолжали рыть сапы под землей, пока не достигли основания бастионов стены. Потом они наполнили подкопы большими бревнами и специальными приспособлениями, а когда закончили работу, оставалось только все это поджечь. Тогда они спросили дальнейших распоряжений атабека Имад аль-Дина, и он сам вошел в сап и лично осмотрел все, что было сделано, выразил свое восхищение и сделал необходимые распоряжения. Когда воины подожгли бревна, опоры загорелись, все рухнуло, и стена тут же упала. Мусульмане ворвались в город после того, как огромное число воинов с обеих сторон погибло, сражаясь на руинах. Много франков и армян было убито или ранено, после чего они были вынуждены оставить город, и мусульмане завладели им силой оружия во второй половине дня в субботу, 26-й день второго месяца джумаада (23 декабря 1144 г.). Войска стали убивать, грабить, захватывать и мародерствовать, пока их руки не наполнились таким коли-

---

Следует читать *musirran* вместо *mudirran*, подставляя такой глагол, как *wāsala*.

[2] Дословно «при тех условиях, о которых они знали, и при тех сильных и слабых сторонах, которые им подходили».

чеством денег, имущества, животных, трофеев и пленных, что дух возликовал, а сердца возрадовались. Атабек Имад аль-Дин отдал приказ прекратить убийства и грабежи и занялся восстановлением всего разрушенного, ремонтом поврежденного и выделил отборные силы для контроля за всеми делами, обороны города и принятия всех мер по защите его интересов, а также постарался успокоить горожан, пообещав им хорошее отношение и восстановление справедливости ко всем, близким и далеким. Затем он отправился маршем в Серудж, покинутый франками, и захватил его. И все места и укрепления, мимо которых он проходил и у которых останавливался лагерем, незамедлительно переходили к нему.

Дойдя в той местности до замка Аль-Бира, который славился своей неприступностью и считался трудным для атак, Имад аль-Дин стал возле него лагерем, осадил и начал атаковать, отрезав его от всех, кто пытался доставить туда продукты, припасы, помощь или поддержку. Так он продолжал осаду, атаки и блокаду замка, пока тот не обессилел и в нем не истощились припасы. Имад аль-Дин уже рассчитывал завладеть им, но его взволновала и обеспокоила новость о том, что его ставленник в Мосуле эмир Джакар бен Якуб был атакован и убит[1]. Это заставило его снять осаду и отступить в Мосул, чтобы исследовать создавшуюся там ситуацию.

В первом месяце джумаада[2] (начался 30 октября) сообщалось, что эмир, атабек Имад аль-Дин получил известие о том, что люди Аль-Хадиты и Ана[3] вышли из повиновения и восстали против него. Он направил против них крупный отряд из своего аскара, который, прибыв на место, осадил жителей, сражался с ними и, победив их силой оружия, убил и ограбил многих.

В месяце рамазан с севера пришла новость о том, что армия франков собралась у Антиохии из всех их районов

---

[1] На 8-й день месяца зу-л-каада (2 мая).

[2] То есть до экспедиции в Эдессу.

[3] Густонаселенный район на западном изгибе Евфрата, примерно в 150 милях к северо-западу от Багдада.

и замков для того, чтобы прийти на помощь жителям Аль-Рухи...[1] атабек Имад аль-Дин выслал довольно сильный отряд, состоявший из туркмен и рекрутов, чтобы расправиться с ними. Отряд неожиданно атаковал врага, нападая на всех, кто встречался ему в пригородах и окрестностях, и нанес франкам такой урон, что они отступили, не дожидаясь, пока туркмены убьют или пленят многих из них. Мусульмане захватили большое число животных, зарубили большинство пеших воинов, а остальные разбежались по своим районам и замкам, разбитые, лишенные победы и с пустыми руками.

Год 540 от хиджры

(24 июня 1145 г. — 12 июня 1146 г.)

В первом месяце джумаада этого года (начался 20 октября) был получен ряд подтверждающих сообщений из окружения эмира, атабека Имад аль-Дина о том, что он занимается подготовкой снаряжения и собирает рекрутов, готовясь в поход на священную войну. Говорилось также, что, по всей вероятности, он отправится маршем на территорию Дамаска и возьмет город в осаду. Непрерывно поступали сообщения о его деятельности по подготовке огромного числа баллист, другого военного оборудования и материалов, необходимых для взятия сильно укрепленных и неприступных мест различного типа. Это продолжалось до начала месяца шаабана (начался 17 января), когда пришло сообщение о том, что он охладел к этому проекту, его мысли обратились в другом направлении, а баллисты отправлены обратно из Баальбека в Химс. Говорили, что до него дошли слухи из Аль-Рухи о том, что несколько армян подготовили заговор против него и планировали уничтожить всех, кто составлял гарнизон города, но их тайные планы были раскрыты, виновники найдены, схвачены и понесли достойное наказание, их распяли, казнили и раскидали по всей земле как предупреждение тем, кто бродит по ней и творит зло.

---

[1] Пропуск в рукописи.

Год 541 от хиджры

(13 июня 1146 г. — 1 июня 1147 г.)

Здесь уже рассказывалось о деяниях атабека Имад аль-Дина в конце 540 года, о том, как он стал лагерем у замка Даусар[1] неожиданно для его гарнизона, о его атаке на замок, разграблении его пригородов и захвате людей, поэтому нет смысла все это повторять или описывать в деталях[2]. Он продолжал блокаду крепости и проводил операции против ее гарнизона в течение второго месяца раби 541 года. В это время пришла новость о том, что один из членов его свиты, к которому он питал особо теплые чувства и чьим обществом восторгался, человек франкского происхождения по имени Яранкаш[3], затаивший на него злобу за какое-то увечье, ранее нанесенное ему атабеком, воспользовавшись возможностью, когда тот был пьян и ничего не подозревал, с помощью и при попустительстве некоторых своих товарищей из числа свиты убил его во сне в воскресенье, 6-й день второго месяца раби (ночь в субботу 14 сентября). Хотя атабек предпринимал все меры предосторожности, окружил себя вооруженной охраной, всегда держал оружие при себе и выставил плотную охрану вокруг своего шатра, тот убил его несколькими смертоносными ударами в жизненно важные места, и никто этого не заметил, пока убивший его придворный не скрылся в крепости Даусар, которая в то время называлась Джабар, а правителем ее был эмир Изз аль-Дин Али бен Малик бен Салим бен Малик. <...> Армии атабека разбежались, подобно бандам Сабы[4], его казна и богатства были разграблены, а сам он был похоронен там же без савана, пока, как говорят, его тело не было перенесено в мавзолей возле Аль-Ракки. Находившийся под его опекой сын султана вышел с сопровождавшими и примкнувшими к нему людьми и отправился в Мосул. С ним пошел Сайф аль-Дин Гази,

---

[1] Это старое название замка, общеизвестного как Калат-Габар, на левом берегу Евфрата, немного выше Ракки.

[2] Раздел, о котором идет речь, не приводится в рукописи. Вместо него дается длинное отступление автора о помпезной абсурдности княжеских титулов в его время.

[3] Произношение не совсем понятное.

[4] См. сноску на с. 85.

сын атабека Имад аль-Дина (да будет милостив к нему Аллах). Правитель Мосула, Али Кучак, несколько дней препятствовал их входу в город, пока между ними не было достигнуто согласие, и тогда он открыл ворота, и сын атабека вошел в город, принял управление им и занял место своего отца.

В это время эмир Сайф аль-Даула Савар и Салах аль-Дин (аль-Ягисьяни) вернулись в Алеппо, и с ними прибыл эмир Нур аль-Дин Махмуд, сын атабека Имад аль-Дина. Как только он вошел в Алеппо, он начал собирать войска и распределять среди них деньги, установил контроль над делами, и общественный порядок восстановился. Однако эмир Салах аль-Дин, опасаясь за свою жизнь и не желая стать жертвой заговора, оставил его и вернулся в свое собственное владение в Хаме. Несмотря на это, после благодатного периода спокойствия и достойного уважения к власти во всех городах царило смятение, дороги стали опасными, и руки туркменских и [арабских] разбойников[1] были развязаны для злых дел и грабежей в отдаленных местах и во всех районах страны.

Когда о смерти атабека сообщили Муин аль-Дину и ему стало известно о положении дел, он начал готовиться к походу на Баальбек, пользуясь возможностью вернуть его с помощью оружия и баллист. Он спешно пришел туда, разбил там лагерь, осадил город и начал атаковать его защитников. По прошествии всего лишь нескольких дней нехватка воды заставила их сдаться. Правитель[2] города был человеком решительным, умным и знающим и, оговорив получение фьефа для себя лично, помимо всего другого, он сдал ему как город, так и цитадель. Муин аль-Дин выполнил условия соглашения с ним, но захватил все запасы зерна и военного снаряжения в городе в первый месяц джумаада (начался 9 октября). Помимо этого, он вел переписку с правителем Химса, между ними установились мирные и дружественные отношения, способствовавшие общему благополучию и процветанию провинций. Переписка также велась между ним и Салах

Al-harāmīya; см. сноску 2 на с. 84.

Это был Наджм аль-Дин Айюб бен Шади, отец Саладина.

аль-Дином в Хаме, и аналогичное соглашение было достигнуто и между ними. Завершив свои дела в Баальбеке и учредив там гарнизон для защиты города, Муин аль-Дин отвел свои войска обратно в Дамаск. Он вошел в Дамаск в субботу, 18-й день первого месяца джумаада этого года[1]. Там он обнаружил слугу, Яранкаша, убийцу атабека Имад аль-Дина (да будет милостив к нему Аллах), который покинул замок Джабар из опасения, что его правитель выдаст его по требованию, и прибыл в Дамаск, будучи уверенным в том, что здесь ему ничего не угрожает, открыто обсуждая свое деяние и надеясь на радушный прием[2]. Его арестовали и отправили в Алеппо под охраной, откуда через несколько дней отвезли в Мосул, где, как говорят, казнили.

Между тем во втором месяце джумаада сообщалось, что сын Жослена собрал франков со всех уголков своей страны и неожиданно напал на город Аль-Руху при потворстве христиан, проживавших там, вошел в город, завладел им и убил всех мусульман, которых нашел. В сердцах людей поднялось возмущение, когда они узнали о таких печальных событиях. Вслед за этим пришла новость о том, что, узнав об этом, эмир Нур аль-Дин, правитель Алеппо, вышел со своим аскаром вслед за Сайф аль-Даула Саваром. Когда к ним присоединились прибывшие со всех концов страны туркмены, они составили огромное войско примерно в десять тысяч всадников. Они шли со всей скоростью день и ночь, с раннего утра, так, что утомленные маршем лошади падали от изнеможения по краям дороги, но прибыли к городу уже после того, как сын Жослена со своими соратниками занял его. Мусульмане атаковали и рубили их саблями, много армян и христиан было убито, и защитники города были оттеснены в форт, который назывался «Водяная башня», где находился сын Жослена и около двадцати его самых смелых рыцарей. Мусульмане окружили их со всех сторон, стали

По всей видимости, суббота — это 23 ноября (календарная дата — 16-й день второго месяца джумаада), если только 18-е число не указано ошибочно вместо 8-го, т. е. субботы, 16 ноября (календарная дата — 9-й день второго месяца джумаада).

[2] Дословно: «считая, что дела обстояли так, как он это себе представлял».

готовить подрыв форта, и быстрее, чем можно рассказать об этом, форт обрушился на них. Сыну Жослена удалось тайно покинуть форт и спастись вместе со своими спутниками. Остальных схватили, и сабля положила конец всем христианам в Аль-Рухе, которые попались в руки мусульман. Пленные мусульмане были освобождены, и в городе было захвачено большое количество богатств, добра и пленных. Благодаря этой победе люди воспрянули духом после всех горестей и унижения. Отчаяние и страх в их сердцах сменила решимость. Мусульмане вернулись в Алеппо и другие районы с трофеями и пленными.

В месяце шаввал этого года (начался 5 марта) эмиры Нур аль-Дин Махмуд, сын атабека Имад аль-Дина, правителя Алеппо, и Муин аль-Дин Унур обменивались посланниками и корреспонденцией, пока между ними не было заключено соглашение на весьма дружеских и сердечных условиях. Брачный договор был заключен между Нур аль-Дином и дочерью Муин аль-Дина, и прочное соглашение было подписано на основе предложений, выдвинутых обеими сторонами. Контракт был подписан в Дамаске в четверг, 23-й день месяца шаввала (30 марта), в присутствии посланников Нур аль-Дина, свадебный кортеж подготовлен, и посыльные вернулись в Алеппо вместе с дочерью Муин аль-Дина и группой приближенных офицеров в четверг, 15-й день месяца зу-л-каада (17 апреля).

Приобретя военное оснащение и баллисты, Муин аль-Дин собрал всех пеших и конных воинов и выступил к Шархаду и Бусре. Чтобы скорее достичь своей цели, он тщательно скрывал свой план и неожиданно стал лагерем у Шархада. В то время им управлял человек, известный под именем Алтунташ, гулям предыдущего правителя Амин аль-Даула Гумуштагина аль-Атабеки. Этот человек питал ошибочные иллюзии о том, что он может противостоять любому, кто бы ни стал хозяином города Дамаска, и надеялся, что франки помогут ему в достижении его цели, предоставят ему любую помощь и подкрепление, которое он попросит, и будут поддерживать его в намеченных им мероприятиях по совершению рейдов и устройству беспорядков. По предрасположению судьбы он покинул замок Шархад и отправился к франкам, чтобы заручиться их по-

мощью и составить совместный план их злобных деяний, не ведая о том, что Аллах не поддерживает неправедных людей, и не зная о планах Муин аль-Дина сокрушить его быстрыми действиями и разрушить его мечты, осадив [его город]. Последний же не отрезал ему пути возвращения в эти замки [Шархад и Бусра], и между гарнизоном Шархада и осаждавшими длительное время велись непрерывные бои и рылись подкопы под стены. Франки постоянно писали Муин аль-Дину, стараясь склонить его к восстановлению мира льстивыми уговорами, обещаниями и угрозами, если он не согласится на их требования, а он, со своей стороны, придерживался политики притворства и увертoк. Между тем он узнал, что они собираются с силами, готовясь выступить против него, чтобы осаждать его и заставить снять осаду. Эти новости вынудили Муин аль-Дина написать Нур аль-Дину, правителю Алеппо, прося его прийти на помощь со своим аскаром для борьбы с неверными антагонистами. Нур аль-Дин откликнулся на его просьбу. Согласно счастливой случайности он уже выступил маршем со своим аскаром из Алеппо, двигался в его направлении и скорым шагом достиг Дамаска в среду, 27-й день месяца зу-л-хиджа[1]. Он стал лагерем у Айн-Шуваки и, пробыв там несколько дней, продолжил путь к Шархаду. Никто еще не видел такого красивого аскара по внешнему виду, оснащению и численности, как у него.

Когда оба аскара объединились, гарнизон Шархада послал им свое предложение сдаться, но просил подождать со сдачей города несколько дней, но это была лишь хитрость с их стороны. Они хотели дождаться прибытия войск франков, которые заставят мусульман снять осаду. Однако Аллах, вновь проявляя Свою щедрость к правоверным, распорядился так, что кто-то сообщил мусульманам о сборах и спешной подготовке франков к походу и о том, что они полным ходом со всеми конными и пешими воинами направляются к Бусре. В это время крупный отряд из аскара осаждал и атаковал Бусру. Поэтому остальной аскар, получив такое известие, устремился к

Среда — 28 мая (календарная дата — 25-й день месяца зу-л-хиджа), если только по ошибке в тексте не указан 17-й день месяца зу-л-хиджа (среда 21 мая).

Бусре, подобно соколам, бросающимся на свою добычу, и орлам, атакующим куропаток. Таким образом, они добрались до Бусры заблаговременно и преградили франкам путь к городу. Воины сошлись лицом к лицу, их ряды сомкнулись, и аскар мусульман одержал верх над многобожниками. Они отрезали франков от источников воды и пастбищ, обрушили на них дождь копий и смертоносных стрел, сея среди них смерть и раны, поджигали сухую траву на их дорогах и путях. Оказавшись на грани краха, франки бежали, а мусульманские рыцари и конные воины, воспользовавшись удачной возможностью истребить их, поспешили вступить с ними в бой. Однако Муин аль-Дин постарался удержать мусульман от атаки и преследования отступающих франков, опасаясь, что те консолидируют свои силы и контратакуют мусульман. Таким образом, франки вернулись в свои края побежденные, подавленные духом, сопровождаемые смертью и разрушением. Все надежды на помощь с их стороны угасли, и Бусра сдалась Муин аль-Дину после заключения договора с гарнизоном, который получил в свое владение фьефы, о коих просил. Затем Муин аль-Дин отправился в Шархад, сдавшийся ему на тех же условиях. Оба аскара вернулись в Дамаск в воскресенье, 27-й день месяца мухаррама 542 года (29 июня 1147 г.), и Нур аль-Дин оставался во дворце атабека, пока не вернулся в Алеппо в среду, 30-й день месяца мухаррама этого года.

В это время Алтунташ, который по своей глупой ошибке бежал из Шархада к франкам, прибыл в Дамаск из земель франков без какой-либо гарантии безопасности или разрешения на вход, думая, что его примут с почестями и возьмут на службу после его отвратительного поступка и предательства ислама. Его тут же взяли под стражу, а его брат Хутлук обвинил его в нанесении увечий, когда тот лишил его глаз, и их дело было отдано на рассмотрение суда. Собравшиеся там кади и законоведы объявили, что его брат в отношении к нему имеет право на ответные действия, в результате чего он был ослеплен подобно тому, как когда-то поступил со своим братом. После этого ему разрешили оставаться в Дамаске в доме, ему принадлежащем.

Год 542 от хиджры

(2 июня 1147 г. — 21 мая 1148 г.)

В месяце сафар (июнь) этого года управляющий и гражданский секретарь Махмуд вернулся из Багдада с ответом на письма Муин аль-Дина[1] в сопровождении двух посланников от халифа и султана. Они привезли грамоту о его официальном введении во владение и почетную одежду для Муин аль-Дина[2]. Они вручили все это ему, и, облаченный в дарованные одежды, он предстал перед народом[3]. Это произошло в субботу, 18-й день первого месяца раби[4] (16 августа). Они пробыли там несколько дней, а затем вернулись с ответами на письма, которые привезли с собой.

В четверг, 21-й день второго месяца раби (18 сентября), из Египта в Дамаск прибыл посланец, доставивший грамоту об официальном введении Муин аль-Дина во владение, а также дары в виде лошадей и денег, в соответствии с принятыми в таких случаях обычаями.

Во второй месяц джумаада (начался 28 октября) управление крепостью Шархад было передано эмиру Муджахид аль-Дин Бузан бен Мамину в ответ на его обещание предоставить достаточное количество денег и зерна и соблюдать определенные условия, выполнить которые он поклялся. Он отправился туда и разместился там в середине того же месяца на радость всех обитателей района, знавших о его добром и правильном нраве, строгом соблюдении устоев религии и личной скрупулезности, в противоположность его предшественникам, которые не выполняли свой долг перед Аллахом ни в вопросах вероисповедания, ни в Его возвеличивании, ни в достойных делах, ни в чистоте сердца, ни в справедливости действий.

В этом году поступило несколько сообщений из Константинополя, территории франков, Анатолии и приле-

---

Следует читать *al-mu'iniya* вместо *al-mu'aiyina*.

Дословно *Zahīru'l-Dīn waMu'īnuhu* «старатель и помощник веры».

Следует читать *zahara* вместо *zaharā*.

В тексте указан второй месяц раби, что противоречит календарю и последующей дате.

гающих мест о прибытии короля франков из их земель, в свите которого был Альман и [сын] Альфонсо[1] с несчетным количеством знати и неисчислимым имуществом.

Говорили, что они направляются в земли ислама и призвали подданных во всех своих владениях и укрепленных районах спешно отправляться туда в экспедицию, оставив свои собственные территории и города опустевшими и лишенными защитников. Они привезли с собой бессчетное количество денег, богатств и оружия. Одни говорили, что их число достигает миллиона конных и пеших воинов, другие же приводили еще большие цифры.

Франки захватили подчиненные Константинополю территории, и его император был вынужден ублажать их, поддерживать с ними мир и исполнять их волю. Когда о приближении врага стало известно и новости об их целях распространились вокруг, правители близлежащих земель и исламских территорий, расположенных вблизи от них, начали подготовку к отражению франков и стали собирать силы для ведения священной войны против них. Мусульмане направились к горным проходам и перевалам, чтобы затруднить врагу проход на земли ислама и совершать яростные набеги на его фланги.

Смерть и убийства сопровождали франков, пока большое их число не погибло, а их страдания от недостатка продуктов, фуража и снабжения либо высокая стоимость всего этого, если им вообще что-то доставалось, привели к тому, что многие из них умерли от голода и болезней. Свежие сообщения о потерях и сокращении их численности постоянно поступали вплоть до конца 542 года, в результате чего люди в определенной степени успокоились, поверив в неудачу этого предприятия. Растерянность и страх стали спадать, несмотря на непрерывные сообщения о деятельности франков.

Alman wa Alfunsh. Первое, очевидно, следует рассматривать как имя Конрад, император Германии, а второе как Бертрам, сын Альфонсо Иорданского и внук Раймунда Тулузского.

Год 543 от хиджры

(22 мая 1148 г. — 10 мая 1149 г.)

Первым днем этого года была пятница, 21 мая, а солнце находилось в созвездии Близнецов.

В первые дни года поступило несколько сообщений из различных источников о прибытии кораблей вышеупомянутых франков, о том, что они сошли на берег у прибрежных крепостей Тир и Акра, а также об их соединении[1] с теми франками, которые находились в этих местах. Говорили, что даже после того, как многие из них были убиты, умерли от болезней и голода, их численность все еще составляла около ста тысяч человек. Они отправились в Иерусалим, чтобы совершить паломничество, после чего часть из них морем вернулась в свою страну. Большое их число погибло и умерло из-за болезней, включая некоторых королей, но Альман, их самый великий король, остался с некоторыми людьми более низкого звания. Среди франков не было согласия о том, в какие земли ислама и сирийские города им следует отправиться, но в конце концов они приняли решение атаковать город Дамаск, а их злобные сердца были настолько уверены в успехе, что они уже стали планировать раздел поместий и районов города. Об этом сообщалось несколько раз, и правитель города, эмир Муин аль-Дин Унур, приступив к подготовке оснащения для ведения боевых действий против франков, к укреплению тех мест, которым угрожала опасность, стал выставлять дозоры на дорогах и перевалах, отрезать пути снабжения их лагерей, засыпать колодцы и уничтожать источники воды.

Войско франков продвигалось к Дамаску, их силы и вооружение оценивались в пятьдесят тысяч конных и пеших воинов, а сопровождавшие их обозы, верблюды и скот увеличили их силы настолько, что они просто не поддавались исчислению. Подойдя к городу, они отправились к месту, известному как Маназил-аль-Асакир[2],

---

[1] Следует читать *ijtimā* вместо *ijmā*.

[2] «Лагеря полков», по версии Дуссауда (*Topographie historique*, с. 196), располагались за Деревянным мостом к югу от города (см. с. 140).

но, не найдя там воды, поскольку место было отрезано от водоснабжения, проследовали к Аль-Миззе[1], учитывая близость воды, и кавалерия и пехота начали наступление на город. Мусульмане встретились с ними лицом к лицу в субботу, 6-й день первого месяца раби (24 июля), и между войсками произошла битва. В борьбе против врага объединилось большое число народа, включая рекрутов и смертоносных тюрок, городских ополченцев, добровольцев и гхазис[2], и смерть собрала среди них обильный урожай. Неверные одержали верх над мусульманами благодаря превосходству в численности и оснащении. Франки стали контролировать водоснабжение, рассредоточились и стали лагерем во фруктовых садах. Приблизившись к городу, они заняли участок, который никакие войска, ни в прошлые, ни в настоящие времена, не могли удержать. В этот день маликит и имам Юсуф аль-Финдалави (да будет милостив к нему Аллах) нашел мученическую смерть у воды возле Аль-Рабвы, оказавшись перед лицом франков и отказавшись отступить, строго следуя заповедям Аллаха в Его священной книге[3]. Аналогичная судьба постигла отшельника Абд аль-Рахмана аль-Халули (да будет милостив к нему Аллах).

Тогда франки начали рубить деревья и строить из них укрепления, а также разрушать ограждения[4]. Так прошла ночь, и все люди были напряжены и перепуганы, с ужасом взирая на то, что происходит. Утром следующего дня они вышли против франков. Это произошло в воскресенье, и после нескольких атак с обеих сторон мусульмане одержали верх и нанесли франкам значительный урон убитыми и ранеными. Эмир Муин аль-Дин хорошо проявил себя в сражении, выказал невиданные ранее уверен-

---

Большая деревня к северо-востоку от города.

Ghāzīs (*ghuzah*), или «Святые воины», — отряды нерегулярных войск, которые отправлялись в любое место, где шла борьба с неверными.

[3] Коран, сура IX, стих 111: «Воистину, Аллах купил у верующих их жизнь и имущество в обмен на уготованный им рай. И они будут сражаться во имя Аллаха, убивая и погибая, в соответствии с истинным обещанием от Него».

[4] Возможно, читается как *hazā'ir* (сравните с рукописью и Абу Шамы), замененное на *qanātir* («шлюзы»).

ность, храбрость и отвагу, неустанно и непрерывно отражая атаки врага. Мельница войны перемалывала в обе стороны, и всадники неверных постоянно откладывали свой знаменитый удар, ожидая подходящую для этого возможность, пока солнце наконец не решило зайти, ночь окутала все кругом, и души людей потребовали отдыха. Каждая из сторон вернулась на свое место, но регулярные войска провели ночь в поле, напротив франков, а жители стояли на страже, как часовые на стенах города, постоянно наблюдая за врагом.

Между тем правителям окрестных районов были разосланы письма с просьбами о помощи и подкреплении. Постоянно прибывали группы туркменских всадников и пеших воинов из пригородов, и [следующим утром], когда их уверенность окрепла и страхи испарились, мусульмане спозаранку атаковали франков. Они удерживали свои позиции перед лицом врага и осыпали их смертоносными копьями и стрелами, которые непрерывным дождем сыпались на пехотинцев и рыцарей, лошадей и верблюдов в их лагере. В течение дня из Бекаа и других мест прибывали многочисленные лучники, которые увеличили численность [мусульман] и удвоили их военное оснащение. Затем стороны разошлись, и каждая заняла позиции, которые успели захватить [в конце] этого дня. Ранним утром следующего дня, во вторник, мусульмане вновь атаковали со стремительностью орлов, кружащих над горными куропатками, окружили врага в его лагере и взяли в кольцо его еще спящих воинов, разрушили заграждения, которые те соорудили из фруктовых деревьев, осыпая их градом стрел и камней. Со своей стороны франки не решились выйти из-за растерянности и страха, и ни один человек из них не вышел на бой. Предполагалось, что они задумали какую-то хитрость и разрабатывают особую стратегию. Никто из них не показывался, за исключением нескольких всадников и пеших воинов, вступавших в стычки и не подпускавших врага на случай, если тот задумает атаковать[1], пока они не найдут открытого поля для своего собственного наступления либо

[1] Следует читать *almuhājima* вместо *almuhājina*.

какое-то средство, обеспечивающее их отступление. Ни один из них не мог приблизиться [к мусульманам], не пав наземь под градом стрел или будучи пронзенным копьем. Большое число пеших воинов из городского ополчения и людей из деревень смело сражались с врагом или таились в засадах на дорогах, где тот не подозревал о грозящей ему опасности[1], убивали всех, кого могли захватить, и привозили головы франков, прося за них вознаграждение. Так было привезено огромное количество голов.

В это время франки получали множество сообщений с различных сторон о быстром приближении армий ислама, участвующих в священной войне против них, о стремлении мусульман уничтожить их, и тогда они уверовали в свое уничтожение и неминуемую катастрофу. Проведя совет, франки обнаружили, что не имеют выхода из той сети, в которой оказались, из той бездны, в которую рухнули, помимо беспорядочного отступления на рассвете в среду на следующий день и бегства сломленных и забытых богом. Когда мусульмане узнали об этом и увидели признаки начинающегося отступления франков, они пошли в атаку утром того же дня и, поспешно набросившись на них, стали осыпать врага стрелами, уничтожив таким образом большое число людей, лошадей и других животных из арьергардных рядов отступающих. Более того, в оставленных франками лагерях и вдоль дорог они обнаружили такое несчетное количество могил убитых воинов и их павших прекрасных лошадей, что число их трупов превышало число птиц в небе. В течение этой ночи они также сожгли Аль-Рабву и Аль-Куббу Аль-Мамдудию[2]. Люди радовались такой щедрой милости Аллаха, непрестанно восхваляли Его за спасение, дарованное в ответ на их молитвы, которые они постоянно читали в эти горестные дни, за что Ему хвала и благодарность.

---

[1] Так написано в рукописи (*'aminū*), что заменено на *inthanaw* («повернули назад»): сравните у Абу Шамы (*R.H.C.* IV, 58).

[2] Пригороды Аль-Рабвы, расположенные непосредственно к западу от него. Местонахождение Аль-Кубба («Длинный павильон») не ясно.

Случилось так, что после такой милости Муин аль-Дин объединил свои силы с Нур аль-Дином, правителем Алеппо, когда тот пришел на помощь Дамаску в конце второго месяца раби (середина сентября) этого года, и они оба проследовали в замок в предместьях Тарабулюса, который назывался Замок Арайма[1]. Им владел сын короля Альфонсо, одного из франкских королей, о котором упоминалось выше и который погиб у Акки. С ним находилась его мать, а также большое число личной прислуги, рыцарей и предводителей его людей. Мусульмане окружили замок и атаковали его, когда к аскарам Нур аль-Дина и Муин аль-Дина присоединилось подразделение примерно в тысячу всадников из аскара Сайф аль-Дина Гази, сына атабека [правителя Мосула]. Обе стороны встретились в бою, и большая часть гарнизона погибла или была взята в плен. Сын короля был схвачен вместе с матерью, а все находившееся в замке военное оснащение, имущество и лошади было разграблено. Аскар Сайф аль-Дина вернулся в свой лагерь у Химса, Нур аль-Дин вернулся в Алеппо, забрав с собой сына короля, его мать и других пленных, а Муин аль-Дин отправился назад в Дамаск.

В это время в Дамаск прибыл Шариф и эмир, Шамс аль-Дин аль-Хусаини, Накиб[2]. Он явился от Сайф аль-Дина Гази, сына атабека, и считался посланником халифата ко всем правителям и племенам туркмен, призывающим их оказать помощь мусульманам в ведении священной войны против многобажников. Франки опасались, что постоянное прибытие все новых подкреплений усилит противостоящие им силы, что и стало причиной их отступления, о котором уже рассказывалось. Он отправился в обратный путь в Багдад с ответом на его послание в среду, 11-й день месяца раджаба 543 года (24 ноября).

В месяце раджаб из Алеппо пришло сообщение о том, что Нур аль-Дин, его правитель, отправился со своим

---

[1] Имя, которое отсутствует в рукописи, взято у Ибн аль-Асира. Арайма находится примерно в 7 милях к северо-западу от Сафиты.

[2] То есть маршал и хранитель регистра потомков Пророка. Его полное имя не указывается.

аскаром на территории[1] франков и захватил в плен большое их число. Далее правитель Антиохии собрал франков и атаковал[2] Нур аль-Дина в тот момент, когда он этого не ожидал, и причинил такие потери в рядах его аскара, в обозах и среди животных, которые были предначертаны ему судьбой. Сам Нур аль-Дин со своим аскаром отступил и благополучно вернулся в Алеппо, потеряв лишь нескольких воинов и убив множество франков. Несколько дней он провел в Алеппо, восполняя потери в своем обозе и недостаток вооружения своего аскара, а затем вернулся в лагерь, или, судя по другим сообщениям, не возвращался туда.

Год 544 от хиджры

(11 мая 1149 г. — 29 апреля 1150 г.)

Первым днем этого года была среда, 11 мая.

Учитывая участившиеся злобные выпады со стороны франков, проживающих в Тире, Акре и прибрежных портах, после их отступления от Дамаска и невыполнение ими условий мирного соглашения, заключенного с Муин аль-Дином, что выразилось в их грабительских набегах на районы Дамаска, эмир Муин аль-Дин был вынужден направиться со своим аскаром в их территории, чтобы совершать там опустошительные набеги. В конце 543 года он стал лагерем в Хауране со своим аскаром, вел переписку с арабами и непрерывно, днем и ночью, совершал рейды на их города и прилежащие районы. Он также призвал на помощь значительное войско туркмен и позволил им свободно грабить территории франков и убивать всех[3] [арабских] бандитов, а также разбойников и грабителей, которых они захватят в этих районах. Так он постоянно давил на врага, постоянно держал его в страхе и напряжении, пока не заставил просить о перемирии и возобновлении соглашения о мире и дружеских отношениях

Вставка из Абу Шамы (*R.H.C.* IV, 60) «и отправился к Афамии и захватил большое число замков и крепостей франков».

[2] Следует читать (у Абу Шамы) *waqasadahu* вместо *fasaddahu*.

[3] В тексте перед *al-haramiyah* явно опущено *min*.

при условии выплаты ему ежегодной небольшой дани. Посыльные сновали туда и обратно, готовя соглашение и определяя его условия, и клятвы соблюдать его положения были принесены в месяце мухаррам 544 года. Период перемирия был определен в два года, и по этому поводу были приняты соответствующие обязательства. Напряжение спало, и население обеих провинций вздохнуло с облегчением, удовлетворившись заключенным договором и его условиями.

Одновременно с этим пришли письма от Нур аль-Дина, в которых сообщалось, что правитель Антиохии собрал франков в своих землях и выступил с ними, чтобы сеять зло в районах Алеппо. Он добавил, что сам уже выдвинулся со своим аскаром в окрестности Алеппо, чтобы сразиться с ним и отвести беду от провинций, и что он крайне нуждается в помощи Муин аль-Дина, которому надлежит явиться самому с его аскаром, и тогда они смогут объединить силы обоих аскаров против правителя Антиохии. Обстоятельства вынудили эмира Муин аль-Дина поручить эмиру Муджахид аль-Дин Бузан бен Мамину направиться туда со значительным подразделением аскара Дамаска и служить Нур аль-Дину верно, насколько позволяют их возможности. Эмир выступил...[1] в первые десять дней месяца сафара (10—19 июня), а в это время Муин аль-Дин оставался с остальной частью своего аскара в Хауране, чтобы контролировать положение арабов, охранять их районы и заставить их транспортировать зерно на[2] их верблюдах в Дамаск, в соответствии с обычной практикой.

В месяце сафар этого года от Нур аль-Дина, правителя Алеппо, пришла благая весть о милости, ниспосланной ему Аллахом, хвала Ему, даровавшему ему победу над заблудшим и разбитым войском франков, из которого лишь немногим удалось спастись, чтобы распространить в округе эту новость об их неожиданном поражении и гибели. Когда на помощь Нур аль-Дину пришла конница, которую он запросил у туркмен и в близлежащих районах, а также отряд из аскара Дамаска, который при-

[1] Здесь в рукописи пробел.
[2] Следует читать *'alā* вместо *'an*.

был к нему на подмогу под командованием эмира Муджахид аль-Дин Бузана, численность его войска увеличилась, ударная сила стала значительной, и его дух окреп. Он отправился к позициям франков в провинции Антиохия с армией, насчитывавшей около шести тысяч боевых всадников, не считая сопровождающих их обозы, в то время как число франков составляло четыре тысячи конных воинов, вооруженных копьями, и тысячу пехотинцев, не считая сопровождающих. Когда они пришли к месту, известному как Инаб[1], Нур аль-Дин вышел против них со своим победоносным аскаром. Когда они сошлись лицом к лицу, неверные нанесли свой знаменитый удар по мусульманам, но те разделились на два подразделения и атаковали врага, навалившись на него с различных направлений. Оба войска сошлись в рукопашной, окутанные густыми клубами пыли, но последнее слово в этой схватке все же осталось за саблями ислама. Когда дымка рассеялась, Аллах, которому в своих молитвах мы возносим благодарность, даровал мусульманам победу над многобожниками, которые остались лежать распростертыми на земле, покрытые пылью[2], лишенные плодов своего военного похода. Из их числа уцелели лишь немногие, которым судьба дала отсрочку, или же испуганные сердца их обрели крылья, чтобы разнести весть о своем поражении и уничтожении. Мусульмане принялись собирать трофеи и захватывать их обозы, в результате чего их руки отягчали от имущества и животных, захваченных у франков. Проклятый принц[3], их предводитель, был найден распростертым среди своих охранников и рыцарей. Он был опознан и обезглавлен, а его голову отнесли Нур аль-Дину, который одарил принесшего хорошим подарком. Этот проклятый был одним из франкских рыцарей, он славился своей отвагой, храбростью, хитростью и статным видом, пользовался особой репутацией и внушал всем страх своей яростью и жестокостью. Эта битва состоялась в среду, 21-й день месяца сафара (29 июня) 544 года.

---

[1] В 12 милях к северо-западу от Маарrат-ан-Нумана.

[2] Дословно *mu'affarina*.

[3] *Al-balins*, т. е. Раймунд.

После этого Нур аль-Дин со своим аскаром стал лагерем у ворот Антиохии, которая, хоть и лишилась своих стражей и защитников и в которой никого не осталось, кроме жителей, все [еще сопротивлялась] ему и оставалась неприступной. Между Нур аль-Дином и жителями города начались переговоры. Он требовал сдать ему город в обмен на гарантии безопасности и неприкосновенности их жизни и собственности, но жители ответили ему, что пойдут на этот шаг лишь тогда, когда все надежды на прибытие помощи и поддержки в борьбе против тех, кто их атакует, иссякнут. Они принесли ему все драгоценности и деньги, которые смогли собрать в надежде на отсрочку, что и было им обещано вместе с согласием на их петиции. Тогда Нур аль-Дин оставил подразделение своего аскара для охраны города и предотвращения проникновения кого-либо туда, а сам с остальным аскаром отправился маршем в Афамию. Он уже послал эмира Салах аль-Дина (аль-Ягисияни) с крупным подразделением армии, чтобы тот стал там лагерем, осадил город и начал проводить против него операции. Когда же гарнизон города узнал о поражении франков и потерял всяческую надежду на получение поддержки или помощи, он согласился сдаться на условиях сохранения их жизни. И тогда они сдали город, а Нур аль-Дин сдержал данное им обещание и расположил там такой гарнизон, который, по его мнению, был достаточен для защиты города. Это произошло в 18-й день первого месяца раби (26 июля) этого года.

После этого Нур аль-Дин отступил со своим аскаром по направлению к Антиохии...[1] чтобы прийти на помощь тем, кто находился там. Нур аль-Дин искал возможность атаковать и уничтожить франков, но они избегали появляться поблизости от него и вступать с ним в сражение. Тогда ему пришлось заключать соглашение о перемирии с теми, кто находился в Антиохии, при условии, что все, расположенное в пределах территории Алеппо, должно принадлежать ему, а все на территориях Антиохии — им. Поэтому он отступил от последнего города в противоположном от франков направлении, поскольку в результате

[1] Вставка из Абу Шамы (*R.H.C.* IV, 63): «узнав, что подразделение франков приближается от побережья».

своей кампании он захватил замки, форты и укрепленные районы вокруг Антиохии и вывез оттуда обильные трофеи. Эмир Муджахид аль-Дин Бузан с аскаром Дамаска отделился от него и благополучно прибыл в Дамаск со всем своим воинством во вторник[1], 4-й день второго месяца раби этого года. В этом походе он и его армия выполнили достойную службу и остались в памяти народа благодаря своей храбрости, отваге, здравым суждениям и знаниям военной тактики. Именно с его собственных слов и описаний составлен этот рассказ, слегка сокращенный и лишенный приблизительности.

Случилось так, что в это время Муин аль-Дин покинул свой аскар и прибыл в Дамаск в последние дни первого месяца раби 544 года по поводу одного дела, требовавшего его присутствия. Он, как обычно, обильно поел, после чего у него расстроился желудок. Насущные и важные дела заставили его вернуться в аскар в Хауране, хотя он все еще страдал от болезни, которая все усиливалась и ослабляла его силы. В результате эта болезнь оказалась дизентерией[2], повреждающей печень. Этой болезни стоит бояться, так как ее жертвы редко поправляются. Его состояние становилось тревожным, он терял силы, и ему пришлось вернуться в Дамаск в паланкине для лечения. Он достиг города в субботу, 7-й день второго месяца раби (14 августа), однако болезнь и опасения за его жизнь все усиливались, его покидали силы, и он испустил дух в ночь на понедельник, 23-й день второго месяца раби этого года (ночь в воскресенье, 28 августа). Его похоронили в сводчатом алькове во дворце атабека, где он проживал, но впоследствии тело перенесли в медресе, которое он основал. После его похорон состоялось совещание между Хусам аль-Дин Булаком, префектом Муайид аль-Дином[3], Муджахид аль-Дин Бузаном и войсковыми командирами в покоях Муджир аль-Дина[4], который обладал основной властью и занимал более высокое положение, и все во-

Среда, вероятно, указана ошибочно, так как первым днем месяца по местному исчислению было воскресенье, 7 августа.

[2] *Jūsantiryā*.

[3] Раис, или префект, похоже, являлся главой гражданской администрации в городе.

[4] Абу Саид Абак, Бурид, эмир Дамаска, см. с. 183.

просы были решены между ними в лучшем для той ситуации направлении.

Из Мосула пришла новость о кончине эмира Сайф аль-Дина Гази, сына атабека Имад аль-Дина (да будет милостив к нему Аллах), по причине продолжительных коликов в начале первого месяца джумаада этого года (начался 6 сентября), а также о том, что он передал власть своему брату (Кутб аль-Дину) Мавдуд бен Имад аль-Дину под контролем эмира Али Кучака.

Поступило сообщение о наступлении франков на мусульманские провинции с целью опустошить их и вызвать в них хаос[1], и [эмиры Дамаска] стали вооружаться для нанесения ответного удара. Донесения о грабежах и пленении франками жителей районов Хаурана дошли и до Нур аль-Дина, который тоже начал вооружаться для нападения на них, сообщил правителям Дамаска о своем намерении вести священную войну и потребовал от них помощь в размере тысячи конных воинов, которых следует направить ему под командованием надежного предводителя. Тогда они заключили соглашение с франками о совместных действиях против любых мусульманских сил, которые могут атаковать их, и поэтому постарались отделаться от Нур аль-Дина посредством льстивых и притворных доводов. Узнав об этом, он отправился в поход и стал лагерем у Мардж-Ябуса, а также установил часть своих войск у Яфура[2]. Когда он подошел к Дамаску и находившиеся в городе узнали о его приближении, но не ведали о его дальнейших планах, они сообщили о нем франкам и вытребовали у них обещание прийти им на помощь в борьбе с ним. Франки направились в район Аскалона, чтобы перестроить Газу, но (получив это сообщение) их авангард прибыл к Баниясу. Нур аль-Дину сообщили об их приближении, но он не обратил на это

Последствия внутренних распрей и фракционной борьбы, которые разразились в Дамаске, но подробности о них здесь не даются.

[2] Мардж-Ябус находился на главной дороге от Дамаска в Бекаа и Баальбек, примерно в 18 милях на северо-запад от города; Яфур расположен в 14 милях к западу от Дамаска.

никакого внимания, сказав: «Я не стану уклоняться от сражения с ними в священной войне». Между тем он запретил своим войскам грабить и наносить вред сельчанам, проявлял благосклонность к землепашцам, сняв напряженность (вызванную присутствием его армии), так что население Дамаска, его провинций и всех окрестных городов и деревень молилось за него. Перед этим в Хауране, Гуте и Мардже долго не было дождей, из-за чего большинство населения Хаурана оставило город из-за нехватки продуктов и нервозности, сокращения (?)[1] численности домашней птицы и стад, а также нехватки питьевой воды. Когда Нур аль-Дин достиг Баальбека, то по предрасположению судьбы и небесной милости небеса открыли свои фонтаны дождей и росы, и сильные ливни продолжались со вторника, 3-го дня месяца зу-л-хиджы 544 года (4 апреля), вплоть до следующего вторника. Водные источники переполнились, пруды Хаурана наполнились водой, мельницы начали вращаться, а посевы и растительность, пожухшие от жары, дали свежие зеленые побеги. Люди прославляли Нур аль-Дина словами: «Это все благодаря его благословенному влиянию, его справедливости и праведному поведению».

Затем Нур аль-Дин перенес свой лагерь в Авадж[2] и разбил шатры у Деревянного моста в [месте] известном как Маназил аль-Асакир[3] во вторник, 26-й день месяца зу-л-хиджа [25 апреля]. Он направил письмо Муджир-аль-Дину и раису, в котором писал: «Цель моего пребывания в этом лагере заключается отнюдь не в том, чтобы вести войну с тобой или осаждать тебя. Меня побудили к этим действиям исключительно частые жалобы мусульман Хаурана и арабских землепашцев, чья собственность оказалась захваченной франками, а женщины и дети разбежались по всей стране, и которым не на кого надеяться. Учитывая власть, данную мне Аллахом, хвала Ему, я не могу не оказывать помощь мусульманам, не могу отка-

---

[1] В тексте дано *tarwī'*; здесь скорее напрашивается фраза «трудности водоснабжения» (*su'ūba ttarawwi*).

[2] Древний Фарпар, текущий от горы Хермон на юг от города.

[3] См. с. 200. Написание *al-'Āsir* в тексте необходимо исправить соответственным образом.

заться от священной войны против многобожников, имея для этого достаточно средств и людей, я не могу не протянуть им руку помощи, поскольку знаю о твоей неспособности охранять и защищать твои владения и о твоей нерадивости, которая заставила тебя обратиться к франкам за помощью в борьбе против меня, о том, что ты пообещал отдать им деньги бедных и слабых людей из числа твоих подданных, которых ты таким образом обманываешь и грабишь. Это грех перед Аллахом и всеми мусульманами, и у тебя нет другого выхода, кроме как без каких-либо оговорок оказать мне помощь тысячью конных воинов, которых следует направить под командованием надежного и храброго командира для захвата порта Аскалон и других мест»[1].

Ответное письмо было составлено в таких выражениях: «Между нами и тобой вопрос решит только сабля, и войско франков уже сейчас идет на помощь нам, чтобы прогнать тебя, если ты нападешь на нас и возьмешь нас в осаду». Когда посыльный вернулся к нему с таким ответом и Нур аль-Дин прочитал его, его переполнили изумление и негодование, и он решил атаковать город на утро этого дня, которым была среда, 26 апреля[2]. Однако после этого Аллах ниспослал длительные и сильные дожди, не позволившие ему осуществить его намерения и отвлекли его.

Год 545 от хиджры

(30 апреля 1150 г. — 19 апреля 1151 г.)

Первым днем этого года был понедельник (1 мая). В месяце мухаррам был заключен мир между Нур аль-Дином и правителями Дамаска. Причина заключалась в том, что Нур аль-Дин не хотел проливать кровь мусульман [что ему пришлось бы], если бы он продолжил осаждать город и атаковать его. Более того, он получил определенные известия, подтолкнувшие его к такому решению.

---

[1] Абу Шама (с. 66) пишет «Аскалон и Газа».

[2] В тексте дается 25-е число.

К тому же они обещали признать его сюзеренитет и оглашать его имя во время проповеди с кафедры в Дамаске после имен халифа и султана, а также чеканить его образ на монетах. В том были даны надлежащие клятвы, и Нур аль-Дин одарил Муджир аль-Дина полной почетной одеждой с воротником и сопроводил его обратно в город со всеми знаками почета и уважения. Его имя было оглашено с кафедры в Дамаске в пятницу, 12-й день[1] месяца мухаррама (12 мая). После этого раис тоже был приглашен в лагерь, ему преподнесли полную почетную одежду и сопроводили обратно в город. Группа воинов и приближенных офицеров нанесла визит Нур аль-Дину в его лагере и беседовала с ним. Он щедро одарил всех нищих, бедных и несчастных, и никто из обращавшихся к нему не вернулся с пустыми руками, и никто из просящих его не остался недоволен вознаграждением. Он оставил свой лагерь в преддверии субботы и вернулся в Алеппо, полностью выполнив свои задачи и планы.

Из Алеппо пришла новость о том, что на 5-й день месяца мухаррама аскар города, состоящий из туркмен, захватил сына Жослена, правителя Азаза, с его свитой, и теперь он надежно заключен в цитадели Алеппо. Все люди радовались этому успеху. Сообщалось также, что князь Масуд[2] прибыл со своим аскаром, чтобы напасть на Антиохию. Он разбил лагерь у Телль-Башира и осадил его в один из дней месяца мухаррама. После возвращения в Дамаск и заключения сына Жослена в цитадель Алеппо Нур аль-Дин тоже направился со своим аскаром к Азазу, городу сына Жослена. Он стал перед ним лагерем, осадил и атаковал до тех пор, пока Аллах не позволил ему завладеть городом путем капитуляции, несмотря на его исключительную неприступность, трудности подхода к нему и высокое местоположение. Захватив город и учредив там надежный гарнизон, он отправился назад в Алеппо, радостный и триумфальный, в первый месяц раби (начинается 28 июня). Что же касается Телль-Башира, то в пятницу, 1-й день второго месяца раби (28 июля), пришло

В тексте указано 14-е число.

Масуд I, сын Кылыч Арслана, сельджука султана Анатолии, правил в 1116—1156 гг.

сообщение о том, что после его осады и атак на него Масуд отступил по определенными причинам, вынудившим его принять такое решение, и большинство его защитников [впоследствии] вернулись в город.

Сообщалось о прибытии Манкубарса с войском тюрок и туркмен в район Хаурана и его соединении с эмиром Ширхалом, правителем Бусры, для набегов и опустошения деревень Хаурана. По слухам, это было сделано с согласия Нур аль-Дина. Они намеревались вызвать хаос и разрушения в Шархаде, осадив город, а после этого пройтись по другим районам, чтобы вызвать страх и изгнать землепашцев с их земель.

В месяце раджаб этого года (начался 24 октября) от Нур аль-Дина пришло сообщение о его победе над армией франков, стоявших лагерем перед ним возле Телль-Башира. Враги понесли огромные потери, а руки [мусульман] были переполнены добычей и пленными. Он также захватил замок Халид[1], который атаковал после осады.

В последние десять дней месяца раджаба из Хаурана сообщалось, что эмир Манкубарс повстречал аль-Хаджи и его людей из аскара Дамаска в месте, известном как ...[2], победил и смертельно ранил его.

Год 546 от хиджры

(20 апреля 1151 г. — 7 апреля 1152 г.)

Первым днем этого года была пятница (20 апреля).

В среду, 13-й день[3] месяца мухаррама (2 мая), авангард аскара Нур аль-Дина разбил лагерь у Адхры на территории Дамаска и в близлежащих местах. В следующий четверг его крупное подразделение отправилось в Аль-Сахам и Аль-Найраб[4] и устроило там засаду на холме на аскар Дамаска. Когда аскар вышел из города, чтобы противостоять им, его предупредил о засаде человек, который спешно прибежал

На реке Саджур, к северо-востоку от Телль-Башира.

Написание в рукописи и тексте не ясно.

В тексте ошибочно указано 10-е число.

Аль-Найраб находился в точке, где Барада и ее каналы спускаются с гор, на западе от города.

к ним. Засада была раскрыта, войска ретировались в город и избежали несчастья без потерь, за исключением нескольких отстающих, которые были ранены[1]. В следующую пятницу Нур аль-Дин прибыл со своим аскаром и стал лагерем у Уйун-Фазарии, между Адхрой и Думой, рассредоточившись в этих местах. В следующую субботу они ушли оттуда, и огромное и многочисленное войско разбило лагерь на землях Хаджиры и Равийи[2] и их окрестностях. Недисциплинированные элементы дамасского аскара, а также грабители и отребье набросились на урожаи крестьян, собирая и вырывая с корнем, на фрукты, которые уничтожали, не встречая противодействия и противления. Поэтому их хозяева были охвачены горем, цены поднялись, передвижение торговцев ограничилось, и всех охватила общая озабоченность. Для защиты города и его стен было подготовлено оборудование и проведена соответствующая подготовка. Посыльные Нур аль-Дина доставили от него следующее сообщение властям города: «Я желаю лишь добра мусульманам, хочу вести войну против франков и спасти пленников, оказавшихся в их руках. Если аскар Дамаска поддержит меня, мы вместе будем вести священную войну, а все дела будут решаться в гармонии и на общее благо, то все мои стремления и помыслы полностью осуществятся». Однако полученный им ответ отнюдь не удовлетворил его и не отвечал его задачам.

В субботу, 23-й день этого месяца (12 мая), Нур аль-Дин вывел свои войска из упомянутого лагеря и атаковал район мечети Аль-Кадам[3] и ее окрестности к востоку и западу. Число шатров было настолько большим, что они простирались до новой мечети к югу от города. Никогда в прошлые годы командиры армий не выбирали это место для устройства лагеря. Между авангардом аскара Нур аль-Дина и вышедшими из города воинами произошло несколько стычек, но потом все вернулись на свои места. Сам же аскар упорно воздерживался от наступления на

Следует читать *juriha* вместо *kharaja*.

Оба места находятся в нескольких милях на юго-юго-восток от города.

[3] Святилище примерно в 2 милях к югу от города, весьма почитаемое благодаря камню с отпечатками стопы, как считается, Моисея.

город и открытой атаки на его жителей, желая избежать загубленных душ и инвалидности из-за ран большого числа воинов. В результате нехорошие люди с обеих сторон получили возможность грабить, собирать урожай зерновых в Мардже, Гуте и окрестных районах города, разрушать дома в деревнях и уносить добытые таким образом материалы в город или лагерь. Потери собственников, ремесленников и крестьян все увеличивались, а аппетиты воровской толпы постоянно росли, и бесконтрольные грабежи достигли неимоверных размеров, так как не предпринималось никаких мер для их пресечения. Поставки сена на корм лошадям прекратились со всех сторон, цены выросли, и возникла серьезная ситуация. Между тем поступали сообщения и подтверждения того, что франки собирают силы, чтобы прийти на помощь народу Дамаска, и все верующие и здравомыслящие люди были переполнены горем и отвращением от такого ненавистного и отвратительного положения дел. Эта неблаговидная ситуация оставалась без перемен, стычки происходили ежедневно, без каких-либо регулярных атак или сражений, вплоть до четверга, 13-го дня месяца сафара (31 мая).

После этого аскар Нур аль-Дина покинул свой лагерь и остановился в районах Фадхайи и Халфабалтайна, а также Аль-Хамисайна, поблизости от города, хотя в стародавние времена ни одна из армий, как известно, не отваживалась приближаться к этим местам. Бой произошел в упомянутый день. Большое число конных и пеших защитников города было ранено, захвачен скот крестьян и бедняков, животные простых горожан[1], а также личная собственность крестьян Гуты, Марджа и окрестных районов. В четверг, 20-й день[2] месяца сафара (7 июня), Нур аль-Дин отступил оттуда в Дарайю после получения из нескольких источников предупреждений о том, что армия франков идет к городу на помощь его защитникам. Он предпринял этот шаг, чтобы оказаться поближе к месту предполагаемого их наступления. Это было продиктовано его твердой решимостью сразиться с ними и его полной

[1] *Almuta 'alliqati mina'l-balad.*
[2] В тексте: 10-е число.

готовностью к борьбе с врагом. Аскар Нур аль-Дина достиг неимоверных размеров числом и силой и постоянно увеличивался благодаря прибытию, одного за другим, воинских подразделений из различных районов, а также туркменских племен. Несмотря на это, он не позволял никому из своего аскара вступать в бой с кем-либо из мусульман, будь то городские войска или представители низших классов, всячески воздерживаясь от кровопролития, если это не содействовало достижению его целей, так как такими людьми руководила лишь глупость и тщеславное стремление ринуться в бой и показать себя, однако они всегда возвращались ни с чем и побежденными. Простояв на этих позициях несколько дней, Нур аль-Дин переместился в окрестности Аль-Аваджа, ввиду приближения армии франков и их намерения атаковать его. Затем он счел необходимым отступить к Аль-Забдани[1], чтобы завлечь франков, но при этом послал подразделение своего аскара численностью около четырех тысяч конных воинов с несколькими предводителями, чтобы они, присоединившись к арабам в районах Хаурана, выслеживали и нападали на франков, наблюдали за их приближением и за выходом аскара Дамаска на соединение с ними, дабы в конечном итоге отрезать их.

Случилось так, что армия франков подошла к Аваджу после его отступления оттуда, остановилась там в 3-й день первого месяца раби (20 июня), и большое их число пришло в[2] город [Дамаск], чтобы удовлетворить их нужды. Муджир аль-Дин и Муайид аль-Дин[3] вышли со своими приближенными офицерами и значительным числом горожан, чтобы провести совещание с их королем и с его приближенными офицерами, но при этом обнаружили, что численность франков не превосходит и сил у них гораздо меньше, чем они того ожидали.

Между ними было решено, что обе армии станут лагерем у замка Бусра, чтобы завладеть им и получать доходы с его территорий. Поэтому армия франков отправилась

В верховьях Барады в Анти-Ливане.

У Абу Шамы (с. 71) написано *dakhala* («вошедший») вместо *wasala*.

[3] То есть раис, или префект Ибн Ас-Суфи.

маршем к Раас-аль-Ма[1], но аскар Дамаска был не в состоянии присоединиться к ним из-за своей слабости и взаимных разногласий в войсках. Подразделение аскара Нур аль-Дина, которое находилось в Хауране вместе с теми арабами, которые присоединились к ним, выступило всеми силами навстречу франкам, чтобы примерно наказать их. В поисках убежища и спасения войска франков отступили к Леяху в Хауране. Когда эта новость дошла до Нур аль-Дина, он отправился в поход и стал лагерем у Айн-аль-Джарра в Бекаа, намереваясь вернуться к Дамаску и атаковать франков и аскар Дамаска. В это время франки, объединившись с силами с аскаром Дамаска, отправились к Бусре, чтобы взять город в осаду и вести против него боевые действия. Но им не удалось выполнить эту задачу, и, когда правитель города, Ширхал, выступил против них со своими воинами, франки в замешательстве отступили перед ним. Армия франков вернулась в свои территории между 11-м и 20-м числами первого месяца раби и направила письма Муджир аль-Дину и Муайид аль-Дину, требуя остаток суммы, обещанной им, если они вынудят Нур аль-Дина отойти от Дамаска. В них было написано: «Если бы мы не заставили его отойти, он бы никогда не ушел от вас».

В это время пришли сообщения о прибытии в прибрежные города египетского флота огромной силы, большой численности и прекрасно оснащенного. Говорилось, что он насчитывал семьдесят военных кораблей, полных воинами. Такой флот еще никогда не приходил в прошлые годы, а сумма, потраченная на его снаряжение, как сообщалось, составляла примерно триста тысяч динар. Флот подошел к Яффе, одному из прибрежных городов франков, и [находившиеся на борту] убивали, брали в плен и сжигали все, до чего доходили их руки, а также захватили большое число греческих и франкских кораблей. После этого флот направился к Акке, где, действуя таким же образом, завладел значительным числом франкских военных кораблей, убив больше число паломников и других людей. Отправив все, что можно, обратно в Еги-

---

[1] Территория для лагеря в Хауране, возле Дилли, примерно в 20 милях к северу от Дараа.

пет, они проследовали в порты Тир, Бейрут и Тарабулюс, сотворив там то же самое. Нур аль-Дин обещал выступить навстречу этому флоту и оказать ему содействие в крушении франков, но случилось так, что он был занят другими делами в Дамаске, куда ему пришлось вернуться, чтобы продолжить осаду города. Он питал большие надежды завладеть им, зная о его слабости, о симпатиях, которые испытывали к нему войска и горожане, а также о своей репутации справедливого правителя, которую имел среди них. Рассказывают, что Нур аль-Дин приказал своей армии провести парад и подсчет, который определил ее численность в полные тридцать тысяч воинов. После этого он выступил в поход и стал лагерем у Аль-Даламии в Бекаа. Оттуда он проследовал к Дамаску и разбил лагерь у Кавкабы к западу от Дарайи в воскресенье[1], 21-й день первого месяца раби (7 июля). Его конница контролировала дорогу, ведущую от Хаурана в Дамаск, и захватила большое количество верблюдов, зерна и животных. Они также совершали набеги на Гуту и Мардж и увели всех животных, которые им попались. В понедельник Нур аль-Дин покинул свой лагерь и остановился возле Дарайи, ближе к Деревянному мосту.

В городе было выпущено воззвание ко всем войскам и городскому ополчению выступить против него, но никто так и не появился, за исключением немногих, кто это уже сделал. В среду, 24-го числа, Нур аль-Дин вышел из своего лагеря и остановился у Аль-Катии[2] и в ее окрестностях. Таким образом, он идет к городу, и между двумя сторонами начали происходить стычки, но главное наступление все откладывалось, и стремления к тому не ощущалось.

Нур аль-Дину сообщили, что его подчиненный, эмир Хассан аль-Манбиджи, овладел городом Телль-Баширом, капитулировавшим в четверг, 25-й день первого месяца раби (12 июля). В честь этой славной новости в его лагере били барабаны и пели трубы. Посыльного[3] сопрово-

---

Возможно, ошибочно указано вместо воскресенья (8 июля).

Южный пригород города, поблизости от «Мечети отпечатка ноги» (см. с. 215).

[3] Следует читать *al-mubashshir* вместо *al-masīr*.

ждала группа знатных людей Телль-Башира, которые прибыли, чтобы урегулировать дела города (с Нур аль-Дином).

Нур аль-Дин оставался верен своему решению не атаковать город и не пускать в бой свои войска и своих людей в силу благого намерения не убивать мусульман и говорил: «Нет необходимости, чтобы мусульмане убивали друг друга, а я, со своей стороны, пожалую им передышку, чтобы они могли посвятить свою жизнь борьбе с многобожниками». На основе этих соображений во втором месяце раби были проведены переговоры для подписания договора, в котором были закреплены конкретные предложения и условия. Переговоры вели законовед Берхан аль-Дин Али аль-Балхи и эмир Асад аль-Дин Ширкух и его брат Наджм аль-Дин Айуб. Спорные моменты постепенно уладились, и переговоры продолжались, пока не было достигнуто согласие, основанное на принятии предлагаемых условий. Обе стороны дали клятву соблюдать договоренность и приняли ее в четверг, 10-й день второго месяца раби (26 июля) этого года.

Наутро в пятницу Нур аль-Дин отправился в Бусру, чтобы стать там лагерем и осадить город, и запросил из Дамаска необходимые ему для ведения войны материалы и баллисты. Причина его экспедиции заключалась в том, что, по сообщениям, находившийся там правитель города Ширхал отказался повиноваться, восстал и стал склоняться на сторону франков и помогать им. Поэтому Нур аль-Дин, со своей стороны недовольный таким его поведением, послал против него крупное подразделение своего войска.

В четверг, 12-й день месяца раджаба 546 года (25 октября), Муджир аль-Дин, правитель Дамаска, отправился в Алеппо со своими приближенными офицерами. По прибытии туда он предстал перед Нур аль-Дином, правителем города, который принял его с почестями и вел себя с ним очень любезно. После того как Муджир аль-Дин заявил о своей преданности ему и пообещал быть его верным наместником в Дамаске, они согласовали некоторые вопросы, изложенные им. Затем Муджир аль-Дин отбыл, обрадованный почетом и вниманием, проявленными к

нему Нур аль-Дином, и вернулся в Дамаск во вторник, 6-й день месяца шаабана (20 ноября).

В конце месяца шаабана (начало декабря) из Банияса пришло сообщение о том, что значительное туркменское войско совершило набег на его пригороды, а когда франкский правитель замка вышел против них со своими воинами, они убили и пленили многих франков, из числа которых никому не удалось спастись, кроме самого правителя и кучки его сподвижников. Когда эта новость достигла властителей Дамаска, они остались недовольны такими действиями, так как те нарушали договор о мире и дружественных отношениях, и направили против них отряд аскара Дамаска. Отряд напал на отставших от основного войска туркмен, отбил трофеи, оказавшиеся в их руках, и привел троих из их людей[1].

В первые дни месяца рамазана (начался 12 декабря) сообщалось, что большая часть армии франков проследовала в Бекаа и, застав его обитателей врасплох, совершила набег на значительное число деревень, захватила там всех мужчин, женщин, стариков и детей и увела их скот, вьючных и тягловых животных. Эти новости дошли до правителя Баальбека, который направил против них своих людей. К его силам присоединилось большое войско из Бекаа. Они поспешили навстречу франкам и перехватили их в то время, когда частые снегопады отвлекли их и замедлили их движение. Тогда мусульмане убили большое число их пеших воинов и вернули тех пленных и животных, которые еще не погибли в снегах, но их осталось совсем немного. Франки вернулись в ужасном состоянии, в замешательстве и расстройстве, хвала Аллаху за его помощь мусульманам.

Год 547 от хиджры

(8 апреля 1152 г. — 28 марта 1153 г.)

Первым днем этого года был вторник (8 апреля).

В месяце мухаррам от Нур аль-Дина пришла весть о нападении его аскара на замок Антартус и его захвате. На-

[1] Следует читать *('ādū) bi-thalāthati nafarin* вместо *thalāthata*.

ходившиеся там франки были убиты, а тем, кто попросил пощады, была дарована жизнь. Разместив там свой гарнизон, он проследовал дальше и захватил ряд других замков либо силой оружия, что сопровождалось захватом пленных, разрушениями и поджогами, либо путем капитуляции.

В четверг, 10-й день месяца мухаррама (17 апреля), пришло сообщение из Аскалона о победе людей города над франками в окрестностях Газы, где большое их число было истреблено, а остальные бежали.

В конце месяца сафара (начался 8 мая) Муджир аль-Дин со своим аскаром в сопровождении визиря Муайид аль-Дина отправился к замку Бусра и стал там лагерем, чтобы взять в осаду его правителя Ширхала, блокировав население замка, из-за непослушания его приказам и запретам, из-за тирании и несправедливости по отношению к населению деревень Хаурана, а также слишком больших поборов, которые те не могли более выносить. Для осады замка Муджир аль-Дин затребовал баллисты и другое военное снаряжение. Случилось так, что он проследовал в Шархад [во время осады Бусры], чтобы самому все осмотреть, и спросил разрешения на это у его правителя Муджахид аль-Дина[1], который ответил ему: «Это место находится под твоей властью, и я управляю им от твоего имени». Он также послал инструкции своему сыну, Сайф аль-Дин Мухаммаду, который представлял его там, провести всю необходимую подготовку. Он принял Муджир аль-Дина со всеми должными церемониями, вышел из замка ему навстречу со своими офицерами, вынес ему ключи, выказал должное уважение, вывел из замка своих людей, и тогда Муджир аль-Дин вошел туда со своими приближенными офицерами. Он был польщен этим и возрадовался действиям Муджахид аль-Дина, поблагодарил его, подарил ему привезенных специально для него лошадей и драгоценности, а потом покинул его и, удовлетворенный, вернулся в свой лагерь у Бусры. Несколько дней он продолжал проводить против нее операции, пока не было достигнуто примирение и правитель не пообещал выполнить все его требования, когда он вернется в Дамаск.

---

[1] Бузан. См. с. 198.

Год 548 от хиджры

(29 марта 1153 г. — 17 марта 1154 г.)

Первым днем этого месяца была суббота (29 марта).

На 26-й день месяца мухаррама (23 апреля) из Египта пришла новость о том, что аль-Адил, известный под именем Ибн аль-Саллар, который получил высокий чин и чье положение в вазирате было настолько прочным, что он полностью контролировал действия правительства[1], был убит у себя в кровати сыном своей жены, эмиром аль-Аббасом. Он только что провел совет по вопросу финансирования флота, который должен был отправиться в Аскалон, чтобы укрепить его гарнизон людьми, деньгами и провизией в борьбе против франков, осаждавших город силами большого и сильного войска, и люди города оказались на грани краха[2]. Закончив совет, он по своему обычаю отправился отдохнуть после трудов праведных и освежить себя коротким сном[3]. <...>

От Нур аль-Дина, султана Алеппо и Сирии, поступило несколько сообщений о его решимости собрать аскары и туркмен из всех провинций и городов, чтобы отправиться в поход и уничтожить многобожие, подавить восстание против Аллаха и помочь людям Аскалона в борьбе против осаждавших их франков. Они поставили город в ужасное положение, соорудив для его штурма проклятую башню и собрав огромное войско (да защитит их Аллах от этой угрозы). Муджир аль-Дину, правителю Дамаска, пришлось отправиться на помощь Нур аль-Дину со всем своим аскаром, чтобы поддержать его в священной войне. Он выступил в субботу, 13-й день месяца мухаррама[4] (11 апреля), и их силы соединились на севере. Между ними и всеми командующими, эмирами провинций и туркменами, которые пришли с огромными силами, было достигнуто согласие.

---

[1] Дословно: «его распоряжения, казнить или миловать, и его решения, ослабить или надавить, исполнялись».

[2] Текст в оригинале достаточно запутан; в последней строчке на с. 319 я читаю *wahum* вместо *wahuwa*.

[3] Другие подробности убийства и т. д. не приводятся.

[4] Так указано в рукописи, возможно, ошибочно вместо 14-го.

Нур аль-Дин только что силой оружия захватил замок, известный как Афлис[1], по велению Аллаха и с Его помощью, несмотря на чрезвычайную естественную силу и мощные укрепления замка. Находившиеся в замке франки и армяне были убиты, и войска захватили большое количество денег и пленных. Они отправились дальше (вместе) к приграничному замку Банияс и стали возле него лагерем в субботу, 19-й день месяца сафара[2] (16 мая), в тот момент, когда защитники замка отсутствовали, и представилась хорошая возможность захватить его. В это время от людей Аскалона к Нур аль-Дину непрерывно поступали просьбы о помощи, но Аллах распорядился так, что стычки и убийства разразились в войсках мусульман, которые, несмотря на свою численность приблизительно в десять тысяч конных и пеших воинов, беспорядочно отступили от Банияса, хотя ни один франк не нанес им ни одного удара и войско франков не вступало с ними в бой. Они разбили лагерь в местечке, известном как Аль-Авадж, и намеревались возобновить осаду Банияса с целью его захвата, но позже без какой-либо причины отказались от этого решения и ретировались. Муджир аль-Дин вернулся в Дамаск живым и здоровым, вместе со своими людьми, в понедельник, 11-й день первого месяца раби[3], а Нур аль-Дин возвратился в Химс и стал там лагерем со своим аскаром.

Пришло сообщение о прибытии египетского флота в Аскалон. Боевой дух населения укрепился деньгами, людьми и продовольствием [доставленными флотом], захватившим в море значительное число кораблей франков. Со своей стороны, франки не ослабили осаду города и постоянно атаковали его с помощью своей башни. <...>[4] Они наседали и атаковали утром и вечером, пока наконец

По определению Дуссауда (*Topographie*, с. 237), Афис расположен на дороге из Маарrат-ан-Нумана в Алеппо, примерно в 20 милях к северо-северо-востоку от последнего.

[2] В тексте указано 29-е число, но, возможно, по ошибке вместо 26-го (23 мая).

[3] Так сказано в тексте, но 11-е число должно быть пятницей или субботой (5 или 6 июня); ссылка на 11-е число второго месяца раби (понедельник 6 июля) вряд ли вписывается в контекст.

[4] Абзац, посвященный внутренним разногласиям в Дамаске, опущен.

в определенном участке стены не образовался пролом, нужный для атаки. Пробив его, они ворвались в город, и обе стороны понесли большие потери. Преобладающие силы противника вынудили [людей Аскалона] сдаться на определенных, оговоренных условиях, и те, кто мог уйти, покинули город и отправились по суше и по морю в Египет и другие края. Говорили, что в этом захваченном приграничном городе было несчетное количество военных складов, денег, продовольствия и запасов зерна. Когда новость об этом разнеслась по всей стране, люди встретили ее с печалью и сожалением. Такое событие вызвало у них крайнее возмущение, усиленное Тем, Чье повеление невозможно отменить и Чьему предрешению невозможно противодействовать.

В месяце зу-л-каада (начался 18 января 1154 г.) в Дамаске поднялись цены из-за отсутствия обычных поставок зерна с севера, так как Нур аль-Дин, правитель Алеппо, издал приказ, запрещающий эти поставки. Эта мера усугубила положение простого народа, бедноты и слабых. Цена мешка пшеницы достигала двадцати пяти динар и даже больше. Немалое количество людей покинули город, но они были в таком ужасном состоянии, в таком горе и истощении, что многие из них умирали вдоль дорог. Поставки продовольствия были отрезаны со всех сторон. Говорили, что Нур аль-Дин был решительно настроен продолжать такую блокаду Дамаска, чтобы таким образом завладеть городом, поскольку иначе он не мог сломить его сопротивление, ввиду силы его султана и численности его войска и наемников. Мы молим Аллаха поскорее избавить нас от этой напасти, взглянуть на Его создания с сочувствием и жалостью, так как Он проявлял снисхождение и щедрость к ним в прошлом.

Год 549 от хиджры

(18 марта 1154 г. — 6 марта 1155 г.)

Первым днем этого года была среда (17 марта).

В период между 11-м и 20-м днями месяца мухаррама эмир и исфахсаллар Асад аль-Дин Ширкух достиг при-

городов Дамаска в качестве посланника от Нур аль-Дина, правителя Алеппо. Он стал лагерем у Аль-Касаба в Марджe с войском, насчитывавшим примерно тысячу человек. Такие его действия вызвали неприязнь и враждебность по отношению к нему. Муджир аль-Дин не вышел ему навстречу и отказался общаться с ним. В силу обстоятельств, произошел обмен посланиями, который не привел ни к достижению согласия, ни к какой-либо удовлетворительной договоренности.

Цены на продукты росли из-за отсутствия поставок зерна, и Нур аль-Дин прибыл со своим аскаром, чтобы присоединиться к Ширкуху, в воскресенье, 3-й день месяца сафара (18 апреля). Он разбил свой лагерь у Уйун-аль-Фазарии недалеко от Думы, а на следующий день передвинулся и остановился на землях поместья, известного как Байт-аль-Абар[1] в Гуте. Он наступал на город с востока, и большой контингент войск и вооруженных ополченцев вышли им навстречу. Между ними происходили незначительные стычки, после чего обе стороны возвращались на свои места, однако Нур аль-Дин возобновлял атаки день за днем. В воскресенье, 10-й день месяца сафара (25 апреля), по предрасположению и повелению (Аллаха) и на благо князя Нур аль-Дина, народа Дамаска и всех людей, вместе взятых, Нур аль-Дин построил свои войска и, приготовившись к яростной атаке, пошел в наступление ранним утром. Аскар Дамаска, как обычно, вышел ему навстречу, и между ними завязалась битва. Тогда войска Нур аль-Дина атаковали с востока в нескольких местах, и силы Дамаска стали отступать перед ними, пока не оказались поблизости от стен Ворот Кайзана[2] и сыромятни к югу от города. Благодаря нерасторопности властей и предрасположенности судьбы на стене не оказалось ни души из числа воинов и горожан, помимо незначительной группы тюрок на одной из башен, чье сопротивление можно не учитывать. Один[3] из пеших воинов подошел к стене, на которой нахо-

---

Местонахождение определено Дуссаудом (*Topographie*, с. 312) сразу же на восток и юго-восток от города.

[2] В юго-восточном углу стены, где расположен еврейский квартал.

[3] Следует читать *ba'du* вместо *ba'da*.

дилась женщина-еврейка, спустившая ему веревку. Он взобрался наверх и занял позицию на стене, неожиданно для всех, а за ним последовали другие. Тогда воины Нур аль-Дина водрузили на стене флаг и закричали Ya Mansur[1], после чего войска и горожане прекратили всяческое сопротивление, учитывая симпатию, которую они питали к Нур аль-Дину, его справедливости и положительной репутации. Один их дровосеков поспешил с топором к Восточным воротам и сломал их засов. Ворота распахнулись, и аскар Нур аль-Дина без труда, решительно проник внутрь и поспешно проследовал по главным улицам. Ни один человек не препятствовал их продвижению. Ворота Томаса[2] тоже были открыты, и войска вошли в них. Затем в город вошел сам Нур аль-Дин и его приближенные офицеры на радость всех людей, войск и солдат, страдавших от голода, высоких цен на продовольствие и опасений попасть в осаду неверных франков.

Муджир аль-Дин, предчувствуя поражение, укрылся в цитадели вместе с приближенными офицерами. Ему было направлено послание с гарантиями безопасности жизни и собственности, после чего он вышел к Нур аль-Дину, который успокоил его, пообещал хорошее отношение, и сам вошел в цитадель в вышеупомянутое воскресенье. Он сразу же объявил об амнистии всех горожан и отдал приказ не грабить их дома. Несколько подлых человек из толпы поторопились отправиться на рынок Али и другие рынки, чтобы бесчинствовать и грабить там, но правитель и князь Нур аль-Дин поспешил успокоить население и снять его озабоченность. Муджир аль-Дин перенес все свои вещи из своей резиденции в цитадели, все богатства, деньги, оружие и мебель, несмотря на их количество, во дворец атабека, резиденцию его деда, где и оставался несколько дней. Затем Нур аль-Дин повелел ему переехать в Химс со всеми его домочадцами и приближенными, которые захотят остаться с ним. Нур аль-Дин заранее приготовил грамоту, отписав ему и его вой-

---

Дословно «О, победоносный».

В северо-восточной стене, ведущие к христианскому кварталу.

ску несколько районов Химса в качестве территориальной резиденции, и он отправился туда в соответствии с предопределением (Аллаха).

На следующий день были созваны знатные горожане из числа законников и торговцев, и адресованное им обращение вселило в них радость и удовлетворение.

Должное внимание было уделено тем мерам, которые будут содействовать процветанию города и реализации надежд населения, в результате чего Нур аль-Дину были принесены многочисленные благословения и благодарности, хвала Аллаху, который направил его деяния. За этим последовала отмена налогов на дынном рынке, на рынке овощей и на пользование каналами. Указ об этом был зачитан с кафедры после пятничной молитвы, и люди искренне радовались наступлению лучших времен, и мастеровые, землепашцы, женщины[1] и купцы открыто восхваляли Аллаха в своих молитвах, прося продлить жизнь князя и даровать победу его знаменам.

В последние дни месяца мухаррама (середина апреля) этого года пришло сообщение из Мардина о кончине его правителя эмира Хусам аль-Дина (Тимурташа), сына Иль-Гази бен Ортука (да будет милостив к нему Аллах) в 1-й день месяца мухаррама. Он не только занимал почетное положение среди туркмен, но и благодаря своему благоразумию пользовался уважением у религиозных деятелей и ученых и выделялся среди равных своим прекрасным характером.

В первый месяц джумаада (начался 14 июля) из Египта пришло сообщение о том, что значительное число франкских кораблей вышло с Сицилии и направилось к городу Тиннису в то время, когда его обитатели ничего не подозревали, напали на него, убивали, брали в плен, грабили и три дня спустя ушли со всеми трофеями, оставив это место опустошенным. Позже те, кто покинул эти места после несчастья, и те, кто спрятался и уцелел, вернулись обратно. Эти ужасные новости повергли всех в уныние.

---

[1] Так сказано в тексте, но *al-huram*, возможно, ошибка вместо *(ahl) al-huraf* «ремесленники».

Год 550 от хиджры

(7 марта 1155 г. — 24 февраля 1156 г.)

Первым днем этого года был понедельник (7 марта).

24-го числа первого месяца раби (28 мая) условия мирного договора были согласованы между аль-Малик аль-Адил[1] Нур аль-Дином, правителем Дамаска, и королем франков сроком на один год, и конвенция оставалась в силе на этих условиях в течение обусловленного периода.

Несколькими днями позже Нур аль-Дин издал княжеский указ об аресте Даххака, правителя Баальбека. Он потребовал от него сдать город, и после согласия выполнить этот указ победоносный аскар отправился занять его. Город сдался во вторник, 7-й день второго месяца раби[2] (9 июня), и Нур аль-Дин поручил его управление и оборону офицеру, который принял капитуляцию.

В месяце шаабан (начался 30 сентября) из Египта пришла новость о том, что держатель вазирата, рыцарь ислама, Ибн Руззик, приняв власть, решил заключить с франками договор о мире и убедить их воздерживаться от недружественных деяний с помощью значительной денежной выплаты из казны и налоговых сборов с фьефов, принадлежащих командирам территориальных сил. Однако, когда по этому вопросу он стал советоваться с последними, те возмутились и с ужасом отвергли его предложение, а также решили сместить его и посадить на его место того человека, которому они доверяли. Они избрали командира, известного как эмир <...>[3], славившегося своей доблестью, храбростью и умением управлять, и одобрили назначение одного морского офицера, славившегося своей энергией и знанием морских операций, командовать египетским флотом. Этот человек отобрал группу моряков, говоривших на языке франков, одел их в одеж-

---

«Справедливый царь». Так впервые в Сирии появился этот тип наполовину царского титула, который явно возник в Египте за несколько лет до этого, как титул всемогущего визиря, и впоследствии использовался всеми султанами айюбитов и мамлюков.

[2] В тексте указан первый месяц раби, что противоречит дате, приведенной выше.

[3] Пропуск в тексте.

ды врага и отправил в поход на нескольких судах, принадлежавших флоту. Сам же он вышел в море, чтобы исследовать различные места, укрытия и пути, которыми обычно пользовались корабли греков, чтобы собрать о них необходимую информацию. После этого он отправился в Тир, получив сведения о том, что там находится крупное греческое судно с большим количеством людей и огромными богатствами. Он напал на судно, захватил его, убил всех, кто находился на нем, и захватил его груз. Спустя три дня он сжег судно и снова вышел в море, где захватил несколько кораблей с паломниками-франками и, убив некоторых, захватил других в плен, ограбил, а затем вернулся в Египет с пленными и трофеями.

В упомянутом месяце из Алеппо пришло сообщение о распрях, вспыхнувших между сыновьями князя Масуда (сына Кылыч Арслана) после его смерти, сыновьями Куталмыша и сыновьями Кылыч Арслана[1], а аль-Малик аль-Адил Нур аль-Дин, правитель Дамаска и Алеппо, старался помирить и успокоить их, предупредив, что их ссора послужит лишь укреплению их греческих и франкских врагов и подтолкнет их к нападению на мусульманские крепости. Он сделал для этого примирения все возможное как посредник, щедро одарил и умаслил их, после чего между ними воцарился мир.

В месяце рамазан (начался 9 октября) пришло сообщение о том, что аль-Малик аль-Адил Нур аль-Дин отправился со своим аскаром в земли, принадлежащие князю Кылыч Арслану[2], сыну князя Масуда (бен Кылыч Арслан) бен Сулейман бен Куталмыша, князя Кунийи и окружающих территорий, и захватил там несколько замков и крепостей, капитулировавших под силой его оружия. Князь Кылыч Арслан и два его брата, Ду-л-Нун и Дулаб (?), воевали с сыновьями аль-Данишменда. Произошло так, что сыновьям князя Масуда была дарована божественная помощь в борьбе с сыновьями аль-Данишменда, и их силы одержали победу в битве у местечка, известного как Аксара, в месяце шаабан (начался 30 сен-

[1] То есть различные ветви дома сельджуков в Анатолии.

[2] Кылыч Арслан II, который сменил Масуда I в этот год и правил до 588/1192 г.

тября) 550 года. Когда Кылыч Арслан вернулся и узнал о действиях аль-Малик аль-Адил Нур аль-Дина в его землях, он счел это неслыханным оскорблением, учитывая условия договора о мире, а также брачные связи между ними, и написал ему письмо в тоне порицания, укора и угроз. Нур аль-Дин ответил ему вежливыми извинениями и сладкими словами, и на этой основе их отношения оставались неизменными.

Год 551 от хиджры

(25 февраля 1156 г. — 12 февраля 1157 г.)

Первым днем этого года была пятница (24 февраля).

После прибытия паломников (из Мекки) в пятницу, 6-й день месяца сафара (30 марта), аль-Малик аль-Адил Нур аль-Дин отправился в Алеппо с частью своего аскара во вторник, 24-й день месяца сафара (17 апреля), после получения сообщения о грабежах и опустошении, совершенных франками в районах Алеппо. На пути его догнал посыльный, принесший благую новость о победе его аскара у Алеппо над франками, которые совершали набеги на прилегающие к Хариму территории, об убийстве и пленении многих из них. Курьер привез с собой значительное число голов франков, которые в ходе процессии были провезены по улицам Дамаска.

В канун четверга, 9-го дня месяца шаабана 551 года, что соответствует 27 сентября, во втором часу случилось мощное землетрясение. <...> Оно повторилось накануне среды, на 22-й день месяца шаабана (10 октября), и аналогичные толчки имели место до и после... Из Алеппо и Хамы сообщалось о многочисленных разрушениях и крушении одного из бастионов Афамии во время этих ужасных сотрясений земли. <...> Дальнейшие толчки также наблюдались в месяцы рамазан и шаввал[1], и все их трудно перечислить. Всемогущий Аллах отвел от Дамаска и его окрестностей те последствия частых и настоятельных толчков, которых люди так боялись, проявив к ним со-

[1] Подробное описание многих из этих толчков отсутствует.

чувствие и сострадание (Его мы благодарим в наших молитвах), однако из Алеппо поступали сообщения о многочисленных толчках и разрушении некоторых жилищ. Что же касается[1] Шейзара, то там большое число домов обрушилось на их обитателей, большое число людей погибло, а жители Кафр-Таба ушли из города, опасаясь за свою жизнь. Аналогичные новости приходили из Хамы, а что произошло в других городах Сирии при таком проявлении божественных сил, неизвестно.

В среду, 21-й день месяца рамазана (14 ноября), князь Нур аль-Дин (да умножит Аллах число его побед) вернулся в свой город Дамаск из Алеппо и других провинций Сирии, изучив и урегулировав их дела, живой и здоровый, вместе со своим войском, после установления дружеских отношений между ним и сыном султана Масуда и правителем Кунийи, уладив возникший между ними конфликт.

В месяце шаввал (начался 17 ноября) условия мирного соглашения были согласованы между ним и королем франков на период в один полный год, начиная с месяца шаабана (начался 19 сентября), при условии, что выплачиваемый им из Дамаска выкуп должен составить восемь тысяч динар Тира. С этой целью был подписан протокол соглашения, закрепленный клятвенными обещаниями.

В месяце шаабан из Египта сообщалось о нехватке зерна и росте цен на него, что сильно огорчило слабых, бедных и обездоленных. Правитель издал указ, изложенный в жестких выражениях, обязывающий земледельцев и владельцев значительных запасов зерна продать излишки, превышающие их собственные нужды, нуждающимся и малоимущим. И все же, несмотря на известные и достаточные разливы Нила в этом году, ситуация постоянно ухудшалась.

В последние десять дней месяца зу-л-хиджа (3—12 февраля) неверные франки коварно нарушили условия мирного соглашения по причине прибытия значительного числа франков по морю и последующего усиления их военных сил. Они пошли маршем в район Аль-Шаара в окрестностях Банияса, где в то время паслись лошади во-

[1] Следует читать *amma* вместо *illā*.

инов и горожан, вьючные животные крестьян окрестных деревень, а также животные торговцев и арабских земледельцев[1]. Бесчисленное их количество было пущено на выпас в надежде на мирный договор, заключенный правительством. Случилось так, что тюрки, которым было поручено охранять стадо, проявили невнимательность, и франки, воспользовавшись такой возможностью, увели весь скот, который им попался, ограбив, таким образом, его владельцев, не говоря уже о туркменах и о других людях, которых они захватили в плен. Так они вернулись победителями, с большими трофеями, совершив этот грех[2] — пусть сам Аллах своей мудростью накажет их и лишит их удачи — «Ему это не составит труда».

Год 552 от хиджры

(13 февраля 1157 г. — 1 февраля 1158 г.)

Первым днем этого года была среда (13 февраля).

Накануне среды, 19-го дня месяца сафара[3] (3 апреля), произошло сильное землетрясение на рассвете, за которым последовал еще один толчок накануне четверга, вслед за <...> и еще один после общей молитвы в следующую пятницу. С севера поступило несколько сообщений о страшных последствиях этих землетрясений, первых и последующих, в городах Шейзар, Хама, Кафр-Таб, Афамия и их окрестностях, вплоть до некоторых мест в провинции Алеппо.

В это же время несколько посыльных прибыло к Нур аль-Дину от правителей провинциальных городов, замков и районов в целях подготовки к незамедлительной атаке на проклятых врагов Аллаха, к набегу на тех неверных, которые противились ему, на сеятелей беспорядка в землях и нарушителей торжественной клятвы сохранять мирные и дружественные отношения. Тогда правитель Нур

У Абу Шамы (*R.H.C.* IV, 84) написано «арабы и землепашцы».

У Абу Шамы (*l. c.*) написано *āminīn* «невредимые» вместо *āthimīn*.

[3] Либо день недели, либо дата указаны неправильно; эта среда, возможно, приходилась на 15-й день месяца сафара.

аль-Дин приказал по поводу этих радостных обстоятельств украсить город, а сам по этому случаю сделал то, что никогда не делалось во времена прежних правителей. Он приказал украсить стены цитадели и княжеской резиденции оружием войны, таким как кирасы, нагрудники, щиты, сабли, копья, франкские круглые щиты, пики, знамена, флаги, барабаны, трубы и другие музыкальные инструменты. Войска, горожане и пришельцы — все собрались поглазеть на этот вид и выражали свое восхищение этим представлением, которое продолжалось семь дней, — да поможет им щедрый Аллах в осуществлении их планов и надежд на изгнание лживых и заблудших неверных.

Во вторник, 3-й день первого месяца раби[1] (16 апреля), правитель Нур аль-Дин (да продлит Аллах его дни) отправился в Баальбек, чтобы проверить там состояние дел и принять участие в организации войск гарнизона. Он также получил сообщения из Химса и Хамы о набегах проклятых франков на эти районы, об их грабежах и бесчинствах, да лишит их Аллах удачи и ниспошлет скорейшее истребление.

В понедельник, 2-й день первого месяца раби (15 апреля), Зайн аль-Худжадж (да сохранит его Аллах) направился в Египет в качестве посланника от Нур аль-Дина, чтобы вручить тамошнему правителю привезенное им письмо. Его также сопровождал посыльный, прибывший из Египта.

В воскресенье, 15-й день первого месяца раби (28 апреля), посланник принес радостную новость от победоносного аскара из Раас-аль-Ма о том, что Нусрат аль-Дин Амир Миран[2], получив информацию о посылке проклятыми франками многочисленного и хорошо вооруженного конного отряда их лучших воинов в Банияс, чтобы удержать его и усилить оружием и деньгами, спешно выступил им навстречу со своим победоносным аскаром. Говорили, что численность франков составляла семьсот всадников из числа самых смелых госпитальеров, их оруженосцев и тамплиеров, не считая пеших воинов. <...>

Здесь в тексте указано 13-е число, а в следующем абзаце приводится 12-е, что противоречит нижеуказанным датам.

[2] Брат Нур аль-Дина.

Нусрат аль-Дин встретил их на подходах к Баниясу, и, когда его защитники вышли и присоединились к нему, он нанес франкам сокрушительное поражение. Он расставил самых отважных из своих тюрок в засады в различных местах, и, когда сражение началось и поначалу мусульмане стали отступать перед франками, люди из засады набросились на них, и Аллах лишил многобожников удачи и помог мусульманам. Острые сабли обрушились на головы врагов, нанося по их шеям ужасные смертельные удары, меткие копья и разящие стрелы пронзали их тела, и никому из них не удалось спастись, кроме некоторых, кому улыбнулась судьба и чьи сердца окрылил страх. В войске франков не осталось ни одного человека, который не был бы убит, ранен, ограблен, пленен или оставлен лежать на земле, а в руки мусульман попала неисчислимая добыча в виде их лошадей, оружия, животных, денег и документов[1], многочисленных пленных и голов убиенных. <...>

Основное число их пеших воинов, состоявшее из франков и примкнувших к ним мусульман из Джабал-Амила, было порублено саблями. Битва состоялась в пятницу, 13-й день первого месяца раби (26 апреля), и пленные, головы убитых и [захваченное] имущество были доставлены в столицу на следующий понедельник. Их провели процессией по всему городу, где собралось большое количество зрителей, состоялся радостный общественный праздник, а сердца правоверных мусульман наполнились ликованием. Это была кара, ниспосланная Аллахом (да прославится Его имя) на многобожников за их злобные деяния, за постыдное нарушение клятвы хранить мир с правителем Нур аль-Дином, за нарушение мирного договора, за угон лошадей и скота с пастбища Аль-Шаара, где торговцы и крестьяне выпасали его в надежде на мирный договор, но были обмануты ложными обещаниями его соблюдать. Группа пленных многобожников была отправлена Нур аль-Дину в Баальбек, и он отдал приказ безжалостно казнить их — это было их унижением в настоящей жизни, а в следующей — станет

---

[1] Это обычное значение слова *qarātīs*, но это может также означать «верблюдиц» и ряд других предметов.

горьким наказанием, ведь «если кто-то творит зло, то ему воздадут в меру содеянного»[1].

За этой блестящей победой последовало второе радостное сообщение от Асад аль-Дина (Ширкух) о том, что большое число воинов-туркмен присоединилось к нему, и он одержал победу над крупным эскадроном многобожников, который пришел из их замков на севере. Они были обращены в бегство, и туркмены уничтожили тех из них, кого могли схватить. После этого Асад аль-Дин прибыл в Баальбек с аскаром, состоявшим из предводителей и воинов-туркмен, которые пришли в большом количестве для участия в священной войне против многобожников, врагов Аллаха. Он встретился с аль-Малик аль-Адил Нур аль-Дином во вторник[2], 25-й день первого месяца раби...

Тогда было принято решение направиться в территории, населенные многобожниками, чтобы покорить их и выполнить задачу набега и священной войны против их обитателей, начав с наступления на Баниас, с его блокады и попытки его захвата — да поможет им милостивый Аллах скорее достичь цели[3].

Во вторник, 27-й день первого месяца раби (2 мая), Нур аль-Дин прибыл в свою столицу, чтобы организовать выпуск оружия и его отправку в аскар. Пробыв там несколько дней, он тут же отправился в собранные из туркмен и арабов эскадроны, чтобы вести священную войну с неверными. Сразу же по прибытии он занялся делом, ради которого приехал. Он приказал оснастить баллистами и оружием победоносный аскар и[4] обнародовал в городе воззвание, призывая всех желающих принять участие в священной войне, а также всех добровольцев из числа горожан и пришельцев вооружиться и приготовиться вести войну с франками, приверженными многобожию и ереси. Сам же он поспешил присоединиться к победоносному аскару, не колеблясь и не откладывая своего путе-

---

Коран, сура 27, стих 225.

В тексте сказано — понедельник.

Аналогичное выражение встречается ниже по тексту и обычно опускается без замечаний.

[4] Следует читать *wa* перед *bi'n-nidā'i*.

шествия, в субботу, 1-й день первого месяца раби. За ним последовало огромное число вооруженных групп, добровольцев, религиозных проповедников, сторонников суфизма и набожных поборников истинной веры.

В следующую субботу, 7-й день второго месяца раби (18 мая), после нападения аль-Малик аль-Адил Нур аль-Дина на Банияс с его аскаром и осады города с использованием катапульт почтовый голубь прилетел от победоносного аскара из окрестностей Банияса с письмом, сообщающим о прибытии курьера из лагеря Асад аль-Дина у Хунина[1], где он стоял с туркменами и арабами, с сообщением о следующих событиях. Франки (да отвернется от них Аллах) направили подразделение своих главных предводителей и воинов числом более сотни всадников, не считая сопровождения, чтобы атаковать это войско. Они думали, что здесь только горстка людей, и не подозревали, что их несколько тысяч. Когда франки приблизились, мусульмане набросились на них, как львы на добычу, и одержали над ними победу, убивая, захватывая в плен и грабя, после чего лишь немногим из них удалось спастись. Пленников, головы убитых, а также их имущество — отборных лошадей, щиты и копья — привезли в город в понедельник, после упомянутой даты, провели через весь город, от чего сердца всех людей возрадовались, и Аллаху воздавались многочисленные хвалы за Его второй дар, последовавший за первым, да ускорит Он их крах и изгнание. За этим знаком божественной благосклонности последовал прилет почтового голубя из лагеря у Банияса во вторник, последовавший за этим днем, с вестью о захвате Банияса силой оружия в четвертом часу[2] этого вторника, когда закончилось сооружение сапа, в нем был разведен огонь, взорванная башня рухнула, и войска устремились через пролом, рубили саблями его обитателей и грабили их имущество. Те, кому удалось спастись, укрылись в цитадели. Ее осада продолжается, и захват осталось ждать недолго благодаря милости Всемогущего Аллаха — да поможет Он ускорить дело.

Местонахождения последнего Castellum Novum, на перекрестке северной дороги из Сафада и дороги из Тибнина в Баниас.

[2] То есть от рассвета.

После этого, по предрасположенности судьбы, франки собрались из их крепостей, чтобы спасти Хамфри[1], правителя Банияса, и его франкских сподвижников, которые оказались осажденными в цитадели города. Со своей стороны, они были на грани краха и готовились обсудить с Нур аль-Дином условия капитуляции, предлагая все содержимое цитадели в обмен на освобождение, но он не согласился на их предложения и не удовлетворил их желаний. Когда король франков прибыл со стороны гор с войском конных и пеших воинов и захватил врасплох две армии, стоявшие лагерем[2] у Банияса и осаждавшие его, отрезавшие дорогу и подходы к городу, политика потребовала от них отступления, и франки дошли до крепости и освободили[3] ее защитников. Но когда они увидели, что стена Банияса и жилища обитателей города полностью разрушены, они отчаялись восстановить их. Это случилось в последние десять дней второго месяца раби (12—20 июня).

В среду, 9-й день первого месяца джумаада (19 июня), прилетели голуби с письмами из лагеря Нур аль-Дина с информацией о том, что аль-Малик аль-Адил Нур аль-Дин, узнав, что лагерь неверных франков расположен у Аль-Маллахи[4], между Тиверией и Баниясом, выступил со своим победоносным аскаром туркмен и арабов и отправился туда скорым маршем. Когда он приблизился к франкам, они, захваченные врасплох[5], увидев его многочисленные знамена, спешно надели свои доспехи и сели в седла, и, разделившись на четыре отряда, атаковали мусульман. Тогда князь Нур аль-Дин спешился, за ним спешились и его отважные воины и осыпали врагов копьями и стрелами, и за время, меньшее, чем нужно, чтобы об этом рассказать, атака врагов захлебнулась, и среди них воцарились смерть и разрушение. Аллах, Великий и Всемогущий, помог своим правоверным последователям, отвернувшись от упрямых неверных. Мы одолели их конников, убивая и

Al-hunufrī.

Следует читать *an-nāzili* вместо *an-nāzilaini* (сравните *R.H.C.* IV, 88).

[3] Следует читать *istakhlasū*.

[4] Вблизи северо-западного окончания озера Хуле.

[5] Следует читать *ghārrūna*.

пленяя их, и порубили саблями их пеших воинов. Франки пришли в большом количестве, огромным войском, но никому из них не удалось спастись, как сообщает надежный источник, за исключением десяти человек, которым улыбнулась судьба и сердца которых окрылил страх. Говорили, что их король (да проклянет его Аллах) был среди них, говорили также, что он оказался в числе убитых, но никакой информации о нем не осталось, несмотря на тщательные поиски. Аскар ислама потерял всего двух человек, один из которых был знаменитым воином, убившим четырех бойцов неверных, и сам погиб, когда пробил его час, а второй — неизвестный странник. Оба они почили смертью мучеников, вознагражденные и оцененные (да будет милостив к ним Аллах). В руки воинов ислама попало неисчислимое количество лошадей, имущества, скота и вьючного оборудования франков, и их церковь с ее знаменитой утварью оказалась в руках князя Нур аль-Дина. Это была славная победа, знамение помощи Всемогущего Аллаха, дарителя победы, да усилит Он мощь ислама и унизит многобожников и их клику.

Пленников и головы убитых привезли в Дамаск в понедельник, следующий за днем победы. Франкских кавалеристов усадили попарно на верблюдов, каждой паре дали по неразвернутому флагу, с привязанными к ним несколькими кожами с волосами, снятых с голов убитых. Их предводителей и командиров крепостей и провинций усадили каждого на лошадь, надели на каждого кольчугу и шлем и дали флаг в руки, а пехотинцев, сержантов и легковооруженных солдат[1] связали вместе по три, четыре, больше или меньше. Бесчисленное число горожан — старики и молодые, женщины и дети — вышли посмотреть, какую блистательную победу Аллах (да будет благословенно Его имя) даровал всем мусульманам, они непрестанно благодарили и прославляли Аллаха и истово молились за аль-Малик аль-Адил Нур аль-Дина, своего защитника и хранителя.

Теперь Нур аль-Дин вознамерился атаковать территории франков, чтобы захватить их и подчинить себе (да поможет ему милостивый Аллах). В четверг, 25-й день

[1] *Ad-durkubūlīya.*

первого месяца джумаада (4 июля) <...> и накануне субботы, 4-го дня второго месяца джумаада (14 июля), произошло несколько толчков землетрясения[1]. С севера сообщалось, что эти толчки ощущались в Алеппо, а также в Химсе. Они были настолько сильными, что жителей охватил ужас и горе. Несколько строений в Хаме, Кафр-Табе и Афамии было разрушено. Некоторые из рухнувших построек уже были восстановлены после разрушения во время предыдущего землетрясения. Из Таймы[2] также сообщалось об ужасных разрушениях жилищ.

В период между 11-м и 20-м числами второго месяца джумаада поступило несколько сообщений о прибытии (Кылыч Арслана) сына султана Масуда[3] с огромным войском для осады Антиохии. Обстоятельства вызвали необходимость подписания мирного договора между аль-Малик аль-Адил Нур аль-Дином и королем франков, и между ними состоялся долгий обмен письмами с предложениями и обсуждениями, в результате чего дело зашло в тупик и не привело к достижению желанного мира и подписанию успешного и удовлетворительного договора. Аль-Малик аль-Адил (да умножит Аллах его победы) прибыл с частью своего аскара в свои владения в субботу, 25-й день второго месяца джумаада (3 августа), оставив остальную часть аскара вместе с арабами в поле напротив провинций многобожников (да отвернется от них Аллах). В воскресенье, 3-й день месяца раджаба (11 августа), он направился в Алеппо и его районы с инспекционной проверкой состояния их обороны, поскольку они подверглись набегам многобожников, а войска князя Ибн Масуда находились в непосредственной близости от них.

[После возобновления подземных толчков в месяце раджаб] с севера стали поступать ужасные и беспокоящие новости из Хамы о том, что город вместе с цитаделью, домами и строениями обрушился на голову своих обитателей — стариков, юношей, детей и женщин, погубив огромное количество душ, и почти никто не уцелел, за

Подробности опущены. О последующих толчках в месяце раджаб (август) рассказывается ниже

[2] На северных склонах Джабал-Друзы.

[3] См. с. 230.

исключением нескольких человек. Что касается Шейзара, то его пригород уцелел, за исключением того, что было разрушено ранее, но его знаменитый замок обрушился на правителя, Тадж аль-Даулу, сына Абу л-Асакира ибн Мункида (да будет милостив к нему Аллах) и его ближних, за исключением некоторых, кто там отсутствовал. Население Химса в панике покинуло город и спаслось в пригородах, а их жилища и цитадель были разрушены. В Алеппо были разрушены некоторые здания, и население покинуло город. Что касается более отдаленных замков и крепостей, таких как Джабала и Джебель, то там землетрясение имело ужасные последствия. Саламия была разрушена, как и другие места, начиная от нее и вплоть до Аль-Рахбы и его окрестностей. Если бы Аллах не смилостивился над своими созданиями и их городами, то произошло бы ужасное несчастье, и возникла бы серьезная и печальная ситуация[1].

В начале месяца зу-л-каада (начался 5 декабря) из Химса пришло сообщение о кончине его правителя, эмира по имени Салах аль-Дин (аль-Ягисияни). В молодости он пользовался большой благосклонностью атабека Имад аль-Дина Занги, правителя Алеппо и Сирии (да будет милостив к нему Аллах), и быстро продвигался по службе благодаря своей преданности, способностям, верности суждений и умению действовать от имени правителя. С годами силы его покидали, и Салах аль-Дину пришлось отказаться от активной деятельности, но он еще ездил верхом на лошади. Впоследствии он был вынужден путешествовать в паланкине, улаживая дела и инспектируя районы, но вплоть до самой смерти не страдал от телесных недугов и расстройства ума. Его сыновья унаследовали его чин и должность.

Здесь уже упоминалось об отъезде аль-Малик аль-Адил Нур аль-Дина из Дамаска с войсками в города Сирии, после получения сообщения о том, что франки (да отвернется от них Аллах) собирались напасть на них, воспользовавшись непрерывными толчками землетрясения, которые ослабляли эти города, разрушая замки, цитадели

О последующих толчках сообщается в месяцы рамазан и шаввал (октябрь и ноябрь). Особо сильными они были в Алеппо и Хаме.

и жилища. Нур аль-Дин принял меры для их защиты и охраны, чтобы успокоить людей Химса, Шейзара, Кафр-Таба, Хамы и других мест, которые уцелели и теперь собирались присоединиться к нему с огромным, многочисленным войском из крепостей и провинций. Среди них были и туркмены. Он стал лагерем с огромным войском перед армией франков в окрестностях Антиохии и окружил их так, что ни один конник не мог отправиться в рейд.

Через несколько дней после начала месяца рамазана 552 года (7 октября 1157 г.) аль-Малик аль-Адил Нур аль-Дин тяжело заболел. Когда болезнь обострилась и он испугался, что она может оказаться фатальной, он призвал своего брата Нусрат аль-Дин Амир Мирана и Асад аль-Дин Ширкуха, главных эмиров и военачальников и рассказал им, что он считает необходимым и наиболее полезным сделать. Он сообщил им, что благодаря репутации храброго и решительного человека Нусрат аль-Дин должен оставаться в Алеппо и занять его место, возместив эту утрату, а Асад аль-Дин останется удерживать Дамаск, как наместник Нусрат аль-Дина, и взял с них всех клятву выполнять эти условия. После заключения такого договора его болезнь обострилась, и он отправился в паланкине в Алеппо и обосновался в цитадели. Асад аль-Дин проследовал в Дамаск, чтобы защищать его территории от набегов франков и самому атаковать территории проклятых врагов, в конце месяца шаввала (закончился 4 декабря). После этого продолжали поступать тревожные вести о князе Нур аль-Дине, вызывавшие общее беспокойство и брожение. Армии мусульман разбрелись, в провинциях царила смута, а франки осмелели. Они подошли к городу Шейзару, взяли его приступом, убивая, грабя и захватывая в плен. Из различных частей страны собралось много исмаилитов, помимо прочих людей, и они нанесли поражение франкам, убили многих и выгнали их из Шейзара.

Случилось так, что, когда Нусрат аль-Дин прибыл в Алеппо, правитель цитадели, Маджд аль-Дин (Ибн аль-Дайя), отказался повиноваться ему и закрыл перед ним ворота. Но тогда поднялось городское ополчение Алеппо и, сказав: «Это наш правитель и князь после его брата», от-

правилось с оружием к воротам города, сломало замки, и Нусрат аль-Дин вошел со своим войском и занял город. Жители города упрекали, бранили и угрожали правителю цитадели и выдвинули несколько предложений Нусрат аль-Дину, среди которых была просьба возобновить традицию и вставить в призыв к молитве фразы: «Идите сюда, лучшие работники» и «Мухаммед и Али лучшие представители человечества»[1]. Он согласился с их предложениями, дав им соответствующие обещания, и расположился в своем собственном доме. Тогда правитель цитадели направил Нусрат аль-Дину и жителям Алеппо послание, в котором говорилось: «Наш господин аль-Малик аль-Адил Нур аль-Дин жив и в сознании, хотя и болен, и поэтому не было необходимости делать так, как сделали вы». По другому рассказу, в этом вопросе вся вина возлагалась на правителя. В условиях секретности несколько человек были допущены в цитадель, они видели живого Нур аль-Дина, который вполне понимал, что говорили ему и что говорил он сам. Он не одобрил того, что произошло, и сказал: «На этот раз я прощаю городское ополчение за его ошибочное решение и не виню его за такой проступок, поскольку его единственной целью было соблюсти интересы моего брата, назначенного мною наследника».

После этого по всей стране распространились сообщения и хорошие новости об улучшении здоровья князя Нур аль-Дина, и сердца всех людей наполнились радостью и весельем, после настороженности, волнения и горя, которые они испытывали до этого. Его здоровье продолжало восстанавливаться, и теперь его внимание обратилось к переписке с командирами, в которой он призывал их возобновить священную войну против проклятых. Между тем Нусрат аль-Дин был назначен правителем города Харрана и его зависимых территорий[2] и отправился туда.

Когда Асад аль-Дин получил подтверждение сообщений из Дамаска о выздоровлении аль-Малик аль-Адил Нур аль-Дина и о его намерении призвать армии ислама

Обе формулировки шиитские, использовались во времена Фатимидов, но были отменены Нур аль-Дином за несколько лет до этого.

[2] Следует читать *wamā 'udīfa ('ilaihā)* вместо *wa'udīfa* (сравните *R.H.C.* IV, 24).

на священную войну против врагов Аллаха и тех, кто проводил кампанию в Сирии[1], он спешно отправился из Дамаска в Алеппо. Прибыв туда вместе со своей конницей, он присоединился к аль-Малик аль-Адил Нур аль-Дину, принявшему его с почестями и похвалившему рвение, и они продолжили предпринимать такие меры для защиты провинций от угрозы нашествия банд неверных и заблудших, которые послужили бы всеобщему благу — да приблизит милостивый Аллах осуществление их планов и надежд.

Год 553 от хиджры

(2 февраля 1158 г. — 22 января 1159 г.)

Первым днем месяца мухаррама этого года был понедельник (3 февраля).

В первые дни этого месяца несколько подтверждающих сообщений поступило из мест расположения франков (да отвернется от них Аллах), проводивших свою кампанию в Сирии, относительно осады замка Харим и постоянных бомбардировок его камнями из баллист, пока оборона замка не ослабла и он не был захвачен силой оружия. Этот успех подстегнул желание совершать набеги на районы Сирии, у них освободились руки для грабежа и разорения тамошних крепостей и деревень, так как армии ислама рассредоточились, и в них возникли разногласия из-за того, что свалившаяся на аль-Малик аль-Адила болезнь отвлекла его внимание от этой проблемы.

В месяце сафар (начался 4 марта) посыльный доставил радостную новость об отъезде аль-Малик аль-Адил Нур аль-Дина из Алеппо по дороге в Дамаск. Проклятые неверные были охвачены неослабевающей алчностью и непрерывно посылали рейдерские отряды в районы Хаурана и Иклима[2], занимались там грабежами, разбоем,

---

[1] Здесь Сирия, как и везде в этом тексте, означает провинцию Алеппо.

[2] Иклимом обычно называется район или провинция, но здесь не ясно, какая именно из провинций Дамаска названа «Иклим». Район, который наиболее подходит здесь по смыслу, расположен вдоль Нахр-аль-Авадж (см. с. 211) и сейчас называется Иклим-Баллан.

поджогами и разрушением деревень, захватывали пленных и рабов. Они подошли к Дарайе и стали там лагерем во вторник, последний день месяца сафара (1 апреля), сожгли жилища и мечеть и разорили все вокруг. Навстречу вышло большое число солдат и городского ополчения, горевших желанием поскорее вступить с ними в бой и изгнать их, но при встрече с франками им не удалось выполнить свою задачу. Когда неверные (да отвернется от них Аллах) увидели, как много военного оснащения было выдвинуто в поле[1] против них, они отошли в Аль-Иклим в конце того же дня. Князь Нур аль-Дин прибыл в Дамаск и устроил там свою резиденцию в цитадели на рассвете в понедельник, 6-й день первого месяца раби (7 апреля), живой и здоровый, со своим сопровождением. Его встречали с большой помпезностью, почестями и пышностью, и весь мир радовался его счастливому прибытию, страстно благодарил Аллаха за его безопасность и выздоровление, молился за продление его дней и за его победоносные знамена. Он занялся организацией войск и подготовкой их оснащения для ведения священной войны — да укрепит его Аллах и поможет ему в достижении всех его целей.

В начале первого месяца раби этого года из Египта пришло сообщение о появлении значительного контингента его аскара у Газы и Аскалона. Они совершили набег на земли франков, и те из них, которые находились там, вышли против них. Но Аллах даровал победу над ними мусульманам, которые убивали и пленили их так, что уцелели лишь немногие, а мусульмане захватили богатые трофеи и вернулись невредимые и победоносные.

Сообщалось, что командир Святых воинов[2] на море захватил несколько судов многобожников, полных франками, огромное количество их было убито и захвачено в плен, а он, захватив у них несчетное количество богатств, военного снаряжения и другого имущества, вернулся с победой и большими трофеями.

---

[1] У Абу Шамы (*R.H.C.* IV, 27) «огромное число тех, которые вышли».

[2] Гхузах, см. стр. 201 сноску 2.

В воскресенье, 9-й день второго месяца раби (11 мая), аль-Малик аль-Адил Нур аль-Дин вышел из Дамаска на Деревянный мост со своим победоносным аскаром, оснащенным военным оборудованием, и поспешил на бой с неверными многобожниками. До этого Асад аль-Дин, прибыв с конницей туркмен, повел их в рейд на районы Сидона и его окрестности, где они захватили большие и прекрасные трофеи. Располагавшиеся там франкские конные и пешие воины вышли на бой с ними, но попали в засаду и оказались захваченными. Большинство франков были убиты, а остальные, включая сына полководца, отвечавшего за замок Харим, взяты в плен. Мусульмане вернулись невредимыми, с пленными, головами убитых и трофеями, потеряв только одного конного воина — хвала Аллаху за это.

Из королевского лагеря сообщалось, что франки (да отвернется от них Аллах), собравшись силами, отправились в поход на победоносный аскар, который правитель Нур аль-Дин выдвинул вместе с остальным войском вперед, и сражение состоялось. Случилось так, что аскар ислама из-за ошибки одного из военачальников отступил и рассредоточился, но Нур аль-Дин быстро занял его место, встретив франков с небольшой группой своих самых отважных воинов и приближенных. Они стали осыпать врага стрелами и порубили большое число их людей и лошадей, пока наконец франки не бросились бежать, чтобы не попасть в ловушку мусульманской конницы. Так Аллах (хвала Ему) спас Нур аль-Дина от этой рубки, чему способствовали как Его помощь, так и собственные отвага князя, твердость его ума и широко известная доблесть. Он вернулся в лагерь невредимым со своим отрядом и порицал тех, по чьей вине ему пришлось отступить перед франками, а в это время войско франков разбрелось по своим провинциям. Нур аль-Дин написал королю франков[1], выразив желание достичь перемирия и стараясь склонить его к этому, но после долгого обмена письмами между двумя сторонами соглашение между

[1] Это наиболее естественная конструкция, но эти слова можно также прочитать как «король франков написал». У Абу Шамы (с. 99) этот фрагмент изложен более точно в последнем варианте.

ними так и не было достигнуто. Победоносный аскар некоторое время оставался в поле, пока Нур аль-Дин не принял разумное решение вернуться в столицу, куда он и пришел — [1] месяца шаабана (начался 28 августа) этого года.

Во вторник, 11-й день[2] месяца рамазана (7 октября), управляющий Махмуд-муваллад[3] прибыл из Египта с ответом своего правителя, аль-Малик аль-Салиха (Талай бен Руззик), на письма, которые ему было поручено доставить[4]. Его сопровождал один из главных эмиров Египта в качестве посланника, который привез денежный дар в княжескую казну Нур аль-Дина, вместе с различными египетскими диковинками и арабскими скакунами. Отряд франков (да отвернется от них Аллах) вступал с ними в стычки[5] на дорогах, по которым они проходили, но Аллах позволил мусульманам одержать над ними верх, и лишь немногим врагам удалось спастись. Вслед за этим пришло сообщение от египетского аскара о его победе над значительным войском франков и арабов численностью в четыре сотни конных воинов или более у Аль-Ариша, одного из колодцев (между Палестиной и Египтом), где франки понесли большие потери убитыми, пленными и имуществом. Это была великая победа и воодушевляющий успех — за что хвала Аллаху.

Ряд достоверных сообщений был получен из Константинополя в месяце зу-л-хиджа (начался 24 декабря) этого года о появлении там императора греков с огромным войском и большой свитой, чтобы атаковать города и крепости ислама. Он прибыл в Мурудж-аль-Дибадж и стал там лагерем, чтобы направлять свои эскадроны в рейды на районы Антиохии и ближайшие провинции, а отряд туркмен одержал победу над одним из этих подразделений. Это произошло после того, как император греков захва-

---

Пропуск в тексте.

В тексте указано 21-е число, что противоречит как календарю, так и другим датам, приведенным автором; сравните также у Ибн Муйассара в *R.H.C.* III, 472—473.

[3] «Сын родителей рабов», т. е. выходец из турецких гулямов.

[4] Написано *tahammalahu* вместо *tahammalnā* («нам было поручено») (сравните A.S. с. 102).

[5] Следует читать *ilaihim* (A.S. *lahum*) вместо *al-muhimma*.

тил в этих территориях [сына] Льва[1], царя армян, несколько замков и крепостей. Когда новость об этом дошла до аль-Малик аль-Адил Нур аль-Дина, он стал писать правителям городов и крепостей, сообщать им о деяниях греков, предупреждая быть бдительными и готовиться принять участие в священной войне против неверных, чтобы наказать всех, кто попадется им в руки.

Год 554 от хиджры

(23 января 1159 г. — 11 января 1160 г.)

Первым днем этого года была пятница (23 января).

В первые дни месяца зу-л-хиджа 553 года аль-Малик аль-Адил Нур аль-Дин заболел, болезнь все усиливалась, забирая его силы, и вновь тревожные слухи о нем стали распространяться по вине тех, кто завидовал его удаче, а также среди сеятелей смуты подданных из низших классов. Гражданское население и местные войска были в смятении, а жители приграничных районов и земель боялись, что с ним случится беда, что особо настораживало, если принимать во внимание сообщения о передвижениях греков и новости, касающиеся франков (да отвернется от них Аллах). Осознав свою слабость, он повелел своим старшим офицерам: «Я хочу довести до вас мою волю по поводу того, что я задумал. Готовы ли вы выслушать меня и принять мои условия?» Они ответили: «Мы выслушаем твой приказ и подчинимся ему, каково бы ни было твое решение или твой приказ, мы примем его и поступим в соответствии с ним». Тогда он сказал: «Я беспокоюсь о моих подданных и всех мусульманах, если на смену мне придут глупые, злые и жестокие правители. Что касается моего брата Нусрат аль-Дин Амир Мирана, то, зная о его характере и злых делах, я не могу согласиться отдать ему власть вершить какие-либо дела мусульман. Поэтому мой выбор пал на моего брата, эмира Кутб аль-Дин Мавдуда, сына Имад аль-Дина, правителя Мосула, так как он

---

[1] Следует читать *min a'māli Lāwīn* (как в A.S. с. 103); либо же, возможно, несколько слов пропущено (например, *mina 'l-a 'māli 'llatī li'bni Lāwīn*), поскольку отрывок посвящен не Льву, а его сыну Торосу.

обладает умом, прямотой, милосердием и истинной верой, чтобы занять мое место после меня и восполнить эту потерю. Будете ли вы после меня повиноваться ему и выполнять его указы, поклянетесь ли в верности ему искренне и всем сердцем, с единой целью в уме?» Собравшиеся ответили: «Мы подчинимся твоему повелению и выполним твое решение» — и торжественно поклялись действовать по его воле и выполнять его заветы. Тогда он послал гонца к своему брату, чтобы сообщить ему о положении дел. Тот был готов выполнить его роль безотлагательно. Однако после этого Аллах смилостивился над Нур аль-Дином и над всеми мусульманами, даровав ему выздоровление, восстановление телесных и душевных сил, и он занял свое место в зале совета, чтобы приветствовать всех собравшихся[1] и принять их поздравления. Сердца всех людей возрадовались избавлению от болезней, и их дух укрепился его обновлением.

Тогда эмир Маджд аль-Дин, его наместник в Алеппо, расставил на дорогах патрули для защиты путешественников, а житель Менбиджа схватил какого-то человека, носильщика из Дамаска, известного как Ибн Магзу, при котором оказалось несколько писем. Он отправил этого человека и письма Муджахид аль-Дину, правителю Алеппо, который, ознакомившись с их содержанием, приказал четвертовать принесшего их и тотчас переправил письма аль-Малик аль-Адил Нур аль-Дину. Когда тот получил их в четверг, 14-й день[2] месяца мухаррама этого нового года (5 февраля), он обнаружил, что они исходят от интенданта его дивана, правителя цитадели, и одного из его управляющих и предназначены его брату Нусрат аль-Дин Амир Мирану, правителю Харрана. Они информируют его о том, что жизнь его брата аль-Малик аль-Адила обречена, и уговаривают его безотлагательно прибыть в Дамаск и забрать все в свои руки. Узнав об этом, Нур аль-Дин показал письма их авторам, которые их признали, и приказал взять их под стражу. В их числе был и четвертый человек, но он испугался и успел скрыться за два дня до этого. Одновременно с этим пришло письмо от правите-

[1] Следует читать *lid-dukhūli* вместо *al-madkhūlu*.

[2] Дословно «во второй декаде месяца мухаррама».

ля Калат Габара с информацией о том, что Нусрат аль-Дин переправился через реку и спешит в Дамаск. Тогда Нур аль-Дин отправил Асад аль-Дина с победоносным аскаром, дабы изгнать предателя и не позволить ему прибыть. После этого Нур аль-Дину сообщили о возвращении Нусрат аль-Дина в собственные владения, когда он узнал о выздоровлении своего брата аль-Малик аль-Адила, и тогда Асад аль-Дин вернулся с аскаром в Дамаск.

Посланники князя прибыли из Мосула с ответом на письма, которые им было поручено доставить его брату Кутб аль-Дину. Когда они покинули его, он уже выступил со своим аскаром в Дамаск, но, выходя из Мосула, он получил известие о выздоровлении князя Нур аль-Дина и, оставшись на месте, послал визиря Джамаль аль-Дина выяснить ситуацию. Визирь прибыл в Дамаск в субботу, 8-й день месяца сафара (28 февраля), с большой помпезностью, и был встречен многочисленной свитой. <...> Он встретился с аль-Малик аль-Адил Нур аль-Дином, они провели переговоры и заключили ряд соглашений, после чего визирь возвратился назад, получив подобающие почести и внимание. Нур аль-Дин послал с ним своему брату Кутб аль-Дину и его приближенным офицерам такие дары, которых требовали сложившиеся обстоятельства, и визирь-исфахсаллар Асад аль-Дин Ширкух вместе с приближенными офицерами отбыл в субботу, 15-й день месяца сафара (7 марта).

В это же время прибыл посланник императора греков. Из его лагеря были присланы дары для аль-Малик аль-Адила в виде парчи и других тканей, вместе с дружественным письмом и мулами[1]. Аналогичный дар был сделан в ответ, и он отправился в обратную дорогу в последние дни месяца сафара. Говорили, что король франков (да отвернется от него Аллах) заключил договор о мире и дружбе с императором греков — да обрушит Аллах свой гнев на них обоих, чтобы они почувствовали вкус возмездия за свое предательство и вероломство.

Также, в период между 10-м и 20-м днями месяца сафара, камергер Махмуд аль-Мустаршиди отправился в

Абу Шама пишет (с. 104) *fi'āl* («действие», т. е. вежливый жест) вместо *bighāl* («мулы»).

Египет вместе с возвращающимися туда посланниками (да сохранит их Аллах) и ответами[1] от аль-Малик аль-Адила на письма, которые они доставили от аль-Малик аль-Адил аль-Салиха (Ибн Руззик), его правителя.

Из греческих земель прибыли новости о его намерении выступить в поход против Антиохии и атаковать исламские крепости. Аль-Малик аль-Адил Нур аль-Дин поспешил отправиться в города Сирии, чтобы избавить их от страха перед угрозами со стороны греков и франков (да отвернется от них Аллах), и выступил с победоносным аскаром в четверг, 5-й[2] день первого месяца раби (26 марта), в направлении Химса, Хамы и Шейзара, намереваясь продолжить свой поход в направлении Алеппо[3], если того потребуют обстоятельства.

В 1-й день первого месяца джумаада (21 мая) поступило несколько радостных сообщений от победоносного аскара князя Нур аль-Дина из Алеппо о том, что эмиры, полководцы и правители провинций прибыли, один за другим, с огромными силами, чтобы защитить эти земли от угрозы и коварства врагов и принять участие в священной войне против войск заблудших неверных, греков и франков, которые намеревались напасть на земли ислама и лелеяли коварное желание завладеть ими и ограбить их. И тогда Аллах проявил величайшую щедрость к Своим созданиям, доброту и сочувствие к Его городам, даровав Нур аль-Дину решительность, здравое суждение, способность управлять и принимать решения, чистоту помыслов в отношении Аллаха и цельность мышления в вопросах заключения соглашения о мире и дружественных отношениях между ним и императором греков, о чем никто не мог подумать и никто не мог себе это представить. Таким образом, в результате разумного суждения императора греков и его осознания ужасных последствий войны и трудностей достижения ее желанного завершения официальный договор по этому вопросу был заклю-

---

Следует читать *bijawābāti* вместо *bijārāyati*.

В тексте указано 3-е число, но даты, приведенные в других абзацах, указывают на то, что первый месяц раби начался в тех местах в воскресенье, 22 марта.

[3] Следует читать *'in* вместо *'ilā'an*.

чен для укрепления мира, после обмена посланиями и обсуждения предложений о его условиях. Условие императора греков освободить предводителей франков, находящихся в заключении у князя Нур аль-Дина, и их перевод в его собственный лагерь было выполнено, и Нур аль-Дин отправил их всех к нему. Удовлетворены были также и (другие) его требования. В ответ на этот великодушный жест император греков прислал дары, подобающие самым великим и могущественным правителям: различные восхитительные парчовые одежды в большом количестве, драгоценные камни, парчовый шатер большой цены, а также достаточное число местных лошадей[1]. После этого, в период между 11-м и 20-м днями первого месяца джумаада 554 года, он покинул лагерь и вернулся с войском в свои земли, заслужив благодарности и похвалы, не тронув ни одного мусульманина, и сердца людей покинули неуверенность и страх, их сменило чувство спокойствия и безопасности.

После этого пришло сообщение о том, что аль-Малик аль-Адил Нур аль-Дин устроил роскошный пир в пятницу, 17-й день первого месяца джумаада (5 июня), для своего брата Кутб аль-Дина и его аскара, а также для тех военачальников, правителей и их войск, которые пришли, чтобы принять вместе с ним участие в священной войне против греков и франков. Для этого была проведена огромная подготовка, зарезано много лошадей, овец и скота и собрано все необходимое. Никто раньше такого не видел, и на это была потрачена значительная часть налогов[2]. Помимо этого он распределил среди них большое число арабских скакунов, лошадей и мулов, а также громадное количество почетных одежд, различных типов парчи, других даров и золотых блюд. Это был великий, праздничный и торжественный день. Случилось так, что отряд туркмен из отдаленных уголков, обнаружив, что войска ослабили бдительность и увлечены участием в

Al-khuyūl al — mahallīya, но, похоже, что *mahallī* в этом случае имеет какое-то техническое значение, а не «местные». У Абу Шамы (с. 105) сказано *al-jabalīya*, «горные лошади».

[2] *Qāma bijumlatin kabīratin mina'l-ghāramati*; здесь *gharamah* вряд ли может означать «возмещение расходов», и фразу, возможно, следует перевести в более общем смысле «стоило больших затрат».

пире, совершили набег на Бану Усаму и других арабов и увели их животных. Когда об этом стало известно, крупное подразделение победоносного аскара было послано в погоню за ними. Аскар догнал туркмен, отнял у них все, что они захватили, и вернул все владельцам.

Затем князь Нур аль-Дин (да возвысит его Аллах) решил направиться в город Харран, чтобы осадить его и забрать у своего брата Нусрат аль-Дина, поскольку видел в такой мере полезный смысл. Он вышел со своим победоносным аскаром в 1-й день второго месяца джумаада (19 июня), и, когда стал лагерем у города и осадил его, имела место серия переговоров, предложений и обещаний, пока, наконец, не было достигнуто согласие о пожаловании амнистии всем, кто там находился. Город сдался в субботу, 23-й день второго месяца джумаада (11 июля), его дела были налажены, а к его жителям проявлены милость и благоволение. После этого город отдали в управление высокому эмиру и исфахсаллару Зайн аль-Дину в качестве военного фьефа. Ему были вверены контроль за делами и оборона города.

Год 555 от хиджры

(12 января — 30 декабря 1160 г.)

Первым днем этого года был вторник [12 января].

В канун пятницы <...>[1] месяца сафара этого года скончался эмир Муджахид аль-Дин Бузан бен Мамин, один из главных эмиров курдов, пользовавшийся большим уважением в княжестве (да будет милостив к нему Аллах), славившийся смелостью, отвагой и либеральностью, щедро раздававший дары и милости, симпатичной внешностью и веселый в общении. Его отнесли из его дома у Садовых ворот в мечеть для молитвы, а затем в медресе его имени, где его и похоронили в тот же день. Все плакали по нему и сожалели о такой утрате, помня о его благих деяниях и благородных качествах[2].

В тексте дата опущена. Месяц сафар начинается 11 февраля.

Сам Ибн аль-Каланиси умер 7-го числа следующего месяца, что соответствует 18 марта 1160 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
С 1097 по 1132 год. 32

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
С 1132 по 1160 год. 150

Гибб Гамильтон

ДАМАССКИЕ ХРОНИКИ КРЕСТОНОСЦЕВ

Ответственный редактор *Ю.И. Шенгелая*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.Н. Должикова*

Ответственный корректор *Т.В. Вышегородцева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.11.2008.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 13,72.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 8055

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Фирменные магазины издательства «Центрполиграф» в Москве и Ростове-на-Дону

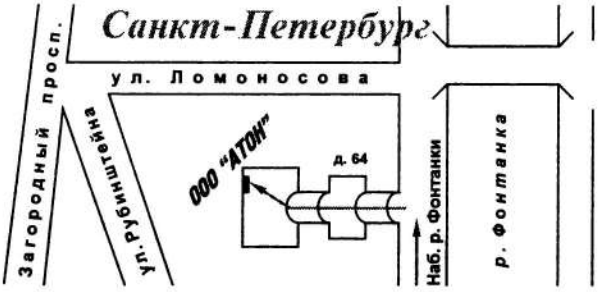

Москва — ул. Октябрьская, д. 18, *тел. для справок: (495) 684-49-89,* ***мелкооптовый отдел*** *— тел. (495) 684-49-68; пн—пт — 10.00—19.00, сб — 10.00—17.00,* ***курьерская доставка книг по Москве.***

Ростов-на-Дону — Привокзальная пл., д. 1/2 ***(мелкооптовый отдел),*** *тел.: (8632) 38-38-02; пн—пт — 9.00—18.00.*

Официальный дистрибьютор издательства ООО "АТОН". *Санкт-Петербург, набережная р. Фонтанки, д. 64, пом. 7-н, тел. для справок: (812) 575-52-80, (812) 575-52-81. Пн—пт — 9.00—18.30; сб, вскр — выходной. E-mail: aton@ppp.delfa.net*

ХРОНИКИ ВОЕННЫХ СРАЖЕНИЙ

Гамильтон Гибб

ДАМАССКИЕ ХРОНИКИ КРЕСТОНОСЦЕВ

Эта книга рассказывает об истории Крестовых походов, о том, как они виделись, переживались и записывались арабской стороной. Гамильтон Гибб создал адаптированную версию известной хроники арабского историка Ибн аль-Каланиси. Хронист, будучи очевидцем событий, отразил сложную внутреннюю ситуацию в арабском стане и дал свою интерпретацию Первого крестового похода. Действующие лица дамасских хроник — представители различных этнических и религиозных групп — арабы, сирийцы, кочевники-тюрки. Но особое внимание автора уделено личности князя Нур аль-Дина, взявшего Дамаск и объединившего арабские земли.

Свидетельства прошлого обнажают достаточно четкий исторический срез, дающий преставление о причинах противостояния Востока и Запада, эхо этих противоречий сохраняется и по сей день.

ISBN 978-5-9524-4106-4

9 785952 441064

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®